

А. Е. ТАРХОВ

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

СБОРНИКЪ
КНИЖНОГО
ДОБРУХИ

Мстиславъ Добружский

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЧОРТОВЪ ЛОГЪ И ПОЛУНОЩНОЕ СОЛНЦЕ.

РАЗСКАЗЫ и ПОЭМЫ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО EOS. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1908 ГОДА.

ЧОРТОВЪ ЛОГЪ.

РАЗСКАЗЫ.

Типографія Т-ва «ДРУКАРЬ». СПБ. Фонтанка, 94.

I.

Ч О Р Т И К Ъ.

Ч О Р Т И К Ъ.

Домъ Дивилиныхъ у рѣки. Старый, сѣрый, лупленный. Всякая собака знаетъ.

Дверь въ дому съ приступками узкая, сѣрая, глухая—ни скважинки, ни щелинки,—и для ключа никакой дырки не видно. Въ ночную пору не достучаться. Да и кому въ ночную пору стучаться?—развѣ бы вору?—вору-то, положимъ, и не къ чему, онъ и безъ дверей залѣзетъ, на то онъ и воръ. А вотъ если бы случай, надобность какая-нибудь важная... Ну, ужъ не обезсудь—звонка не водится. Одно время на двери висѣла записочка: «ходъ въ окошко».

Плутня ли тутъ чья или такъ ужъ надо было по случаю какой передѣлки,—дѣствительно въ ту пору поблизости околачивались маляры. Но отъ этого не легче. Ты сунься-ка, попробуй! — окно-то вона гдѣ: сколько ни скачи, не доскачешь, только жилу себѣ вытянешь. Оно если бы съ тумбы или съ фонаря... Да тумба-то на грѣхъ кривая: ѣхалъ какъ-то ломовикъ, зазѣвался, зацѣпилъ за тумбу, тумбу и своротило, такъ съ тѣхъ поръ кривой и осталась. А съ фонаремъ тоже радость не ахти какая. Если бы хоть чуточку поближе, а то ишь угодили куда — совсѣмъ наискосокъ къ рѣкѣ. Это пока-то полѣзешь да при-

норовишься—да и лазать не стоит: пустое! Ну, да что, съ улицы не подступиться.

Вотъ черезъ заборъ развѣ съ набережной махнуть?— костыли помѣха: другой попадетъ тебѣ толще пальца, вотъ этакій, а востроты — игла тупѣй. Его, братъ, не перешеголяешь!

Если ткнуться въ ворота... если ткнешься въ ворота, прямо передъ тобой будетъ на дворѣ огромный сарай; когда-то ходилъ сарай подъ извозчика, а теперь только конскій духъ остался, навозцемъ, да и тотъ продыхается. Доберешься до сарая, поверни на лѣвую руку и иди напрямикъ до собачьей конурки— собаки въ конуркѣ никакой нѣтъ, была одна, Бѣлкой звали, да подохла, такъ что и побрехать некому. А отъ конурки опять поверни на лѣвую руку и упрешься прямо въ дверь. Дверь обита замуслеванной клеенкой и на блокѣ. Отворить ты ее, конечно безъ труда отворишь, хитрости тутъ никакой нѣтъ, и пойдешь по корридору, напотькаешься вдоволь, и уткнешься, наконецъ, въ другую дверь. Тутъ-то тебѣ и ожидай. Пока не лопнетъ терпѣніе — все равно безъ толку — плюнешь и пойдешь.

Вотъ какъ законопачивались люди!

Улица узкая, пустынная: по утрамъ водовозъ, вечерами отходники—вотъ и все движеніе.

А въ дому живутъ. Но что въ домѣ дѣлается, ни одной душѣ не открыто.

* * *

Старикъ Дивилинъ въ большой чести былъ, представлялся за юрода. Хоть и жилъ затворникомъ, а

нѣтъ-нѣтъ, да и показывался. Ходилъ онъ подъ кличкой утопленника. Какъ-то еще вскорѣ послѣ женитьбы попалъ онъ на Крещенье въ прорубь и утонулъ. Стали искать, зацѣпили багромъ, на багрѣ и вытащили, подняли потомъ на руки и откачали. Съ тѣхъ поръ и пошло: утопленникъ да утопленникъ, и вся тутъ. Съ тѣхъ поръ и пошло: пить очень сталъ. Стукнетъ этотъ нелегкій часъ, — моментально всю одежду съ себя на полъ, да какъ есть, въ чемъ мать родила, прямо на улицу. Дождь ли, слякоть ли, морозъ ли трескучій или вьюга, — проходи мимо: никакого вниманія. И всѣ ему въ ту пору раками представлялись, а самъ онъ будто ракъ наиглавнѣйшій, въ родѣ какъ бы ихняя матка рачья. Вытянетъ руки, растопыритъ пальцы клешней и ловить. Кто бы ему ни попался, всякаго словить. И идетъ прямо на базаръ и тамъ первымъ дѣломъ за лошадей берется. Бьетъ во всѣ кулаки скотину, лупить ее по мордѣ, пока изъ силъ не выбьется, да гдѣ-нибудь у стойла тутъ же и притихнетъ. Лежитъ подъ рогожей неподвижно, какъ мертвецъ, глаза открыты огромные безъ бѣлковъ, и выпучены — рачьи, и самъ весь красный, какъ вареный ракъ. Придетъ время, очухается, встанетъ и начнетъ бормотать да распинаться. Только слушай. Тутъ отъ бабъ ему прохода нѣтъ. Все, что ни скажетъ утопленникъ, — все такъ и сбудется. Никогда не обманывалъ. Такой ужъ, знать, даръ былъ. Большимъ уваженіемъ пользовался человѣкъ, рѣдко кому выпадетъ отъ человѣка такое большое уваженіе. Да пренебрегалъ, не нуждался. Другого хотѣлъ.

Старуха Аграфена, какъ въ монастырѣ, и носу никуда не покажетъ, такъ и сидитъ сиднемъ. А кто ее

видѣль, не скажетъ, что она старуха: такъ лѣтъ сорокъ, не больше, да и то перехватишь, а эти годы не старые, и еще какъ поцевелиться можно, другая на ея мѣстѣ такіе выверты вывертываетъ, молодая позавидуетъ. Въ бѣленькомъ платочкѣ, вся прозрачная и неподвижная, не то безъ кости, не то безсѣмянка. Тихая, не улыбнется. И все въ одномъ видѣ и не старѣетъ и моложе не становится. А, бывало-то, до замужества, какія только, бывало, чудеса не творила, какія только чуды не чудила. Такая любовная: всякаго приголубить и пригрѣть, и откуда-то слова такія появятся, прямо за душу хватить, и войдутъ слова въ душу и угасятъ всякое пекло. Любому старику такія знанія, что она знала. Бывало, человѣка спрашивать начнетъ или въ трудную минуту сама что посовѣтуетъ. Глаза голубые, волосы — лень. Монаху не устоять, не токмо что простому человѣку. И случись же тому—влюбилась она по уши въ Ивана-утопленника, а Иванъ и въ усъ не дуетъ, хуже, просто самъ не знаетъ, почему она противна ему да и только. Тутъ вотъ оно и произошло. Взяла она Ивана, да не своими руками.

Вотъ какъ дѣло было. Давно ужъ замышляла Аграфена недоброе. Ждала только Пасхи.

На первый день Пасхи послѣ обѣдни, когда вышла батюшка со святой водой, замѣтила она пасху, на которую святая вода первѣ всѣхъ крапнула, отщипнула кусочекъ, затаила у себя. То же продѣлала и съ артосомъ, на который первѣ всего святая вода попала. Завязала артосъ и пасху въ тряпочку, повѣсила на грудь, и такъ носила на груди до новолунія. Когда же показался на небѣ молодой мѣсяцъ,

вышла она въ глухое мѣсто, стала противъ мѣсяца, сняла ему съ груди свой золотой крестъ.

«Мѣсяцъ молодой все видитъ, мѣсяцъ молодой все знаетъ, и видитъ и знаетъ, кто съ кѣмъ цѣлуется. И она, Аграфена, цѣлуется съ Иваномъ.

Такъ и навѣки, чтобъ цѣловались и миловались, какъ голубь съ голубкой!

Она ѣдетъ на осляти, гадюкой погоняетъ, приступаетъ къ мѣсяцу съ артосомъ и съ пасхой. И Иванъ ужъ не отвертывается, не говоритъ ей худого слова.

Такъ и навѣки, чтобъ не сказалъ худого слова, а все съ лаской».

Она сняла съ груди тряпочку, вынула артосъ и пасху, съѣла, а немножечко крошекъ оставила. Побѣжала подъ какимъ-то предлогомъ въ домъ къ Ивану, незамѣтно всыпала ему въ чай крошки. Дождалась, пока Иванъ выпилъ чай, и ушла домой.

Иванъ рехнулся: жить ужъ безъ нея не можетъ. А она испугалась. Видитъ, дѣло не ладно, жить такъ какъ раньше, она уже не можетъ; тянетъ куда-то, наводитъ на такія мысли—кровь холодѣетъ въ жилахъ. Все это такъ незамѣтно, какъ-то само собой, все буд-то въ шутку. И чувствуетъ она въ себѣ необыкновенную силу, и захоти она самага невѣроятнаго, и оно тотчасъ исполнителя. И она уже боится хотѣть чего-нибудь, боится думать... Опять достала крестъ, повѣсила себѣ на шею, стала поститься, все, все, все продѣлала, какъ написано. И затихла. Словно, прихлопнуло ее. Словно, чортъ задавилъ ее. Плюнулъ на

нее чортъ и навсегда ушелъ, бросилъ въ этомъ мірѣ жить въ покоѣ, въ молчаніи, безъ веселья, безъ радости, безъ единой улыбки хоть на одинъ мигъ. И она жила безмятежно, безропотно. Куда все подѣвалось?—сама не пойметъ. Да и было ли что?—ничего не помнить. Будто родилась такой, будто отродясь не веселилась, не радовалась, не улыбалась ни разу. Молится да вздыхаетъ, молится да вздыхаетъ. (О чемъ молится? О грѣхахъ. О какихъ грѣхахъ?)

*
*
*

Дѣти рождались часто. И помирали. Родится крѣпышъ, поживетъ съ годъ, ужъ и ходить начнетъ и разговаривать, да вдругъ ни съ того, ни съ сего и протянетъ ножки, Богу душу отдастъ. Осталось въ живыхъ всего на всего двое—два мальчика.

Старшій, Бористъ, большую охоту къ ученью имѣлъ. Всю свою половину въ домѣ книжками уставлялъ. Неразговорчивый, сидитъ, бывало, все читаетъ, и не оторвешь его ничѣмъ: ни сластями, ни играми. Кончилъ онъ гимназію, поступилъ въ университетъ.

Старикъ Бориса до страсти любилъ. Ни въ чемъ ему не отказывалъ. Все хотѣлъ, чтобы изъ него докторъ вышелъ.

Бывало, въ тихій часъ, когда не случалось запоя, подсядетъ старикъ тихонько къ сыну и все спрашиваетъ: откуда міръ пошелъ, да откуда земля, да откуда человѣкъ и всякій звѣрь, и зачѣмъ все такъ приключилось, какъ оно есть, и будетъ ли конецъ этому, и наступитъ ли другое, и какое такое это другое будетъ, и почему на землѣ всѣ причины и боль

и страсти, и зачѣмъ смерть приходитъ и люди рождаются и зачѣмъ сердце у него сохнетъ?...

Понималъ ли старикъ, что ему сынъ изъ книжекъ рассказывалъ, понималъ ли сынъ, о чемъ его старикъ спрашивалъ?—Старикъ все тянулъ свою черную рѣдкую бороду, впивался въ нее своими пальцами, будто клешнями, качалъ головой. И такъ же тихонько, какъ входилъ, опять отправлялся къ себѣ на свою половину и тамъ нерѣдко въ потемкахъ при крошечномъ свѣтѣ лампадки цѣлыми ночами ходилъ взадъ и впередъ и бормоталъ самъ съ собой и, впиваясь пальцами въ черную рѣдкую бороду, кивалъ головой, и, выпучивъ черные безъ бѣлковъ рачьи глаза, стоялъ столбомъ. Стоялъ долго—камень. И опять тихонько пробирался къ сыну и, если заставалъ его за книжками, садился молча, глядѣлъ на него, а впадина межъ бровями чернѣла чернѣй глубокаго колодца.

«Зачѣмъ смерть приходитъ и люди рождаются и зачѣмъ сердце у него сохнетъ»?...

Борисъ рано женился. Ходила къ нимъ въ домъ къ матери молоденькая монашка изъ ихняго монастыря. Вотъ на ней онъ и женился. Родилась у нихъ дѣвочка. И вскорѣ послѣ этого случилась въ домѣ одна темная исторія. Однажды ночью къ дому подъѣхала черная карета. Вышли изъ нея люди. Вошли въ домъ. Взяли Бориса. Посадили съ собой въ карету. Карета укатила. Уѣхалъ Борисъ. И больше не вернулся. Такъ и сгинулъ,—ни слуху, ни духу. Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а все ничего не извѣстно, и сколько ни ломали голову, ни до чего не дошли, и сказать ничего нельзя: какъ, что и почему? Двѣнад-

цать лѣтъ какъ умеръ старикъ, не возвращается Борисъ, и вернется ли,—одному Богу извѣстно.

Старикъ умеръ съ горя. Съ того дня онъ больше не ложился спать, больше не могъ спать. Всѣ ночи онъ проводилъ въ комнатѣ Бориса на своемъ обычномъ мѣстѣ у стола и, облокотясь, смотрѣлъ туда, гдѣ прежде сидѣлъ Борисъ, склоненный надъ книгой. Такъ и умеръ.

Уже послѣ смерти черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Аграфена родила послѣдняго. Окрестили мальчика Денисомъ въ честь дѣдушки. Ни смерть старика, ни случай съ сыномъ не смутили ея ровнаго изо дня въ день равнаго вѣка. Только одинъ разъ голубые ея глаза вспыхнули голубымъ огонькомъ. Только одинъ разъ—и погасли. Безмятежность, безропотность. Молится да вздыхаетъ, молится да вздыхаетъ. О чемъ молится? О грѣхахъ. О какихъ грѣхахъ?

* * *

Весь домъ и все хозяйство лежали на рукахъ невѣстки Глафиры. И она заправляла всѣмъ по-свойски.

Сохлая, какъ щепка, тошая какъ спичка, безъ кровинки, хищная и злая, что Яга на суковатомъ помелѣ,—сушая Яга. Тамъ, въ монастырѣ, тихая по нуждѣ, смиренная по послушанію, развернулась тутъ въ пустомъ домѣ съ его половинками, коридорчиками, переходами, закоулками, лѣстницами безъ конца и всякими безъ числа комнатами. Вышла она замужъ за Бориса... шутъ ее знаетъ, почему она вышла замужъ. По любви ли, или тутъ расчетъ какой былъ, или просто такъ пора пришла... Теперь свободная

могла свободно дѣлать все, что хотѣла. Но что ей дѣлать кромѣ, какъ по хозяйству, въ этомъ пустомъ домѣ? Да ничего. Ничего?

И попадало же Нинѣ и Денискѣ. По двору побѣгать, либо со двора куда: покататься тамъ на лодкѣ, поудить рыбу,—ни-ни! Только по большимъ праздникамъ Яга забирала дѣтей и отпрявлялась съ ними пѣшкомъ на другой конецъ города, въ монастырь за заставу. И всю-то дорогу муштровала и за службой пьивила,—какое ужъ тамъ развлеченіе, хуже карцера, куда Дениска частенько попадалъ и за лѣнь и за шалости.

Дениска — малчишка рослый и грудь у него желѣзная. На перемѣнѣ и часто во время урока, растягивая курточку, показываетъ мальчишкамъ свою грудь. И всѣ соглашаются, да и не могутъ не согласиться, что она у него дѣйствительно желѣзная, и если постучать, отдаетъ здорово. Когда онъ только что поступилъ, его встрѣтили кличкой—такъ по отцу—угопленникомъ. Но въ первый же день онъ избилъ одного изъ самыхъ отчаянныхъ и задирчивыхъ во всей гимназіи,—и съ тѣхъ поръ его побаиваются. Лѣнтяй страшный, за книжку не усадишь. Одно пристрастіе: очень рисовать любилъ. Только и дѣло, что выводитъ рожицы, учителей да разныхъ разности. Полны карманы карандашей, гуммиластиковъ и снимки. Снимка ходила не только для сниманія точекъ при оттушевкѣ, но и для озорства. Снимка такой предметъ, что самъ въ ротъ просится. И пахнетъ отъ нея чѣмъ-то такимъ пріятнымъ, особенно когда она свѣжая и съ бумажки такъ на желтой своей перепонкѣ отлипается. Дениска любитъ жевать

снимку, пожуесть-пожуесть, а потомъ какую-нибудь фигурку изъ нея и сооронить: либо лягушку, либо несурзность и еще тамъ что, отчего весь классъ, какъ одинъ, завизжитъ, и унять ужъ невозможно станеть. Потомъ надуеъ пузырьекъ и когда притихнуъ, возьметъ да и сдавить снимку, чтобы лопнуло. И трещить пузырьекъ по всему классу, а причины не видно. Изъ-за этой самой снимки сколько разъ въ карцерѣ сидѣлъ, да по воскресеньямъ приходилъ въ гимназію,—если считать, такъ всякій счетъ потеряешь.

Книжки читать для Дениски все равно, что поклоны класть. И тѣ книжки, которыя выдавались ученикамъ на домъ, съ первыхъ же строкъ нагоняли на него такую зѣвоту, и такъ его всего корчило, что, вотъ того и гляди, возьметъ онъ эти самыя книжки да въ клочки. А зналъ онъ много разныхъ исторій; разными путями онѣ попадали къ нему: и наслушался вдоволь и такъ изъ головы выдумывалъ. За карцеромъ присматривалъ старичекъ швейцаръ, Герасимъ, а Дениска, бывало, сидитъ, и старичекъ Герасимъ сидитъ, смотритъ къ нему въ окошечко: тоже никуда уйти нельзя, отвѣчать за все будешь. Вотъ старичекъ скуки ради и рассказываетъ. И про что только не калякалъ старикъ: и про сраженія, и про деревню, и про колдуновъ, и про покойниковъ. А сказки начнетъ—хоть бы и вѣкъ сидѣть въ карцерѣ!—вотъ какъ рассказывалъ.

Нина тоже училась въ гимназіи. Но прошлой зимой съ ней бѣда приключилась, и изъ гимназіи ее взяли.

Какъ-то на первый снѣгъ поѣла она съ Дениской снѣжку. Съ Дениски, какъ съ гуся вода, попершилъ,

тѣмъ и отдѣлался, а Нина слегла. Да такъ тяжело всякая надежда пропала, что встанетъ. И все же выходилась, только съ ногами стало неладное: ступить могла лишь на одну, лѣвую, и то носкомъ, а правая такъ болталась, какъ хвостъ. Пришлось дѣвочкѣ костыли носить. И куда дѣвалась ея свѣтлая коса,—такъ какіе-то одни волосики торчатъ, а отъ косы и помину нѣтъ.

Первое время послѣ болѣзни Нина все еще продолжала ходить въ гимназію. Самая озорная—Денискѣ въ озорствѣ не уступить,—самая неугомонная во всемъ классѣ, сидѣла теперь, запрокинувъ голову, какъ горбатая, и костыли торчали за ея спиной, какъ два чортова кукиша. На блѣдномъ личикѣ порывалась скорчиться рожица и губы коверкались, готовые ужъ задать такой смѣхъ, отъ котораго и учитель и доска покатаются по классу, но ничего не выходило,—выходило что-то жалкое и мучительное, отвернуться хочется. Учителя избѣгали вызывать ее, а когда спрашивали, то разрѣшалось отвѣчать сидя... Да она, бывало, и минуты на мѣстѣ не усидитъ. Извела дѣвочка. Вотъ и взяли изъ гимназій.

И теперь съ утра до вечера въ комнатахъ подъ призоромъ Яги.

Ягу дѣти не любили, какъ не любила Нина своихъ классныхъ дамъ, какъ не любилъ Дениска нюнь, пихтѣрь, тихонь, фискалъ, директора и надзирателей. Старуху же Аграфену, напротивъ. И часто заходили къ ней на ея половину. Величали Аграфену бабинькой. Такъ ужъ повелось: бабинька и бабинька.

Тепло у старой, уютно. Стѣны въ картинкахъ; картинки шелками да бисеромъ шиты: тутъ и цвѣточки,

и лютые звѣри, и монастырь, и китайцы, амазоны на коняхъ и такъ амазоны, лебеди, замки и опять китайцы. Въ углу иконы, по бокамъ святыня: шапочки, туфельки, рукавички, ленты, пояски, крестики, гашники, нагузники—все съ мошей отъ угодниковъ. На столикахъ шкатулки—бисерныя, кожей обдѣланныя, разрисованныя и хрустальныя. Бабинька въ бѣленькомъ платочкѣ, словно воды въ ротъ набрамши, ни слова не скажетъ, только молится да вздыхаетъ. А какая у бабиньки лестовка: бѣлая, скатымъ жемчугомъ обсыпана, на лапосткахъ по золотистому бархату жемчужныя вѣточки и краешки и ободки жемчужные, и каждый бабѣчекъ — ступенька изъ цѣлой жемчужной дорожки.

Лазали себѣ дѣти по шкатулкамъ, отворяли крышки, вынимали диковинки и все пересматривали и все перетрогивали. И чего-чего тамъ не было... Старуха между тѣмъ, не оставляя молитвы, отпирала одинъ изъ шкапчиковъ, брала изъ шкапчика полную тарелку сушеныхъ яблоковъ и грушъ, и сливъ, и винограду и ставила на столъ передъ дѣтьми.

— Ягодку, ягодку,—шептали ея поблекшія губы.

Бросали дѣти шкатулки и коробочки, принимались за тарелку уписывать.

— Ягодку, ягодку,—шептала безкровно старуха.

И тарелка пуста.

— Прощай, бабинька, благодаримъ!—цѣловали дѣти бабиньку и шли къ себѣ въ дѣтскую.

* * *

Дѣтская—на половинѣ Бориса. Послѣ смерти старика всѣ книги пошли на подтопку, и въ домѣ не

осталось ни одной завалящей книжки. Исчезновеніе Бориса приписывалось книгамъ.

— Все отъ книжки,—говорила Яга,—книжки отъ Дьявола, и водить въ домѣ погань — только его тѣшить, и пыль заводится.

И тамъ, гдѣ раньше не было ни уголка не заставленнаго, въ пустой комнатѣ проводила Нина всѣ свои дни. Только и ждала что Дениску. Дениска возвращался изъ гимназіи съ опозданіемъ: то оставить, то такъ прошляется съ мальчишками.

Разсказывалъ онъ Нинѣ страшныя и чудныя исторіи, и Нина любила ихъ слушать. Сама просилась, чтобы разсказывалъ.

Всякую исторію, всякое ухарство принимала она съ болью. Она хорошо знала: удѣлъ ея сидѣть вотъ тутъ, вотъ такъ, и большаго нѣтъ для нея и не можетъ быть, до гробовой доски. Она бередила себя, поддразнивала, слушая разсказы и представляя себѣ эти ухарства, на которыя и она когда-то была готова. Глядя куда-то подъ потолокъ, какъ горбатая, хохотала, захлебываясь, такъ громко, какъ только могла хохотать. И глаза горѣли со смѣхомъ и слезами, и вся она подпрыгивала, и костыли за спиной прыгали.

— Денька, миленькій, Денька, еще что-нибудь!..

Дениска взялся было за карандашъ — замаяхнулся какого-то чудищу изображать...

— Денька, про дятла!—стучить кулакомъ Нина, и брови у ней сходятся: не то заплачетъ, не то ударить костылемъ.

И начинается сказка про дятла.

Сказка всѣмъ извѣстная, какъ кормила и поила собака мужика и бабу и какъ выгнали собаку за старостью лѣтъ со двора, и какъ очутилась собака въ такомъ скверномъ положеніи, что хоть ложись да помирай.

— И вотъ придумала собака идти въ чистое поле и кормиться полевыми мышами,—Дениска вытягиваетъ губы и такъ скашиваетъ лукаво глаза, будто ужъ мышку ловить,—и пошла она въ поле, увидѣть ее дятель и взялъ къ себѣ въ товарищи...

Тутъ начинаются собачьи похождения.

Долгая сказка, жестокая. Разсказываетъ ее Дениска съ азартомъ, словно бы собачья и дятлова участь были его участію.

Накормилъ дятель собаку и напоилъ по горло.

— «Я теперь и сыта и пьяна, хочу вдоволь насмѣяться!» — «Ладно»,—отвѣчаетъ дятель. Вотъ увидѣли они, что работники хлѣбъ молотятъ. Дятель тотчасъ сѣлъ къ одному работнику на плечо и сталъ клевать его въ затылокъ, а другой парень схватилъ палку, хотѣлъ ударить дятла, да и свалилъ съ ногъ работника. А собака отъ смѣха такъ и катается по землѣ, такъ и катается...

И чѣмъ жестче куралесы собаки, тѣмъ глаза у Дениски игривѣй.

Достукалась собака — ѣхалъ мужикъ въ городъ горшки продавать—завязла собака въ спицахъ колеса, тутъ изъ нея и духъ вонъ.

—Озлился дятель на мужика, сѣлъ его лошади на голову и сталъ выклеивать ей глаза. Мужикъ бѣжить съ полѣномъ, хочетъ убить дятла; прибѣжалъ, какъ хватить—лошадь тутъ же и повалилась мертвая. А дя-

тель вернулся, перелетѣлъ на возъ и пошелъ бѣгать по горшкамъ, а самъ такъ и бьетъ крыльями. Мужикъ за нимъ и ну полѣномъ по возу-то, по возу-то. Перебилъ всѣ горшки и пошелъ домой ни съ чѣмъ. А дятель полетѣлъ къ мужиковой избѣ, прилетѣлъ и прямо въ окошко. Баба тогда печь топила, а малый ребенокъ сидѣлъ на лавкѣ; дятель сѣлъ ему на голову и ну долбить. Баба прогоняла-прогоняла, не можетъ прогнать: дятель все клюетъ. Вотъ она схватила палку, да какъ ударить: въ дятла-то не попала, а ребенка до смерти ушибла. Воротился мужикъ, видитъ: всѣ окна перебиты, вся посуда перебита, и дитя мертвое. Пустился гоняться за дятломъ, исцарапался весь, избился, а поймалъ-таки. «Убить его», говоритъ баба.

Дениска вывелъ на бумагѣ какой-то трехаршинный носъ, поставилъ ему ножки, причмокнулъ:

— «Нѣтъ,—говорить мужикъ, — мало ему, я его живьемъ проглочу»... И проглотилъ. А то вотъ была такая исторія: попалъ одинъ волку въ животъ, видитъ темно тамъ и дождь идетъ...—и начинаетъ плести Дениска такія исторіи, концовъ не найдешь.

Блѣдное лицо Нины покрывается красными пятнами, бѣгаетъ подъ глазомъ безпокойный живчикъ, и начинаетъ она хохотать, захлебываясь, такъ громко, какъ только можетъ хохотать.

И въ дѣтской пустой съ пустыми полками для книгъ и съ двумя кроватями по угламъ, съ длинными стѣнами, сплошь изрисованными рожицами, носами, хвостиками, горитъ огонекъ далеко за полночь. Только Яга, шлепая туфлями, разгоняетъ дѣтей по кроватямъ, но и въ кроватяхъ они долго еще пере-

говариваются и прыскаютъ отъ хохота и пищать мышами.

Мѣрный свѣтъ лампадки, мѣрный ходъ часовъ подговариваютъ, подшептываютъ имъ въ этой ночи и домъ пустомъ.

* *
* *

Единственный гость у Дивилиныхъ—тараканоморъ Павелъ Ѳедоровъ.

Дѣти хоронились отъ тараканщика, и онъ не любилъ дѣтей.

—Поганое,—говорилъ тараканщикъ,—дьявольское сѣмя. Зачаты во грѣхѣ, грѣхомъ насыщены, грѣхъ плодятъ. Поганое.

На дворѣ росло репею видимо невидимо, и Дениска урывками, когда удавалось незамѣтно проскользнуть отъ Яги собиралъ, «собакъ» и сажалъ этихъ «собакъ» тараканомору на самыя непоказанныя мѣста.

Если было когда-либо такое поразительное сходство человѣчьяго лица съ собачьей мордой, такъ именно у Павла Ѳедорова. Да большаго сходства, навѣрно, и никогда не было. Ну прямо собака и собака. Заросшій весь, поджарый, зубастый, и не голосъ, а глухой лай. Песъ сапатый.

Павелъ Ѳедоровъ ходилъ по извѣстнымъ домамъ и тамъ морилъ таракановъ. Черезъ плечо висѣла у него черная кожанная сумка съ ядомъ, а въ рукахъ—палка съ кожаннымъ наконечникомъ.

Наконечникъ онъ обмазывалъ свинымъ саломъ, вынималъ изъ сумки баночку съ бѣлымъ порошкомъ,

осторожно открывалъ крышку и мокалъ туда палку. Потомъ шепталъ какое-то тараканье заклинаніе и приступалъ. Онъ ходилъ по стѣнѣ, гдѣ водились тараканы, и медленно прикладывалъ наконечникъ, такъ что вся стѣна покрывалась бѣленькими кружечками въ родѣ огненныхъ языковъ. Медленно прикладывалъ тараканщикъ наконечникомъ, да съ разстановкой и со вкусомъ. И тараканы, не боясь свѣта, ползли на приманку и ѣли бѣлые кружечки, ползли изъ всѣхъ потайныхъ гнѣздъ, изъ всѣхъ щелей и подщелей съ малыми дѣтьми, съ яйцами и ѣли бѣлые кружечки. Наѣвшись, сонно уползали обратно въ гнѣзда, щели и подщели, чтобы ужъ никогда не выйти не только при свѣтѣ, но и въ самый разгаръ ихъ усатой жизни—въ ночную пору.

Тараканоморъ считалъ свое дѣло большимъ и важнымъ. Въ этомъ тараканьемъ шуршаньѣ мерещилъ ему самъ Дьяволъ, а побороть Дьявола, стереть съ лица земли было главнымъ и первымъ его завѣтомъ.

И, отрываясь отъ работы, онъ только и говорилъ о главномъ.

— Вся земля въ плѣну у нечистаго, все проникнуто его сѣтями, всюду его сатанинскія лапы. Дѣти родятся не для славословія—поганое сѣмя!—чтобы творить козни Дьявола. И конецъ ужъ идетъ,—сгниваетъ земля отъ нечистотъ и пакости. И время уже близится... Дьяволъ и всѣ сѣти его станутъ явными, ибо скрываться уже не къ чему. Обречена земля, умираютъ послѣдніе праведники, а расплождаются, какъ песокъ морской, сыны бѣсовскіе. Скрываться ужъ не къ чему. Онъ сядетъ на престолъ, начнетъ повелѣ-

вать и судить отъ моря до моря своихъ рабовъ и обратить царство свое въ адъ кромѣшный съ огнемъ неугасимымъ и червемъ неосыпающимъ— —

Тараканщикъ такъ лицомъ къ лицу никогда не видалъ Дьявола. И встань Онъ передъ нимъ, тараканщикъ не устранился бы вступить въ борьбу.

Поморивъ таракановъ, Павелъ Ѳедоровъ закрывалъ свою баночку, убиралъ въ сумку, вѣшалъ сумку черезъ плечо, принимался за палку, въ трехъ кипткахъ обмывалъ наконечникъ, вытиралъ сухой тряпкой, ставилъ палку въ сѣняхъ, потомъ, плескаясь и фыркая, мылъ себѣ руки и бороду и подъ бородой, шепталъ опять тараканью молитву и, помолившись, садился за столъ пить чай со сливнымъ вареньемъ.

Не дай Богъ, чтобы варенье не такъ было сварено, какъ любилъ тараканщикъ.

За столъ не сядетъ и выговорить.

— Ты сливу разрѣжь сперва пополамъ, посыпь ее сахаромъ, потомъ поставь сковородку на ночь въ печь да потомъ на утро вынь и начинай варить. Тогда слива къ сливѣ, что тараканъ къ таракану, будетъ отдѣльно.

Возьметъ свою палку, нахлобучитъ шапку и уйдетъ. И ты его проси не проси, ни за что не вернется.

А если все оказывалось въ исправности, тутъ за чаемъ начинался разговоръ о главномъ.

И изливаютъ хозяева душу, перебирая всѣ горести и бѣды своей семейной жизни.

— Поганое,—лаетъ тараканщикъ,— все поганое.

И куда бы онъ ни пришелъ, чтобы онъ ни услы-

шалъ, кого бы ни увидалъ, отъ всего отзывало поганью, сквернымъ духомъ,—мерещился Дьяволъ.

Но самого Дьявола такъ лицомъ къ лицу онъ никогда не видалъ. И если бы Онъ явился къ нему, тараканщикъ не устрасился бы и—вѣрилъ, вѣрилъ,—одолѣлъ бы его.

Если бы Онъ явился къ нему...

* * *

Жизнь Павла Ѳедорова проходила въ мореньѣ таракановъ. Такъ не по дѣлу онъ никуда не заходилъ, исключая Дивилиныхъ. И только иногда, а случалось это не больше пяти-шести разъ въ году—онъ сдерживалъ съ себя сумку и куда ни попало швырялъ свою палку съ кожанымъ наконечникомъ.

Это приходило совсѣмъ неожиданно. Суровость и мрачность вдругъ достигали какой-то своей послѣдней точки. Онъ начиналъ весь дрожать, глаза застилало, зубы скалились. Какой-то собачій вой подымался въ груди, и если бъ тогда привязать его на цѣпь, онъ завылъ бы собакой. Онъ запиралъ всѣ двери, завѣшивалъ занавѣски, шарилъ по угламъ, засматривалъ подъ кровать—его тянуло—трогалъ полные предметы, вынималъ стаканы, чашки, снималъ ламповыя стекла—его тянуло...

Стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ, вырывался, наконецъ, тараканщикъ изъ комнаты и шелъ, окутанный мутью, съ тяжелой тупой головой, а мозгъ его придавливало, будто лежалъ на немъ плотный слой ваты. Слѣпо добирался тараканщикъ до Звѣринца, тамъ молча день бродилъ отъ клѣтки до клѣтки, отъ

кролика къ морской коровѣ, отъ обезьяны къ слону. Потомъ также молча и слѣпо, когда темнѣло, покидалъ Звѣринецъ, выходилъ на главную улицу—на улицѣ ужъ пробуждалась ночная откровенная жизнь. Шелъ онъ все напряженнѣе и безпокойнѣй, глядя передъ собой, не давая дороги, не сторонясь, не уступая, на проломъ—И если бы нелегкая подтолкнула остановить его, трудно ручаться, чтобы тутъ же не задушилъ онъ, а будь при немъ ножъ, не зарѣзалъ бы негодая. И такъ онъ шелъ медленнѣй и медленнѣй, пока вдругъ не застывалъ на мѣстѣ: тогда первая попавшаяся женщина—обречена. Онъ не велъ, а волокъ ее, ташилъ въ какой-нибудь номеръ или комнату. Тамъ набрасывался—брось голодной собакѣ кость, какъ она набросится! или рыбу... съ костями, съ кожей, съ внутренностями, и урча и сопя, все схрюпаетъ, загрызетъ съ костями, съ кожей, съ внутренностями собачье мясо. Такъ—Было въ этомъ страшное головокружительное. Такъ—цѣлые часы, ночь.

Молча, не глядя, покидалъ тараканщикъ не человека, не женщину, молча, не глядя, покидалъ онъ трупъ, и шелъ себѣ домой, чтобы заснуть ме твымъ сномъ и, выпавшись, начать жизнь обычную и работу—морить таракановъ.

* * *

Приключенія тараканомора оставались глубокой тайной. Какъ загадочныя исторіи, они нѣтъ-нѣтъ и выплывали на свѣтъ, но никто не повѣрилъ бы, что все это—его дѣло рукъ. Всѣ считали тараканщика за необыкновеннаго, но чтобы такое дѣлать... да никому и въ голову не придеть.

Тараканщикъ у всякаго на языкѣ. За послѣднее время стали немало занимать его посѣщенія Дивилиныхъ: ни къ кому безъ дѣла порога не переступить, а къ Дивилинымъ—накось!—каждую субботу обязательно.

А домъ глухой, не подступишься, и нѣтъ возможности узнать, чѣмъ онъ тамъ занимается. А ужъ очень любопытно знать, чѣмъ онъ тамъ занимается.

Кто-то смѣялся:

— Въ домѣ всѣ ужъ давно перемерли, и ни одной ноздри не осталось, а на мѣсто людей тараканы завелись, съ этими тараканами тараканщикъ и водить компанію; вотъ какой хлюсть!

— А Дениска?—вѣдь шляется же мальчишка всякій день въ гимназію.

Нѣтъ, шутки въ сторону, шутками тутъ не отдѣлаешься. И начинались догадки. Вспоминали утопленника. Безъ утопленника не могло обойтись.

Говорили:

— Утопленникъ и не думалъ помирать, утопленникъ живъ и находится въ великомъ затворѣ, только съ тараканщикомъ что и водится.

Говорили:

— Тараканщикъ съ Дивилиными бабами новую вѣру хочетъ объявить.

А другіе говорили:

— Никакой вѣры онъ сдѣлать не можетъ, всѣ вѣры ужъ сдѣланы, а просто живетъ онъ съ бабами: съ Глафирой полюбовно, а со старухой, какъ съ малымъ дитемъ, обманомъ.

— Да онъ и не человѣкъ вовсе,—замѣчали хитрецы,—нешто человѣку дана власть надъ тварью, а ему

тараканъ повинуется. Тараканъ не корова,—коровали лошадь ли, овца ли, баранъ ли и прочій скотъ, всѣ они богомъ благословенны на служеніе человѣку,—тараканъ же не въ волѣ человѣка, о тараканѣ да о мышахъ нигдѣ не сказано.

Находились бабы, которыя увѣряли, будто онѣ собственными глазами видѣли, какъ тараканщикъ превращался въ таракана, и потомъ собственными ушами слышали, какъ онъ хрюкалъ по свинячьи.

— При чемъ же тутъ свинья,—унималъ догадливый догадливыхъ бабъ,—все дѣло не въ свиньѣ, и свинья тутъ не причемъ, а вотъ куда дѣвался утопленниковъ сынишка Борисъ?

— Съ книгъ.

— Конечно, съ книгъ. Да съ какихъ? Съ простой книги не сгинешь—черныя онѣ читалъ книги.

— А откуда онѣ къ нему попали?

— Отъ утопленника.

— А утопленникъ откуда досталъ?

— Ну, утопленникъ — —

— Никакой черной книги и нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?!

— Да такъ, очень просто, нѣтъ и нѣтъ.

— Нѣтъ— —значить по-твоему и Бога нѣтъ?!

И если бы не Ѳедосей, отколошматили бы нахала, до вторыхъ вѣтниковъ не забыть.

Ѳедосей мудрый, слова отъ него не добьешься, а ужъ если начнетъ, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

— Черная книга есть,—отчеканилъ Ѳедосей, и всѣ пріумолкли,—черную книгу написалъ Змій, отъ Змія перешла она Каину, отъ Каина Хаму. Когда при-

шелъ потопъ, Хамъ скрылъ книгу въ камнѣ. А когда кончился потопъ, вышелъ Хамъ изъ ковчега, пошелъ къ камню, отвалилъ камень, вынулъ книгу и передалъ сыну своему Ханаану. И пошла книга отъ сына къ сыну въ родъ Хамовъ. И задумали сыны Хама насмѣяться надъ Богомъ, какъ отецъ Хамъ насмѣялся надъ своимъ отцомъ Ноемъ. Задумали сыны Хама построить великую башню семи лучей, соединить раздѣленное Богомъ—небо и землю. Но разгнѣвался Богъ, смѣшалъ языки, разсѣялъ людей по лицу земли. Попала книга въ Содомъ. И не было преступленія, которое не совершилъ бы проклятый городъ. Провалился проклятый городъ, канули грѣхи и злодѣянія, но книгу не приняло озеро и огонь не попалилъ ее. Досталась книга Новуходоносору царю. И творились всякія беззаконія. И творились всякія беззаконія сорокъ два вѣка чловѣческихъ, пока не разрушены были царства и не попала книга на дно морское. Тамъ, подъ горючимъ камнемъ Алатыремъ, она лежала нивѣсть сколько времени. И вотъ одинъ арабъ за великіе грѣхи свои взять былъ праведнымъ царемъ и заключенъ въ мѣдную башню. Но Дьяволъ полюбилъ его, научилъ, какъ достать книгу. Чарами колдовскими былъ сожженъ городъ, погибъ праведный царь и все его христолюбивое воинство, и вышелъ тотъ самый арабъ изъ мѣдной башни, спустился на дно морское, досталъ черную книгу. И пошла она гулять по бѣлому свѣту, пока не заклали ее въ стѣны Сухаревой башни. До сей поры лежитъ тамъ и не было еще никого, кто бы сумѣлъ достать ее изъ стѣнъ Сухаревой башни. Она связана страшнымъ проклятьемъ на десять тысячъ лѣтъ...

— Да какъ же онъ пробрался въ стѣну-то, съ пустыми руками къ этому предмету не подступиться?

— А утопленникъ-то на что, э-эхъ ты, голова!

— И совсѣмъ не утопленникъ, а тараканщикъ.

— Конечно, тараканщикъ!—загалдѣли всѣ въ одинъ голосъ.

— Да будетъ вамъ огородъ городить,—вступился здравый человѣкъ,—какую вы такую загадку разгадываете, когда ясно все, какъ Божій день. Дивилины, слава Богу, не щепотники, законъ чтятъ, службу-то править надо, тоже собакой жить не полагается, вотъ тараканщикъ и ходитъ къ нимъ службы отправлять, и больше ничего.

— Бабы-то ужъ очень подозрительны...—усумнился который.

— Наладилъ: бабы да бабы, а самъ...

— Старуха, говорятъ, съ нечистымъ зналась, и старшого, которому пропасть, понесла отъ чорта, да и эта Яга—сушая Яга.

— И по какой такой причинѣ утопленникова внучка безногая сидитъ? Нѣтъ, тутъ что-то не ладно.

Снова начинались догадки. Трепался языкъ во всю. И ссорились и дрались и опять мирились. Приплеталось и совсѣмъ неподходящее. Даже совсѣмъ неподходящее.

Былъ одинъ человѣкъ ихняго же толка, который не только книги читалъ, но и самъ книги писалъ. Ходили къ нему за разспросами, но ничего не узнали; только еще больше запутались. Человѣкъ этотъ такое имъ загнулъ словечко, да не по-нашему, у тѣхъ поджилки затряслись и бороны сгунявились.

— Можетъ статья, и Миша-то у насъ того, не тараканымъ ли дѣломъ промышлять сталъ.

Были и такіе дотошные, выслѣживать стали, кто въ домъ къ Дивилинымъ ходитъ, но никого, кромѣ тараканомора, не встрѣтили.

Согласились всѣ на одномъ, что творится что-то чудесное. И съ теченіемъ времени никто ужъ не сомнѣвался, что въ домѣ нечисто.

Но что въ домѣ дѣлается, ни одной душѣ не открыто.

* *
*

Всякую субботу къ Дивилинымъ приходилъ тараканоморъ Павелъ Ѳедоровъ. Всѣ сходились въ образную. Павелъ Ѳедоровъ облачался и начиналась служба. Служба длилась долго. Когда кончалась все-нощная, утомленную Нину почти на рукахъ уводила Глафира въ дѣтскую, а Дениску шлепками прогоняли спать. Утромъ въ воскресенье совершалась обѣдня. Послѣ обѣдни обѣдали. И тараканоморъ уходилъ къ себѣ домой.

Вотъ и все.

Такъ было при покойномъ старикѣ. Такъ и теперь послѣ его смерти. Тогда утопленникъ былъ за священника, а тараканоморъ за дьякона, теперь за священника былъ тараканоморъ, а за дьякона ходила Яга.

Вотъ и все. Службы совершались чинъ-чиномъ со всѣми строгостями какія только отцами когда-либо положены были. Служилъ тараканщикъ съ оттяжкой и гнусилъ на весь домъ, благо еще стѣны толстыя, а то бы въ рѣкѣ всѣхъ рыбъ посмутилъ. У таракан-

щика лестовка ременная: лапостки алыя съ бѣлыми и голубыми вѣточками, у Яги на лестовкѣ лапостки чернаго бархата съ синимъ ободкомъ и всѣмъ золотомъ расшитыя, горять при свѣчахъ, что звѣздочки.

Вотъ и все.

А люди... люди чего не скажутъ!

* *
* *

Однажды послѣ долгой всенощной Дениску прогнали спать, легъ онъ на кровать, а спать что-то не хочется. Вотъ онъ лежалъ-лежалъ, покликалъ было Нину, Нина не отзывается, сопить,—такъ истощали ее всѣ эти стоянія и поклоны. Дѣлать нечего, всталъ Дениска, походилъ по комнатѣ, и взбрело ему въ голову въ потемкахъ по дому побродить, а если придется, и Ягу попугать. Ягу попугать, чтобы впередъ не подзатылила. И, держа въ головѣ, какъ бы все это лучше обдѣлать, вышелъ онъ изъ дѣтской, спустился съ лѣстницы и ужъ хотѣлъ отворить дверь въ коридорчикъ, окружавшій женскую половину, только дверь не поддается, дверь заперта. Что за оказія? Походилъ вокругъ. Приставилъ ухо къ замочной скважинѣ,—ничего не слышать. Зашелъ съ другого конца, и опять та же исторія. Такъ и пошелъ ни съ чѣмъ. И долго ворочался, все головой раскидывалъ: отчего это дверь заперта—никогда дверь не запиралась,—и ничего не слышно, хоть бы вотъ этакій комариный зудъ. И снились ему всю ночь страшные разбойники, хотѣли разбойники не то живьемъ его проглотить, не то отрубить ему голову,—словомъ, что то страшное сдѣлать съ нимъ. Но Дениска не трусли-

ваго десятка, укусилъ главнаго разбойника за палець,— и проснулся.

Это дѣло нужно развѣдать, такъ оставить его нельзя,—порѣшилъ Дениска и, сговорившись съ Ниной, притворился на слѣдующую субботу больнымъ. И чесался-то, и перхаль-то, и глаза муслилъ, и рука-то у него онѣмѣла, и всѣ части непоказанныя сохнутъ, и въ головѣ-то гдѣ-то въ самомъ мозгу свербить, что страсть, и въ ушахъ такой звонъ, — куда звонъ у Ивана Великаго! Ко всенощной его, конечно, не тронули, куда такого тронешь: прямо на ладанъ дышитъ; но когда началась служба, онъ шастъ съ кровати, спрыгнулъ да со всѣхъ ногъ въ корридорчикъ, ключъ отъ одной двери и прикарманилъ. Воротился опять въ дѣтскую, улегся, лежитъ. Кончилась служба, привела Яга Нину, а онъ себѣ мечется весь, будто въ жару лютomъ, и кукишки кажетъ и языкъ высываетъ. Притворила Яга дверь, помѣшкала на площадкѣ, спустилась внизъ. И все затихло.

Вотъ выждалъ Дениска время да тихонько въ корридорчикъ къ той двери. Думаетъ, вотъ сейчасъ такъ все и увидитъ, потираетъ себѣ руки отъ удовольствія. Анъ нѣтъ, не тутъ-то,—толкнулся, а дверь-то не отворяется—заставлена. Осмотрѣлъ Дениска все тщательно, понаперъ грудью—маленькую щеклу сдѣлалъ, да въ щелку и юркнулъ. И пошелъ. Столовую прошелъ, шкапную прошелъ, заглянулъ въ боковыя—нѣтъ ничего, темно, обогнулъ Ягиную комнату, малую модельню и къ образной. Приставилъ ухо и слышитъ: долбить тараканщикъ что-то, а что—ничего не поймешь. Долбить и долбить. И опять тихо. И опять долбить, что твой дятель. Пождалъ Дениска, послу-

шалъ и только что уходить собрался, какъ вдругъ откуда ни возмись чья-то огромная нога хватъ его сапожищемъ, и наступила. Хорошо еще у Дениски желѣзная грудь, а то только мокренько бы стало, проломилъ бы сапогъ, какъ пить далъ. Дениска свернулся въ горошину, зажмурился да по полу ползкомъ, по полу и покатился, докатился до двери, да въ щелку, да въ корридорчикъ, да по лѣстницѣ въ дѣтскую бухъ— —А въ ушахъ такъ и долбитъ и долбитъ тараканщикъ.

Что за чудеса?—много Дениска съ Ниной ломали голову. Подступалъ Дениска послѣ къ бабинькѣ, и такъ и сякъ приставалъ къ старухѣ, но старуха ни полслова, хоть бы что, только молится да вздыхаетъ, молится да вздыхаетъ. О чемъ молится? О грѣхахъ. О какихъ грѣхахъ?

* * *

Слухъ о томъ, что въ домѣ Дивилиныхъ не ладно, исколесивъ много дорогъ, дошелъ и до гимназiи.

Учитель географiи, по прозванiю Мокрица, будто случайно, спросилъ Дениску:

— Эй ты, какъ тебя, Дивилинъ, что ли, какихъ это у тебя тамъ у родителей въ домѣ чертей вызываютъ?

Дениска Мокрицѣ языкъ высунулъ.

Мокрица разсвирѣпѣлъ: заставилъ Дениску постоять битый часъ, не двигаясь, и самъ стоялъ противъ него и, не спуская глазъ, слѣдилъ за нимъ. И Дениска, выпятивъ свою желѣзную грудь, выстоялъ часъ, не только не шевелясь, но и не сморгнувъ ни разу.

Не потому, чтобы боялся Мокрицы и слушался, а просто изъ ухарства и упрямства.

— И выстою, что—выкуси—а?!—каменѣль каждый мускулъ на дѣтскомъ нѣжномъ лицѣ.

Но тѣмъ дѣло не кончилось. Позвали Дениску къ директору. Когда звали ученика къ директору, это означало, что просто рѣшено выгнать изъ гимназіи. Съ тѣмъ пошелъ и Дениска.

Директоръ долго морилъ. Дениска стоялъ и смотрѣлъ. Бритая директорская губа то поднималась, показывая волчій клыкъ, то прикусывалась безъ остатка.

— Чѣмъ занимаются твои родители? — не глядя, спросилъ директоръ.

— Отецъ померъ,—отвѣтилъ Дениска.

— Чѣмъ занимаются твои родители въ настоящее время?

— Капусту рубятъ.

Директоръ скопился.

— Я тебя про капусту не спрашиваю, я тебя спрашиваю—, —барабанилъ директорскій палецъ.

Дениска молчалъ.

— Ты у меня позанимаешься—, —загрозился директорскій палецъ; острый камень перстня, сверкнувъ, кольнулъ прямо въ глаза мальчишкѣ,—остаться послѣ уроковъ!

Призадумался Дениска пуще прежняго. Отпиралъ запятаннымъ ключомъ дверь корридорчика, проникалъ къ образной, прислушивался, слышалъ долбню тараканщика и только.

Тутъ на грѣхъ пошли исторіи въ гимназіи, да такія, не было ужъ возможности продолжать свои на-

блюденія. Много субботъ пришлось Денискѣ отстан-
ваться въ карцерѣ.

И все изъ-за пустяка.

Какъ то на большой перемѣнѣ, пробѣгая мимо
инспектора, Дениска столкнулся носъ къ носу и
крикнулъ:

— Симонъ Петровичъ, въ какомъ у меня ухъ звен-
ить?

— Въ лѣвомъ, — отвѣтилъ, не задумавшись, ин-
спекторъ и вдругъ побагровѣлъ весь: такъ ошело-
милъ мальчишка этимъ неожиданнымъ, недопусти-
мымъ, прямо невозможнымъ вопросомъ.

И за этотъ-то самый вопросъ, а скорѣе за то, что
инспекторъ отвѣтилъ ему, наказали его жестоко. Въ
карцерѣ Дениска не отсиживался, а отстаивался. Сто-
ялъ столбомъ, какъ велѣлъ директоръ, руки по швамъ,
голову такъ. И старичокъ швейцаръ Герасимъ, хмуря
сѣдые солдатскія брови, тоже стоялъ и наблюдалъ
въ окошечко, словно бы подъ туркой. Дениска сто-
ялъ, думалъ и думалъ: что же это такое происходитъ
въ домѣ у нихъ, и всѣ даже спрашиваютъ, и всѣмъ
интересно знать, а онъ не только не знаетъ, а и узнать
никакими манерами не можетъ?

И возвращаясь позднимъ вечеромъ домой изъ кар-
цера и не попадая ужъ къ обѣду, послѣ всенощной
измытаренный Дениска подолгу разговариваетъ съ
Ниною и гадаетъ, да что же это за причина завелась
у нихъ въ домѣ?

* *
*

Нина какъ-то сказала:

— Можетъ-быть, они тамъ дѣтей дѣлаютъ...

— Дѣтей не такъ дѣлають, — отвѣтилъ серьезно Дениска, — ты ничего тутъ не понимаешь.

— Ну тогда что же можно еще дѣлать? — поправилась Нина, — картъ въ дому нѣтъ, отобралъ тараканщикъ.

— Не люблю я эту собаку, такая собака, — огрызнулся Дениска.

— А по-твоему бабинька... — растягивая и что-то свое думая, перевела Нина.

— Бабинька помѣшанная.

— Грѣхъ такъ, она тебѣ мать.

— Кто?

— Бабинька.

— А твоя мать — Яга.

Нина не отвѣтила, сдвинула брови.

— Яга говоритъ, будто твой отецъ отъ книгъ пропалъ, конечно — Яга, отъ книгъ учителя дѣлаются.

— Я тоже не люблю тараканщика, — немного спустя сказала Нина.

— А знаешь, Нинка, я придумалъ. Я влѣзу въ окошко.

— Въ окошко не видно, — покачала головой Нина.

— Тогда вотъ что... я... Нинка! я просверлю дырку въ образной.

Дѣвочка сверкнула глазами:

— И все увидишь.

— Конечно, увижу, да какъ еще!

— И мнѣ послѣ расскажешь...

Ударили по рукамъ.

А въ домѣ принимались предосторожности. Слухи ли по городу, либо еще какія подозрѣнія, либо

просто сердце подсказывало: теперь не только вечерами въ субботу, но и въ обыкновенное время запирались всѣ двери и всѣ комнаты, такъ что проникнуть въ корридорчикъ никакой или почти никакой не было возможности.

Глафира ягѣла, тараканщикъ чертенѣлъ. Одна старуха Аграфена безропотно, безмятежно все молилась да вздыхала, молилась да вздыхала.

А все же какъ ни какъ, а подъ разными предлогами удавалось Денискѣ урывать минуты и ковырять въ двери дырку. Цѣлые недѣли старался, и къ одной изъ субботъ дырка поспѣла.

Какъ выстоялъ всенощную, Дениска не помнитъ.

И когда все затихло, онъ спустился съ лѣстницы, отперъ своимъ ключомъ дверь, пробрался въ корридорчикъ, и черезъ столовую, шкапную, боковую прямо къ дыркѣ—

Нина не могла заснуть, ждавши. Битый часъ ждала Дениску. Калѣбчныя мысли проходили въ ея головѣ, отвратительныя, недѣтскія—калѣбчныя, и дразнили, и приманивали, и ужасомъ подымали волосы, и щемили ея больныя мѣста. Тянулись минуты, онѣ тоже на костыляхъ шли.

Слома голову прискакалъ Дениска въ дѣтскую:

— Знаешь, что они дѣлаютъ?

— Что?—испуганно спросила Нина.

— Они молятся.

Нина заплакала. Такъ измучили калѣбчныя мысли.

А Дениска больше не зналъ покоя. Одна мысль точила его, все думалъ и думалъ: да чѣмъ бы это насолить тараканщику и Ягѣ заодно, какую бы такую

штуку придумать, чего бы имъ подстроить, когда они молятся.

Такъ проходили вечера за вечерами.

Все валилось изъ рукъ. Сколько Дениска бумаги перевелъ зря: начнетъ рисовать и разорветъ.

— Они молятся, повторялъ онъ и спохватывался, цѣпляясь за что-то, за какую-то дорожку, которая вела его къ уморительной каверзѣ, — они стоятъ всѣ трое рядомъ... они цѣлуются... эта собака и Яга... они молятся...

— О чемъ же они молятся?

— Не разберешь, о чемъ они молятся, только видно, какъ губы ихъ раскрываются, и потомъ хлестъ лестовокъ — —

Ина насторожилась.

— А если... знаешь, Нинка, я придумалъ; въ эту субботу я проберусь въ образную... — и затрясся весь отъ хохота, ужъ горѣлъ мальченка отъ мысли, мелькнувшей въ его бѣдовой головѣ —, — — понимаешь, Нинка? — и шопотомъ на самое ухо онъ сказалъ что-то Нинѣ, покосился на дверь, потеръ себѣ руки отъ удовольствія и, схвативъ со стола снимку, принялся жевать ее во всѣ скулы съ наслажденіемъ.

Красныя пятна вспыхнули на блѣдномъ лицѣ дѣвочки, загорались глаза смѣхомъ и слезами, и она хохотала, захлебываясь, такъ громко, какъ только могла хохотать, и вся подпрыгивала, и костыли за спиной прыгали.

— Онъ? — подмигнувъ Дениска, вынимая изо рта снимку и принимаясь выдѣлывать изъ нея какую-то странную фигурку.

— Онъ.

* * *

Суббота выдалась особенная—масленичная. Всю недѣлю объѣдались блинами, разнесло животы во какіе, куда гора! Ужъ и въ горло не шло, душа не принимала, а все-таки ѣли. На то она и масленица не простая, а широкая.

Служба тянулась долгая съ такими безчисленными поклонами и такими трудными: поклонись, а самъ и не встанешь. Яга повела Нину въ дѣтскую, дѣвочка прямо валилась, а Дениска что-то замѣшкался, лампадку полѣзь поправлять у «Трехъ Радостей». И что-то ужъ очень долго вертѣлся, такъ-что тараканщикъ стащилъ его со стула, пхнулъ колѣномъ. Такой былъ суровый и мрачный въ эту субботу Павелъ Ѳедоровъ. Съ блина ли, либо *то* подходило, Богъ знаетъ. И когда пѣлъ, и когда гнусилъ молитвы, зубы его скакались, и весь онъ подергивался, будто подступала къ нему какая-то злая лихорадка, самая злющая изъ всѣхъ дочерей Иродовыхъ. Дениска кувыркнулся на порогъ, но тараканщикъ поднялъ его и такъ саданулъ, что тотъ мигомъ очутился прямо на своей кровати.

Тотчасъ и Нина и Дениска притворились спящими. Ждали.

Колотилось сердце ухъ какъ—

* * *

Въ домѣ мракъ и тихо. Всѣ двери закрыты и заперты. Яга еще разъ пробуетъ ключъ отъ двери образной.

Началось моленіе.

Онъ сегодня долженъ явиться не въ тайномъ, въ явномъ своемъ ликѣ. Въ этотъ страшный день.— надлежитъ быть послѣднему дню. Они готовы. И пусть Онъ имъ явится. Они вступятъ въ борьбу. И Онъ побѣжденъ будетъ.

Ихъ трое. Трое вѣрныхъ. Міръ и земля во грѣхѣ. Грѣхъ растетъ. Внѣдряется глубже въ сердце, въ корни сердца. Ихъ трое. Трое вѣрныхъ среди невѣрія и грѣха. Ангелъ Хранитель покидаетъ землю. Съ плачемъ и скорбью летитъ на небо. Кадильница его пуста. Нѣтъ ѳиміама молитвъ и покаянія. Нѣтъ дѣлъ человѣческихъ, угодныхъ Богу.

Они готовы. И пусть Онъ имъ явится. Они поражаютъ Его.

И они клянутся. Именемъ Бога, именемъ Христа, именемъ Духа Святого. Они клянутся любовью къ Нимъ. Къ Богу, ко Христу, къ Духу Святому.

И они клянутся. Душу положить свою. Душу погубить свою. Чтобы сохранить ее.

Они готовы. И пусть Онъ имъ явится. И они одолѣютъ Его.

Вспыхнутъ костромъ. Вспыхнетъ земля и вмѣстѣ всѣ твари. И станетъ земля и всѣ твари бѣлыми и свѣтлыми, какъ бѣлы и свѣтлы ризы Господни.

Теперь имъ должно покаяться другъ передъ другомъ.

У Глафиры и Аграфены—великій грѣхъ на душѣ: однажды онѣ могли показать свою вѣру и любовь къ Богу, но Дьяволъ смутилъ и поколебалъ ихъ: онѣ отвергли и вѣру и любовь къ Богу во имя любви къ человѣку.

Когда умеръ старикъ, предложилъ тараканщикъ принести въ жертву Нину, но Глафира и Аграфена хотъ и взялись, не могли этого сдѣлать.

Онѣ каялись другъ передъ другомъ.

— Ты мнѣ сказалъ,—исповѣдалась Глафира,—ребенокъ, котораго я родила, самое любимое, что есть у меня, и во имя любви къ Богу онъ долженъ умереть. Ты велѣлъ мнѣ отдать ребенка матушкѣ. И я отдата дѣвочку матушкѣ. И, какъ ты сказалъ, я осталась одна въ комнатѣ. Я знала, что за стѣной дѣлается, и слухала. И слышала, какъ пискнула дѣвочка. Потомъ все затихло. Я ногтями скребла стѣну, а сердце мое отъ горя полыхалось огнемъ. Не могла больше вынести. Не послушалась. Бросилась въ комнату къ матушкѣ, а дѣвочка жива, сидитъ у нея на рукахъ и смѣется. Я упала на колѣни и просила матушку: матушка, не губи ее, оставь ее, — — — Господи! Господи! Господи! прости меня.

— Ты велѣлъ мнѣ задушить младенца маленькаго,—шопотомъ сказала старуха,—и я взяла его у невѣстки, понесла сюда въ эту комнату. Посадила къ себѣ на колѣни, надѣла на шею петлю, а дитѣ улыбается, смѣшно ему маленькому, щекочетъ шейку петля. Затянула я петлю потуже, тяну—и вотъ дѣвочка заплакала, больно, горько заплакала. Ослабила я петлю, сняла съ шейки, надѣла на себя, будто играюсь, а дѣвочка ужъ улыбается и смѣется и въ ладошки хлопаетъ, младенецъ маленькій. Прости меня, Господи!

— А если бы теперь — ? — спросилъ тараканщикъ, и глаза его остановились.

Глафира ринулась, хищныя ноздри раздулись, какъ у кобылы.

Достойно есть величати Тя Богородице,
Честнѣйшую и Славнѣйшую горнихъ воинствъ,
Дѣву Пречистую, Богородицу.

—затянулъ тараканщикъ и, круто обернувшись къ Глафирѣ, ударилъ ее по лицу своей ременной лестовкой.

Не пошевелилась, только струйка крови мелькнула на Ягиномъ смертельно-блѣдномъ лицѣ.

— А если мы не достойны Его увидѣть?—шопотомъ спросилъ тараканщикъ и вдругъ закричалъ громкимъ голосомъ, вперяясь глазами въ красный огонекъ лампадки:—заклинаю Тебя Богомъ живымъ, Святою Троицей, Матерью Божьей, стань тутъ, Сатана, стань!—стань!—стань!—

Тяжкое молчаніе. Невыносимое. Хватаетъ за горло. Душить.

— Ой, холодно! — вскрикнула Яга и упала замертво; звѣздочкой сверкнула лестовка по полу.

Тараканщикъ, сжимая кулаки, страшнымъ глазомъ обвелъ комнату, встрѣтился съ глазами старухи—глаза старухи голубые вспыхнули голубымъ огонькомъ, она согнулась вся, казалось, бросится на него, вопьется въ горло и пить будетъ его кровь, какъ пить бы его кровь самъ Дьяволъ. Тараканщикъ выхватилъ изъ рукъ блѣлую жемчужную лестовку — и, пошатнувшись, съ головы до ногъ дрогнулъ.

На иконѣ «Трехъ Радостей» тамъ, гдѣ сливается жемчужная одежда Божьей Матери съ жемчужной рубашечкой Младенца, у благославляющихъ рукъ Мла-

ленца торчалъ на бѣломъ черненкѣй чортикѣ, растопырявая тощія ножки и егозя мышинымъ вертлявымъ хвостикомъ.

И оно наступало. Занавѣски и расшитыя полотноца на иконахъ текли длинными черными струями, огонекъ лампадки надувался. Оно наступало.

Старуха улыбалась... Голубые глаза вспыхивали голубымъ огонькомъ.

Тараканшикъ стучалъ зубами, они были чужіе ему, холодные, какъ ледъ. Глаза застилало. Спирало дыханіе. Оно шло вѣрно и быстро, подходило, подкатывалось къ сердцу, трясло изо всей мочи, какъ никогда еще ни тамъ дома съ наглухо запертой дверью надъ полами предметами и стаканами, ни тамъ въ звѣринцѣ, ни тамъ на улицѣ, ни тамъ — ни тамъ — И вдругъ ударило и ошеломило.

Бросился къ иконѣ и, размахивая и крутя въ воздухѣ жемчужной лестовкой, нечеловѣчески подпрыгнулъ и прыгалъ и прыгалъ, доставалъ Ее, бѣлую, срывалъ бѣлыя одежды и хлесталъ и хлесталъ по ней.

Достойно есть величати Тя, Богородице,
Честнѣйшую и Славнѣйшую горнихъ воинствъ,
Дѣву пречистую, Богородицу.

А черный чортикъ на уцѣлѣвшей жемчужинѣ у Младенца тамъ, гдѣ сливается жемчужная одежда Божьей Матери съ рубашечкой, зацѣпившись хвостикомъ, непобѣдимый, егозилъ, растопырявая тощія ножки.

Градомъ катился жемчугъ, обсыпалъ тараканшика, колотъ глаза. Разлетались жемчужины, прыгали по

полу, плясали по Ягѣ, голубымъ огонькомъ горѣли въ глазахъ старухи.

И глухой собачій вой разрѣзалъ ночь ночь и комнату, будто тысячи собакъ выли и грызлись, отнимая другъ у друга единственнѣйшую сладкую кость —

Такъ — — —

Старуха улыбалась.

* * *

Дениска, уткнувшись въ подушку, захлебывался отъ хохота.

— Онъ! — пищалъ Дениска, не говорилъ ужъ.

— Онъ, — повторяла горячими губами Нина, прижимаясь калѣчнымъ тѣломъ къ желѣзной груди Дениски.

И обфисившіеся вопли изъ низу и какой-то дѣвичій, будто изъ земли, изъ крови выходящій крикъ не тревожили хохота, не смущали горячихъ дѣтскихъ и первыхъ объятій.

— Онъ.

— Онъ.

Такъ и заснули.

Крѣпкій сонъ залегъ въ дѣтской.

Спали рожицы и хвостики по стѣнамъ, спали пустые полки, спали карандаши и гуммиластки и кусочки снимки, оставшіяся отъ чортика, какъ спали въ непробудномъ снѣ непроницаемая сѣря стѣны дома.

И одинъ безымянный сторожилъ сонъ спящихъ дѣтей.

Онъ стоялъ на площадкѣ, приотворялъ дверь, чуть

высовывался и тихонько на цыпочкахъ подходилъ къ кроватямъ.

Нина и Дениска, перевертываясь на другой бокъ, открываютъ свои сонные глаза подъ огромными, сверлящими огонькомъ, острыми глазами.

Такой, какъ Амазонъ на картинкѣ у бабиньки, только голова, будто не на шеѣ—на винтѣ, все поворачивается, не находитъ она себѣ мѣста, все поворачивается.

Длинные тонкія губы—отвратительныя.

— Онъ.

— Онъ.

И сѣрѣть разсвѣтъ, встаетъ сѣрый тамъ за окномъ. Тамъ за окномъ лежитъ рѣка, покрытая сѣрымъ сколотымъ льдомъ. Дымъ клубится надъ городомъ изъ теплыхъ трубъ. Спозаранку топятся печи ради послѣдняго дня—прощенаго воскресенья.

СЛОНЕНОКЪ.

СЛОНЕНОКЪ.

Павлушка засѣлъ на второй годъ въ приготовительномъ классѣ.

Только онъ одинъ и былъ второгодникомъ.

Сидѣлъ Павлушка на послѣдней скамейкѣ у шкапчика: у шкапчика всегда второгодники сидѣли.

Мѣсто было не простое, особенное. Всякій день послѣ молитвы, когда учитель Иванъ Ивановичъ записывалъ въ шкапчикъ журналъ, чернильницу и ручку, только съ Павлушкина мѣста можно было заглянуть въ этотъ шкапчикъ. И чего-чего только въ немъ не хранилось: разные коробочки, ножички, картинки, кораблики, раковинки, стрѣлки...

Такъ повелось: если кто изъ учениковъ приносилъ въ классъ какую-нибудь любопытную вещь, Иванъ Ивановичъ отбиралъ ее и прямо въ шкапчикъ.

Гимназія была старая, Иванъ Ивановичъ—старый, шкапчикъ—биткомъ набитъ.

Разъ Павлушка слоненка подсмотрѣлъ. Сѣрый слоненокъ, какъ настоящій, съ хоботомъ и клыками. а уши мягкія, большія и хвостикъ.

— Тамъ, пожалуй, и еще кто-нибудь такой сидитъ, какаянибудь заводная машинка, пистолеть, обезьянка...

И завергло: какъ бы такъ это устроить, чтобы въ шкафчикъ пробраться, потрогать все, посмотреть и съ собой взять.

Долго ломалъ голову, а придумать ничего не придумалъ,—одному невозможно.

Хорошо, что Доронинъ и Воскресенскій, съ которыми сидѣлъ Павлушка, оказались ему на руку.

Доронинъ—«Трясогузка», востренькій, розовенькій и озорничалъ, а виду не показывалъ, все оставалось шито-крыто.

Воскресенскій—«Пугало», вихрастый и веснушчатый, лѣзъ прямо на рогатину, сухъ изъ воды никогда не выскакивалъ.

Прежде всего Павлушка экзаменъ имъ задалъ, удочку закинулъ.

Повѣрилъ, и всѣ трое, какъ одинъ, сговорились.

Уговоръ лучше денегъ—чуръ! никто никого не выдастъ.

Приходили они спозаранку и приступали.

«Трясогузка» у дверей караулилъ, Павлушка съ «Пугаломъ» работали.

Ковыряли замокъ всякимъ предметомъ: и перомъ и ручкой, и шпилькой и гвоздикомъ.

Хоть бы что—дудки!

— Надо стамеской,—сопѣлъ «Пугало».

— Винти ужъ!—подгонялъ Павлушка.

Ничего.

И бросали, и опять сызнава.

Какъ-то шпилька и переломилась. Туда—сюда—пропали! Кусочекъ засѣлъ въ нутрѣ.

Пришелъ Иванъ Ивановичъ, прочитали молитву, сталъ Иванъ Ивановичъ отпирать шкафчикъ. Туго.

И такъ вертѣлъ, и саякъ. Пыхтѣлъ, пыхтѣлъ, насилу отперъ.

— Кто?—спрашиваетъ.

Молчать.

Никто, какъ Павлушка съ «Пугаломъ».

Отпирались.

Не вывезло. Хуже.

— Въ карцеръ на два часа.

Засадилъ въ карцеръ.

Сидятъ. А дума одна: какъ шкапчикъ открыть, чтобы все посмотрѣть, потрогать и съ собой взять.

— Надо подпилкомъ,—рѣшаетъ «Пугало».

— Подпилкомъ что!—шурупомъ, раздобыть шурупъ, повинтить—и готово дѣло.

* * *

На дворѣ октябрь.

Кончается четверть. Скоро станетъ Иванъ Ивановичъ баллы выводить. А у Павлушки едва тройка выходитъ. Тройка съ минусами.

Падалъ мокрый снѣгъ и, не долетая до мостовой, гдѣ-то у ногъ таялъ.

Таялъ на крышахъ, только на дровахъ дровяного двора лежалъ легкимъ бѣлымъ слоемъ.

Было скользко, ноги не слушались.

Голодный, въ длинной, сшитой на ростъ шинели, таща на уцѣлѣвшемъ ремнѣ изодранный ранецъ, плелся Павлушка домой изъ гимназіи.

И почему это онъ не можетъ, не запинаясь, какъ Медвѣдевъ, считать по порядку? И хитрости-то тутъ нѣтъ никакой: веди счетъ сзади напередъ и только.

— 33, 32, 31, 30...

Вотъ и не сшибся, а тогда ни съ мѣста: сталъ перескакивать, мяться.

«Тупая голова!» — сказалъ Иванъ Ивановичъ и поставилъ двойку.

— Тупая голова!—Павлушка снялъ картузь и потрогалъ себя за голову,—тупая голова... на третій не оставятъ.

— Выгонятъ,—донесло вѣтромъ.

Павлушка разстегнулъ и, запрокинувъ голову, принялся ловить ртомъ снѣжки.

Снѣжки холодныя падали, щекотали горло. Горло сжималось.

Такъ не весело, такъ не весело,—плакать хотѣлось.

И представлялось, какъ его изъ гимназіи выгонятъ, какъ онъ до дому дойдетъ, какъ придетъ домой.

— А дальше?

— Дальше вотъ что,—говорилъ кто-то на ухо — ты записъ тамъ, ну, приноровись, да головой бухъ въ дыру, или застрѣлись ружьемъ.

— А если не выгонятъ?

— На третій не оставляютъ.

— 33, 32, 31, 30...

— Вотъ, вотъ, здорово!—одобрялъ и пыталъ чей то голосъ, то суровый, то ласковый.

Павлушка вошелъ въ домъ.

Дома мыли полъ.

Все было подоткнуто и перевернуто.

Слонялся по столовой, отщипывалъ мякишъ.

И только послѣ обѣда, когда все уложилось, и кухарка Маланья—«Аксолотъ» пошла въ баню, Павлуш-

ка присѣлъ къ своему столику, но ранца не разстегнулъ и къ книгамъ не притронулся,—завтра!

Такъ просидѣлъ онъ, пока не стало смеркаться и не ударили ко всенощной.

Уши у него горѣли, какъ на улицѣ, и ничто не занимало, думалось тяжело объ одномъ.

Стеклянный козленокъ изъ-подъ духовъ—любимецъ Павлушкинъ,—какъ повалился, когда передвигали столикъ, такъ и оставался лежать на боку.

— И пускай себѣ лежитъ, эка!

Лѣнь было руку протянуть и навести порядокъ.

А Павлушка такой аккуратный. Всякую пылинку слуетъ, соскоблить, подчистить. Старшая сестра Катя, у которой жилъ Павлушка, звала его Кротикомъ: Кротикъ все соберетъ, ничего такъ валяться не оставитъ.

На этотъ разъ Павлушка не прибралъ столъ Кати.

— Пускай, только бы ружье достать.

* * *

Въ церкви за всенощной Павлушка стоялъ сумрачно, букой. Смотрѣлъ въ темный ликъ Божьей Матери, смотрѣлъ на драгоценные камни и жемчуга бѣлой ризы.

Разноцвѣтныя лампадки, полныя масла, разноцвѣтно горѣли, и отъ свѣта играли камни и жемчуга таяли.

Но душа была въ потемкахъ.

Крестился, когда крестились, кланялся, когда надо было кланяться.

И чудился какой то запахъ.

Пѣніе и молитвы выплывали изъ этого запаха и такъ плавали пропитанныя въ немъ.

Ладанъ не гасилъ, а распускалъ его по всей церкви.

«Утромъ за обѣдней отпѣвали жену бондаря. Бондарчиха испортилась. Богъ и не продохлось», — рѣшилъ Павлушка.

Впереди стоялъ бондарь въ чуйкѣ и, широко крестясь, бухался въ землю.

Павлушка и раньше слышалъ, что бондарчиха давно хворала, что ее много лѣчили и даромъ—ничего не помогало, а бондарь жаловался на обузу.

— Это онъ и бухается отъ радости, что Богъ ее прибралъ, надоѣла она ему. Думаетъ, померла и крышка, не увидить... Нѣ-тъ!—Павлушка пискнулъ отъ злорадства; онъ зналъ, что бондарчиха тутъ, въ церкви, стоитъ гдѣ нибудь въ уголку, все видитъ, все понимаетъ, только ее не видно. Какъ въ шапкѣ невидимкѣ.

— Надѣтъ шапку-невидимку, вынуть изъ кармана у Ивана Ивановича ключи, отпереть шкапчикъ, вытащить слоненка... двойки переправить на пятерки, а потомъ что нибудь такое...

Въ алтарѣ поднялась суматоха.

Дьяконъ бросился отъ жертвенника къ престолу, псаломщикъ, читавшій шестопсалміе, остановился.

Въ тишинѣ переглядывались.

Наконецъ, разрѣшилось: изъ алтаря подъ руку вывели священника.

Измученный, съ открытымъ ртомъ ткнулся старикъ заплаканнымъ лицомъ въ темный ликъ:

— Владычица, прости меня!

И пошелъ.

Служба продолжалась, псаломщикъ читалъ. Голосъ его звучалъ твердо и увѣренно. И всѣ, кто были въ церкви, теперь знали твердо и опредѣленно, что священникъ не вернется въ церковь, что онъ умретъ, дорогой ли, дома у себя, все равно умретъ.

— Всѣ умремъ, — говорило что-то, — умремъ, и принесутъ сюда, поставятъ тутъ передъ амвономъ...

И вспомнилось Павлушкѣ, какъ хоронили одного актера. Тоже старика. Въ церкви рассказывали, будто игралъ онъ на театрѣ и померъ. Моментально померъ. Смыли съ лица краску, положили его въ гробъ, принесли. Церковь была полна актеровъ, бритыхъ и чудныхъ, да актрисъ въ большихъ шляпкахъ. Когда кончилось отпѣваніе, священникъ далъ покойнику рукописаніе, полилъ масломъ, поклонился и пошелъ въ алтарь. А съ паперти ужъ несли крышку бѣлую, глазетовую. Покрыли гробъ крышкой, стали гвозди вбивать... Жутко было. И еще было какое-то успокоеніе, увѣренность, что заколачиваютъ гвоздями и сейчасъ понесутъ на кладбище и тамъ опустятъ въ яму, землей завалятъ—

— Не тебя!—чуть не взвизгнулъ Павлушка, какъ и тогда, отъ нахлынувшей радости.

Тутъ всталъ передъ глазами другой случай.

Разъ зашелъ Павлушка въ церковь: тоже покойникъ былъ. Ужъ прощались. Прощались какъ-то робко, руку не цѣловали. Только смотрѣли на огромныя стеклянныя руки. И вотъ женщина старая, горбатая отъ горя, одна цѣловала эти руки, цѣловала лицо, полузакрытое желтой ватой, цѣловала рогъ, изъ котораго темной струей бѣжала сукровица.

— «И меня!»—казалось, надрывались эти поцѣлуи единственные... не хотѣла она остановиться, не хотѣла перестать, не могла оторваться, а былъ конецъ.

— И тебя! все равно...принесутъ.

— Принесутъ... Владычица! чтобы меня не принесли, чтобы не умереть мнѣ, Божія Матерь, Царица небесная, сдѣлай Ты... вѣдь я маленькій!

Павлушка сталъ на колѣни и, кланаясь въ землю, ударялся лбомъ о холодныя плиты.

Играли камни на бѣлой ризѣ, жемчуга таяли, ликъ Матери участливо гладилъ его.

Зналъ Павлушка твердо, все Она дастъ ему, ни въ чемъ не откажетъ... не будетъ двоекъ, слоненокъ у него будетъ... онъ ни въ чемъ не виноватъ...

— А бондарь виноватъ?

Бондарь, бухаясь въ землю, вытягивалъ ноги. На тяжелыхъ сапогахъ сверкали подковки.

Павлушкѣ захотѣлось подковокъ.

— Ты отними отъ него, дай ихъ мнѣ!—онъ протянулъ руку къ сапогу бондаря попробовать, не отвалились ли подковки, и пораженный, остановился: справа и слѣва сверкали такія же подковки.

А почему у него нѣтъ подковокъ? почему только одинъ онъ стоитъ маленькій, невинный и всѣмъ чужой?

И вдругъ понялъ.

Кругомъ были грѣшныя, несчастныя, грѣшныя, какъ бондарь.

Они молились... Ты ихъ услышишь!

Они просили... Имъ будетъ отвѣтъ?

— Мнѣ будетъ, я не виноватъ ни въ чемъ.

И ему до боли стыдно, что онъ не виновать ни въ чемъ...

Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!

Павлушка стоялъ, какъ пригвожденный, не засматривалъ въ окно, какъ всегда засматривалъ: не увидитъ ли свѣтъ показавшійся.

Мимо несло «Великое славословіе», онъ повторялъ одно слово черное, звалъ темное съ подковками съ серебрянными.

— Пускай мнѣ двоекъ наставятъ, пускай меня выгонятъ, пускай меня чортъ возьметъ.

Служба кончилась.

Бочкомъ вышелъ Павлушка изъ церкви и побрелъ домой. Шелъ домой оголтѣлый, распахнувшись, несъ не сердце, а комокъ слезъ.

Хотѣло сердце быть грѣшнымъ.

Хотѣли глаза плакать отъ отчаянія.

Молить... Ты ихъ услышишь!

Просить... Имъ будетъ отвѣтъ?

Хотѣлъ Павлушка, чтобы чортъ сцапалъ его, посадилъ къ себѣ на закорки и пустился бы съ нимъ по бѣлому свѣту. Хотѣлъ, чтобы рука огромная стеклянная схватила его и тутъ бы на мѣстѣ прихлопнула.

Быть бы ему вотъ этимъ отходникомъ, трясущимся на бочкѣ, ѣхать бы, трястись оборванному и голодному въ ночь на грязную работу, нюхать этотъ отвратительный запахъ, копаться въ зловонной бурдѣ.

Павлушка стремительно повернулъ съ тротуара и пустился за бочкой, стараясь, какъ можно больше, надышаться мерзостью и поровня выпачкаться.

* * *

Спинка. Брюшко.
Лягъ. Лягушка.
Дѣтская игрушка.

— Пѣли—выговаривали хоромъ: «Трясогузка» тонко, Павлушка потише, а «Пугало» толсто, и при этомъ пальцами выдѣлывали разныя финтиклюшки, заканчивавшіяся дружнымъ кукишемъ.

— Павлушенька,—просунулъ въ дверь «Аксолоть» —поди-ка сюда, что я тебѣ скажу.

Всѣ повскакали.

— Мухтаръ пришелъ, ворону приволокъ, варить что-ли?

Павлушка погрозилъ пальчикомъ, и на цыпочкахъ всей гурьбой двинулись въ кухню.

Главное, надо было все это отъ Кати скрыть, а то она еще возьметъ, да и выброситъ ворону за окошко. А объ воронѣ Павлушка давно умомъ раскидываетъ: какъ-то попалась ему одна книжка, въ которой всякіе звѣри и птицы нарисованы были и рядомъ съ птицами что-то въ родѣ смерти. «И не смерть это,—объясняла Катя,—это скелеть, а скелеть можно и самому сдѣлать изъ вороны». Вотъ съ тѣхъ поръ засѣла ворона Павлушкѣ въ голову,—коломъ не вышибешь,—захотѣлось ему непременно скелеть устроить и чтобы скелеть у него на столикѣ стоялъ.

«Мухтаръ», лохматый дворникъ въ валенкахъ, и весь какой-то, будто изъ валенокъ сдѣланный, толкался въ кухнѣ, кадя себѣ подъ носъдохлой вороной.

Обступили «Мухтара», выхватили изъ рукъ ворону.

Положили ворону на грязную табуретку изъ подъ помойной лоханки, подсучили рукава и усѣлись кружкомъ на корточкахъ.

Трогали ворону пальцами, разсматривали кругомъ, расправляли крылья, потомъ за клювъ принялись, раздирали задеревенѣлый клювъ.

— Ворона старая,—сказалъ Павлушка,—ни одного цѣлаго зуба.

— Ворона жретъ десной, у ихъ сестры зуба не водится, — «Аксолотъ» поставилъ на плитѣ до верху полный поганый чугунокъ.

— Нѣтъ, водится,—заступился «Пугало»,—вотъ такіе въ семь аршинъ, круглые...

— Круглые!—передразнилъ «Аксолотъ»,—круглый то зобъ, какъ яйцо.

— Зобъ вонъ, подъ шейкой, тамъ камни хранятся.

«Аксолотъ» подкладывалъ дровъ въ печку. Вола нагрѣвалась.

А ворону щипали. Перья складывали въ кучку. Тряслись надъ каждой пушинкой, чтобы потомъ изъ вороньяго пуху «Аксолоту» перину сдѣлать. А какъ ощипали, зажгли лучинку и стали лучинкой палить ворону, чтобы всѣ пенушки вывести.

Вывели пенушки, принялись потрошить.

Отломаннымъ перочиннымъ ножикомъ взрѣзали зобъ. Искали камней, но камней не было, а была какая-то липкая труха.

Перемазались.

Не отрубая головы, положили ворону въ чугунокъ.

Закипѣла ворона.

И пошелъ по всѣмъ комнатамъ такой смрадъ, хоть изъ дому бѣги.

Прибѣжала Катя, разсердилась, ворону велѣла въ сѣни вынести, а дѣтей прогнали изъ кухни.

Вотъ те и ворона!

Дѣти потащили за собой «Мухтаръ». «Мухтаръ» былъ выпимши, а когда онъ выпимши, съ нимъ весело.

— Мухтаръ, а Мухтаръ, скажи, какъ ты... это дѣлалась?—щипали и подпихивали, напихивая на дворника вертляваго «Трясогузку».

— Не-зя, не-зя,—отбрыкивался «Мухтаръ».

— Да не умѣешь! да не умѣешь! да не умѣешь!—дразнили, поддразнивали дворника, пока того не прорвало.

«Мухтаръ» облапилъ «Трясогузку».

А «Трясогузка» далъ подъ-ножку, вывернулся и былъ таковъ. Полетѣлъ «Мухтаръ» къ чорту на кулички—грохнулся.

И ползя по полу, хорохорясь, представлялъ онъ и выдѣлывалъ разныя несурразности.

Грохотали отъ удовольствія, покатывались со смѣху.

— Ну, теперь спой, Мухтаръ, спой намъ, пожалуйста!

И поднявшійся на ноги, разморенный, начиналъ «Мухтаръ» пѣсню пѣть такимъ же, какъ весь валенный, валеннымъ голосомъ:

Что же ты Матрена
Къ лѣсу не пришла,
Али ты, дурена,
Другого не нашла.

И останавливался:

— А дальше не-зя.

— Не-зя! не-зя! не-зя!

Проснулся «Аксолотъ», позоваль «Мухтара»: его въ сторожкѣ спрашиваютъ.

«Мухтаръ» ругался. Дразнились вдогонку.

Чего бы еще выкинуть? сидѣть такъ, сложа руки,—скучно. Раздумывали.

Павлушка подговаривалъ на чердакъ лѣзть, да дѣло не выгорѣло: поймають, избьють, какъ жуликовъ.

Выдумали игру.

Пересчитались, кому водить, и начали.

«Трясогузка» и Павлушка хлестали ремнями вскарабкавшагося на стулъ «Пугалу», а «Пугало» отхлестывался.

Вся игра въ томъ только и заключалась, чтобы отхлестываться.

Сначала все шло мирно, хлестались по-нарочну, потомъ перешли и по-заправду, наровя двинуть пряжкой.

Павлушка хватилъ «Пугалу» по мордамъ. «Пугало» не удержался и кувырнулся со стула. Кувырнулся, ударился,—заплакалъ.

Задрало.

— Нюня! Нюня! Нюня!

— Пугало! Пугало! Пугало!

— Самъ Пугало! второгодникъ!

— А твой отецъ—пропоица, сосудъ за обѣдней уронилъ.

— Пропоица! Пропоица! Пропоица!

• «Пугало» плакалъ.

И чѣмъ бы все это кончилось, одному Богу извѣстно, да за «Трясогузкой» горничная пришла домой уводить.

Поднялся было и «Пугало», да опять сѣлъ. Увели «Трясогузку».

«Пугало» съ Павлушкой одни остались.

И стало вдругъ Павлушкѣ стыдно, что обидѣлъ «Пугалу».

— Пугало, поди сюда!—позвалъ онъ робко.

«Пугало» всхлипывалъ.

— Поди сюда, говорю, слышишь?

Молчалъ.

— Давай, Пугало, слоненка унесемъ! — тронулъ «Пугалу».

— Давай.

— А какъ же мы его унесемъ?

— Стамеской.

— Стамеской не выйдетъ, долотомъ лучше.

— Долотомъ.

— А когда мы его унесемъ?

— Завтра.

— И никому не скажемъ?

— А ты дразниться не будешь?

— Я тебѣ, Пугало, козленка отдамъ, хочешь?

— Хочу.

Павлушка отыскалъ тряпочку, бережно закуталъ въ нее стекляннаго козленка, чтобы козленку холодно не было, и подалъ «Пугалѣ».

— Вотъ тебѣ.

«Пугало» всталъ; вихры торчали и щеки горѣли.

— Павлушка, ты... папашу... въ заштатъ выгнали... благочинный. Теперь, Павлушка, съ голоду померемъ.

* * *

Утромъ, на слѣдующій день, Павлушка въ гимназію не пошелъ. Надѣлъ уже ранецъ, и подкосило.

Поставили Павлушкѣ градусникъ. Жаръ.

Укладывали въ постель. Заартачился, не хотѣлось ложиться.

Пошелъ ходить по комнатамъ.

Въ окно смотрѣлъ.

За окномъ падалъ мокрый снѣгъ и, не долетая до мостовой, таялъ.

Таялъ на крышахъ, только на дровахъ у сарая лежалъ легкимъ слоемъ.

И такъ тянулось время, такъ не весело.

Такъ не весело, плакать хотѣлось.

Столикъ стоялъ сиротливо, — козленка не было. Жалко стало козленка. Зачѣмъ его отдалъ? Теперь у него нѣтъ ничего. И у «Пугалы» нѣтъ ничего... Съ голоду помретъ. И козленокъ и «Пугало».

— А слоненокъ?

Закрывъ Павлушка глаза, сталъ на пальцахъ гадать: принесетъ «Пугало» слоненка или нѣтъ.

— Нѣтъ.—Нѣтъ.—Нѣтъ.

А ну какъ слоненка никогда и не было въ шкафчикъ, а такъ онъ его выдумалъ? И откуда взялся слоненку въ шкафчикъ?

А если слоненокъ и на самомъ дѣлѣ сидитъ тамъ, то дастся ли онъ взять себя? Пойдетъ ли къ нему? Не всѣмъ онъ дается, не ко всякому идетъ. Къ «Пугалѣ» пойдетъ, а къ нему?

Закрывъ глаза, завертѣлъ пальцами.

— Да.—Да.—Да.

Въ комнату Кати вошелъ настройщикъ, сталъ пьянино настраивать.

— Сѣрый слоненокъ, сѣрая мордочка,—ударяла нота.

Павлушка легъ на кровать прилечь.

— Сѣрый слоненокъ, сѣрая мордочка,—удряла нота.

И представилось Паслушкѣ, будто какой-то маленькій звѣрокъ выскочилъ изъ часовъ, подползъ къ нему, понюхалъ и забѣгалъ по комнатѣ.

Бѣгаетъ звѣрокъ на одной ножкѣ, выпускаетъ паутину, путаетъ, приплясываетъ.

Хочетъ Павлушка встать, поймать звѣрка, и не можетъ.

Не можетъ ни голову поднять, ни рукой тронуть

Бѣгаетъ звѣрокъ на одной ножкѣ, паутиной путаетъ, приплясываетъ, губой причмокиваетъ:

Чокъ-чокъ! пятакъ,
Побѣжала въ кабачекъ.

Спуталъ ноги, спуталъ руки, путаетъ тѣло.

Сердце путаетъ.

— Слоненокъ, миленькій, не трогай меня!—плачетъ Павлушка.

Но слоненокъ не слушаетъ, ему и горя мало, все шибче, все шибче бѣгаетъ, приплясываетъ, губой причмокиваетъ:

Напоили ее пьяну,
Уложили ее въ яму.

И вдругъ для Павлушки понятнымъ становится что не слоненокъ это—

Павлушка раскрылъ глаза испуганные, измученные.
Настройщикъ настраиwалъ пьянино.

✱

У Павлушки корь.

Третій день, какъ она началась, и теперь жарила во всю.

Въ первый же вечеръ забѣгалъ «Пугало», принесъ Павлушкѣ заячью лапку.

Лапку положили къ Павлушкѣ подъ подушку, а «Пугалу» прогнали. Заразится.

Всѣ эти дни пичкали Павлушку противной касторкой.

«Аксолоть» давилъ капсюлю и, размазавъ касторку на кусочекъ черстваго хлѣба, подчивалъ.

Отъ одного воспоминанія у Павлушки въ глазахъ мутилось.

Слава Богу, теперь не надо.

Пришелъ докторъ, посмотрѣлъ языкъ, пульсъ щупалъ.

Павлушка не долженъ чесаться, а то хуже будетъ.

Павлушка почесывался: притворялся, что спитъ, и почесывался.

Вотъ вышелъ «Аксолоть» въ кухню, притворилъ за собой дверь плотно.

И когда совсѣмъ затихло, Павлушка соскочилъ съ кровати и, ступая босыми ногами по холодному полу, дрожа всѣмъ тѣломъ, пробрался къ зеркалу, глянулъ на себя.—Зажмурился. И снова съ болью впился тяжелыми глазами на свое непохожее лицо.

Не было мѣста не покрытаго краснымъ лоснящимся пятномъ, сплывающимся съ другимъ такимъ же краснымъ и лоснымъ и съ третьимъ, вездѣ: на лбу, въ волосахъ, на носу, на груди.

Ощерилъ Павлушка зубы не блестящіе и бѣлые, а мутные теперь, мутно-зеленоватые. Хотѣлъ языкъ совочкомъ состроить,—языкъ тяжелый, не поворачивался.

Шепталъ нестерпимо чешущимися губами и гримасничалъ.

Не узнавалъ себя.

И вдругъ острая мысль, что это не онъ, что онъ умираетъ, умереть, ударила его, и, шатаясь, отчаянный онъ подползъ къ кровати, надернулъ на себя одѣяло и, въ страшномъ холодѣ и тоскѣ недѣтской, весь скорчился.

И ему казалось, что онъ большой, не только большой, а старикъ, какъ старикъ священникъ.

— Владычица, прости меня!

Комната наполнялась ходомъ часовъ, слышалъ, какъ они ходили на высокихъ ногахъ въ валенкахъ, ходили по комнатѣ вокругъ него шлепали:

— И тебя! не уйдешь!

Павлушка нащупалъ подъ подушкой заячью лапку, ухватился за нее, какъ за соломинку, но не поддалась лапка, выюркнула изъ рукъ. Стала она подъ одѣяломъ прыгать, проскочила за воротъ подъ сорочку, выпустила когти, зацарапалась.

— Лапка! лапочка!—стоналъ Павлушка.

Но удержу не было.

Все пришло, все сошлось, чтобы мучить Павлушку.

Прилетѣла ворона ошипанная, пустая, безъ внут-

ренностей, усѣлась синяя надъ головой, разинула клювъ... вышелъ слоненокъ изъ шкапчика, выгнулъ хоботъ, поймалъ за ногу и потянулъ Павлушку съ кровати на полъ... на полу дьяконъ ползалъ — отецъ «Пугалы» — растерзанный, что-то красное собиралъ въ горсть, чмокалъ пьяной губой, и посыпались сверху съ потолка ножички, стрѣлки, машинки, коробочки, картинки, кораблики, раковинки, бальники, двойки... стрѣляли, давили, рѣзали... крышками заземляли пальцы, царапались...

Не видѣлъ ничего, не слышалъ, летѣлъ куда-то въ пропасть, летѣлъ на закоркахъ у чорта, летѣлъ не по бѣлому свѣту, а по чортову полю.

Чортово поле — —

Павлушка идетъ вмѣстѣ съ Катей по огромной, широкой каменной площади на чортовомъ полѣ. Схватились они за руки, торопятся. И жутко и страшно имъ, и куда идутъ—сами не знаютъ. Знаютъ, пришелъ конецъ.

И нѣтъ имъ спасенія.

Знаютъ,—кто-то, какой-то старикъ слѣпой и гадкій стережетъ ихъ. Онъ стережетъ ихъ, поймаешь. И нѣтъ имъ спасенія.

И чувствуетъ Павлушка, что старикъ тутъ, блѣдный, изможденный, съ зеленоватой бородой, какъ бондарь. Старикъ вспрыгнулъ на тумбу, вотъ бросится. И нѣтъ имъ спасенія.

Хватаетъ Павлушка тяжелый ломъ, бьетъ старика, бьетъ по лысинѣ. Бьетъ и чувствуетъ, что силъ ужъ

нѣтъ больше, нѣтъ силъ еще разъ поднять ломъ. А старикъ поднимается съ тумбы...

Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!

* * *

Много недѣль провалялся Павлушка.
Вытянулся, глаза потемнѣли, и все будто вновѣ.
Слушалъ каждое слово, каждому слову радовался и предмету.

Потомъ скучища напала смертная. Никого къ нему не пускали, а самому не позволяли выходить.

Ушла осень, пришла зима.

Все бѣлое, снѣгъ хруститъ.

Выбѣжать бы на улицу, да въ снѣжки.

Играли другіе.

Да что толку въ окно смотрѣть, какъ играютъ другіе.

И вотъ наконецъ, на Катины именины, въ первый разъ Павлушка на волю вышелъ.

Появились «Трясогузка» и «Пугало».

Подъ орѣхъ раздѣлывали, чего только не выкидывали.

Будетъ! Прогнали въ комнаты.

И весело же было, какъ никогда.

Пили вино красное, ѣли мороженное. Отмочили колѣнце. Павлушка вымазалъ себѣ носъ табакомъ.

— Сытъ, пьянъ и носъ въ табакѣ!

Вымазались «Трясогузка» съ «Пугаломъ», вымазали «Мухтара» и «Аксолота».

Передрались, перецарапались, а кончили миромъ.
Слоненокъ все равно ихній будетъ.

«Мухтаръ» досталь плоскозубцы, а плоскозубцами все можно.

Завтра пойдетъ Павлушка въ гимназію.

Завтра же они отопрутъ шкапчикъ, гынутъ слоненка. Запрягутъ слоненка въ санки, и помчится слоненокъ по улицамъ мимо гимназіи въ поле — —

— Мы будемъ кричать и пѣть!

-- Ничего не будемъ бояться!

— Нацѣпимъ на мордочку красную ленточку!

— Порвемъ книжки и бальники!

— На край свѣта поѣдемъ!

--- И гимназію къ чорту!

Б Е Б К А.

Б Е Б К А.

Долгая зима ушла, какъ уходило много такихъ же скучныхъ, вьюжныхъ, черныхъ зимъ, опоясанныхъ жгучимъ, льдистымъ сіяніемъ ненасытной стужи.

Была вьюга, все засыпая бѣлыми снѣгами далеко кругомъ, и, поблѣднѣвшіе, они лежали, погребая и лѣсъ, и рѣку, и глухую степь.

Домъ, гдѣ я жилъ, чуть виднѣлся, и только клубы пугливого дыма говорили о жизни.

И внутри его было мертво и тихо, лишь изрѣдка постукивалъ молотокъ да визжала дратва.

А теперь нетерпѣливая весна далекаго сѣвера, заброшеннаго, одинокаго...

Каждое утро, когда я читаю или пишу, дверь въ мою комнату сначала вздрагиваетъ, потомъ немного поддается впередъ, и, наконецъ, пріотворяется.

— Бубука пусти, пусти Бубука, Бу-бу-ка!—слышится дѣтскій настойчивый голосъ.

Входитъ маленькій толстенькій мальчикъ или въ сѣромъ халатикѣ, или въ красной рубашечкѣ и синихъ штанишкахъ.

— Бубука, сдѣлай мнѣ пищикъ,—говоритъ мальчикъ, подходя къ столу.

— Какой пищикъ?—не отрываясь отъ работы, спрашиваю Бекку.

— Какъ у парохода!

— Не умѣю я пищики дѣлать.

— Такъ я тебѣ пищикъ покажу!

— Ну хорошо, только не теперь, послѣ, Бебка, я сейчасъ занимаюсь.

— А ты надѣнь пальто, шапку, застегнись и идемъ, а потомъ и занимайся.

Я ничего не отвѣчаю, стараюсь сосредоточиться, и строю серьезное лицо.

Бебка ползаетъ по полу, собираетъ лоскутки цвѣтной бумаги и что-то свертываетъ.

— Ты что дѣлаешь, Бебка?

— Конфетку дѣлаю мамѣ, она съѣстъ ее; вчера мнѣ дала много-много большихъ конфетовъ, а тебѣ не прислала!

— Отчего же не прислала?

— Я тебѣ самъ принесу, когда пріѣдетъ папа.

Бебка влѣзаетъ на стулъ и долго глядитъ на цвѣты.

— У тебя, Бубука, цвѣтовъ много?

— Много.

— И желтыхъ?

— И желтыхъ.

— Дай мнѣ одинъ цвѣтокъ?

Я вынимаю изъ стакана цвѣты и подаю Бебкѣ.

— Вотъ, бери всѣ и поди погуляй, а послѣ я и пищикъ тебѣ сдѣлаю.

— Какъ у парохода?

— Лучше, чѣмъ у парохода, только иди и погуляй.

Бебка беретъ цвѣты и, роняя ихъ, идетъ къ двери. Я выпускаю его.

Въ открытое окно долго слышится дѣтскій голосъ,
въ родѣ песѣнки:

Бубука всѣ цвѣты отдалъ.
Бубука всѣ цвѣты отдалъ.

Снова принимаюсь за работу, но ничего не выходитъ,—мнѣ видится Бебка: онъ роняетъ цвѣты и поетъ...

Проходитъ часъ, другой. Снова слышится голосъ Бебки онъ быстро подбѣгаетъ ко мнѣ:

— Бубука, на тебѣ!—и вынимая изо рта конфету, подаетъ мнѣ.

Я дѣлаю видъ, что сосу.

— А теперь давай!

Онъ идетъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ работаютъ сапожники; сердитый Иванъ Онуфричъ и длинный Петръ Андреичъ,—и тамъ повторяется та же самая сцена.

— А теперь давай!—слышится настойчивый голосъ Бебки.

* * *

Стоять холода.

По утрамъ серебряный тонкій покровъ ложится на нѣжно-зеленную озимь, а волны коричневые съ бѣлыми, какъ груди чаекъ, и красныя, какъ крапинки крови, гребнями мечутся подъ крики стального вихря, прилетѣвшаго съ тундры.

Бебка не показывается.

Я проходилъ по окрайнѣ города и въ окнѣ одного дома увидѣлъ его: онъ игралъ съ ребятишками въ своемъ сѣромъ халатикѣ, въ высокихъ съ резинами калошахъ, надѣтыхъ на чулки.

И сегодня, когда вихрь улетѣлъ, и солнце, играя и грѣя, собирало стада пушистыхъ, грозovýchъ облаковъ, снова вздрогнула дверь, и вошелъ Бибка.

— Ты гдѣ это пропадалъ?

— Пчеловъ ловилъ.

— А я тебя видѣлъ!

— Гдѣ ты видѣлъ?

— Въ лѣсу видѣлъ; да ты не узналъ меня; ну-ка скажи мнѣ, какъ меня зовутъ?

— Бубука!

— А еще какъ?

Бибка долго молчитъ, потомъ хватается рученками за мою шею, лѣзетъ на колѣни и шопотомъ вмѣсто на ухо говоритъ на нось.

— Козелъ бородатый.

* * *

Пароходъ идетъ!

Вижу изъ окна, какъ гдѣ-то далеко мелькаетъ что-то, словно старая сѣрая льдина.

Спѣшу на пристань.

Дорогой попадаетъ Бибка; онъ въ длинномъ пальто со штрипкой ниже талии, на головѣ пушистая синяя шапка блиномъ, съ пампушкой по серединѣ.

— Бубука, пароходъ идетъ, возьми меня съ собой! Я беру его за руку, и мы бѣжимъ...

На пристани Бибка усаживается на перилы лѣстницы и ждетъ.

Наконецъ, пароходъ подплываетъ и долго пронзительно реветъ.

— Ну, Бибка, поѣдемъ къ людоедамъ?

— Самъ поѣзжай, а я не поѣду!—и Бебка таращить глазенки во всѣ стороны, словно еще увидить что то и очень нужное.

— Тогда пойдемъ домой, больше ужъ ничего не увидимъ.

Медленно взбираемся на берегъ, Бебка поминутно оглядывается, не уйдетъ ли пароходъ обратно.

По рѣкѣ скользятъ лодки; чайки кричатъ.

— Какъ пройдетъ пароходъ,—говорить усталымъ голосомъ Бебка,—ты бѣги, Бубука, бѣги!

*

Послѣ обѣда приходитъ Бебка и, молча, стоитъ около меня.

— Здравствуй, Сака-фара!

— Самъ ты Шака-фара!—недовольно отвѣчаетъ Бебка.

— Что ты губы то распустилъ, ишь ты какія онѣ длинныя у тебя, словно у Агаги какой, побилъ тебя кто?

Бебка молчитъ.

— Ты не обѣдалъ?

Молчитъ.

— Чаю хочешь?

Молчитъ.

— Вотъ что, Бебка, пойдемъ-ка, да заснемъ, и я лягу съ тобой, расскажу тебѣ страшную-страшную сказку!

Я беру его на руки и несу на кровать.

Сначала дѣлаю ему «долгую-долгую» козу и сороку съ «холодненькой водицей» и грѣю животикъ, но

онъ не улыбнется, тогда закрываю глаза и начинаю храпѣть.

— Бу-бу-ка!—тихо говоритъ Бебка.

— А! это ты, Бебка, а я думалъ, дѣтосѣка пришелъ!

— Ска-зку!—еще тише говорилъ Бебка.

— Сказку! Ну, слушай!...

— «Когда-то давно-давно жили-были Чокыръ и лиса, жили они дружно, пріятелями, въ лѣсъ ходили, на пароходъ ходили»...

Бебка зѣвнулъ и затарашилъ глазенки.

«Вмѣстѣ спали послѣ обѣда и цвѣты собрали желтые, пищики дѣлали»...

— Какъ у парохода?—сонно спрашиваетъ Бебка; его личико розовѣетъ, губки надуваются и оттопыриваются.

«И вотъ случилось разъ, не стало у нихъ хлѣба, а ѣсть хочется»...

Бебка спитъ; я тихонько слѣзаю съ кровати.

Но скоро онъ просыпается, испугался,—мокрехонькій,—и начинаетъ плакать...

Уносятъ домой.

* * *

— Я тебѣ цвѣтовъ желтыхъ принесъ!—кричитъ Бебка.

Онъ растегиваетъ штанишки и вытаскиваетъ оттуда измятые одуванчики.

Я беру у него цвѣты и застегиваю штанишки.

— Ну, а теперь, пойдѣ лучше къ Ивану Онуфричу, я сейчасъ занимаюсь, Бебка!

— Тогда я къ тебѣ никогда не приду!—ворчить и уходитъ.

Изъ сосѣдней комнаты слышу такой разговоръ:

— Ты козла содралъ, Рогатый?

— Содралъ.

— Пищить?

— Сейчасъ запищитъ, слышишь?—и Длинный начинаетъ пищать.

— Мама говорить, заяцъ у насъ убѣжалъ съ кашей.

— Я его встрѣтилъ!—строго замѣчаетъ сердитый сапожникъ.

— А козла?

— И козла.

Иванъ Онуфричъ входитъ ко мнѣ, ставитъ два стула, вѣшаетъ на спинки нитки и начинаетъ мотать.

Бebка ходитъ за нимъ и, если нитка пугается, онъ терпѣливо ждетъ, когда Иванъ Онуфричъ распутаетъ узелъ.

Бebка работаетъ!

Потомъ, когда сучать дратву, онъ, въ длинномъ сапожномъ фартукѣ съ молоткомъ ходитъ по комнатѣ. Онъ заглядываетъ на полки съ книгами и постукиваетъ по корешкамъ.

— Эти мнѣ нравятся, онѣ хорошія,—говоритъ онъ, показывая на тѣ книги, гдѣ наклеены разноцвѣтные билетки,—а эти нехорошія, и почему книги не падаютъ?

* *
* *

Хмурое, холодное утро.

Должно быть, по морю льды идутъ.

Рѣка сѣрая, грязноватая.

Дождь пошелъ мелкій осенній.

Я сижу у окна; тихо, только вѣтеръ протяжно долго гудитъ и стонетъ.

Вдругъ вижу Бебку; онъ стоитъ на берегу съ голыми до колѣнъ ногами и смотритъ въ даль рѣки.

— Здравствуй, Бебка!—кричу ему.

— Бубука!—отвѣчаетъ его звонкій голосокъ,—пароходъ пришелъ?

— Не знаю, а пищикъ?

— Свистульки у меня нѣтъ, ты сдѣлай мнѣ, Бубука!

И Бебка бѣжитъ ко мнѣ, начинаются разговоры о пищикѣ, о желтыхъ цвѣтахъ, о козлѣ.

* *
*

Я собирался уѣзжать.

Догоралъ вечеръ,—малиновый, нѣжась, лежалъ на тихой рѣкѣ.

Зацвѣталъ шиповникъ.

Принесли Бебку проститься, его ужъ укладывали спать.

— Простись же съ Бубукой, онъ никогда не придетъ къ намъ!

Бебка сонный вытянулъ губки и вдругъ увидалъ на столѣ собранные въ кучу пестрые рѣчные камушки.

— Что это, Бубука?

— Это я ѣмъ, кушанье на дорогу.

— Отдай мнѣ!

— Ну бери, тебѣ на память, Бебка.

Онъ сразу оживился, собралъ всѣ камушки въ свою шапку и заторопился домой. Но когда хотѣлъ надѣть шапку, камни посыпались, и онъ захныкалъ.

Иди-ка, Бебка, спать. всѣ камни принесу тебѣ, ну прощай, Бебка, прощай!

И Бебку унесли.

А я остался съ камнями, да и тѣ не мои.

Б А Р М А.

Б А Р М А.

Жиль-быль старикъ со старухой. Старикъ сапоги точаль, старуха бѣлье мыла. Жили они хорошо, въ душу, а дѣтей у нихъ не было.

Затужили старики—какъ быть?—помирать пора. Думали, думали, да и надумали.

Взяли къ себѣ въ домъ мальчика-подкидыша.

Подросталь мальченка шустрый да проворный, хоть куда. Всему міру на диво. И затѣйникъ гордый: рожицу скорчить, словцо скажетъ—съ хохоту животы надорвутъ.

Мальченку Бармой звали.

Одна бѣда—на руку не чистъ. Поверни голову—стянетъ чего—не успѣешь и облизнуться.

У старухи стало бѣлье пропадать; у старика—струментъ: ножички, пилочки какія—постоянная нехватка.

Измаялись старики.

И били мальченку и наставляли и чего-чего только ни дѣлали: ничѣмъ не проймешь.

Какъ-то сидѣли они вечеромъ, пошабалили. Старуха рубаху чинила, старикъ бороду поглаживалъ. А Барма свернулся на печкѣ, только посвистываетъ.

И входитъ къ нимъ молодецъ одинъ ражій изъ себя, здоровенный. На ночлегъ просится.

Усадилъ старику гостя, сталъ спрашивать:

— Куда, молодецъ, путь держишь и по какой надобности?

— Къ царю воровать,—отвѣчалъ гость.

— Какъ такъ къ царю воровать?!

— Да такъ воровать.

Выронила старуха иглу съ перепугу, призадумался старикъ.

А гость только усъ покручиваетъ.

— Слушай, милый человекъ,—заговорилъ старикъ—живежь у насъ мальченка одинъ, Бармой прозывается, мочи намъ не стало, измаялись мы со старухой: какъ пиръ собирать, некуда Барму дѣвать. Тащить все изъ подъ носу. Возьми ты его, ослабони насъ, вѣчно будемъ Бога молить!

— Можно.

Разбудили Барму, снарядили. Забралъ Барма пилочки да ножички. Да въ путь.

Идутъ они лѣсомъ. Молодецъ, что ни шагъ—семь верстъ отмахиваетъ, да и Барма не даетъ маху. Тощенькій, юркенъкій, только носомъ покручиваетъ.

Разсказываетъ молодецъ про свою науку и всякія ловкости.

Такъ шли они, шли.

Вотъ видятъ, дерево стоитъ огромное, верхушкой прямо въ звѣзду упирается.

— Хочешь,—говорить молодецъ,—я тебѣ свое искусство покажу, а потомъ ты мнѣ свое покажешь?

— Хочу, дяденька!

— Видишь дерево?

— Вижу, дяденька!

— А гнѣздо видишь?

— Вижу дяденька!

— А птичку видишь?

— Вижу, дяденька!

— Такъ вотъ я сейчасъ влѣзу на это самое дерево и выну изъ подъ этой птички яички, и она не замѣтитъ.

Молодецъ полѣзъ на дерево, а Барма пустился подсаживать.

И не прошло минуты, жуликъ на землѣ былъ.

— Видишь?—спрашиваетъ Барму.

— Вижу, дяденька, яички...

Жуликъ подбоченился.

— А вы, дяденька, сапоги видите?

— Сапоги?!—вижу...

— А подошвы на сапогахъ видите?

Жуликъ задралъ ногу. Повелъ глазомъ...

— Это я вамъ, дяденька, какъ взлѣзать вы стали, подошву срѣзалъ-съ.

— Ну, выйдетъ изъ тебя человѣкъ,—сказалъ жуликъ, и они снова тронулись въ путь.

— А какъ, дяденька, къ царю пройти?—допытывался Барма.

— Плевое дѣло къ царю пройти,—объяснилъ жуликъ,—пойдешь все прямо, завернешь влѣво, потомъ опять влѣво, потомъ въ закоулокъ и прямокомъ въ царскій садъ упрешься.

И опять сталъ онъ рассказывать про свою науку и всякіе примѣры выкладывать.

Такъ прошли они лѣсъ, въ другой вступили.

Жуликъ сбросилъ поддевку, сказалъ Бармѣ:

— Ты покарауль меня, а я малость сосну.

— Слушаю-съ, дяденька.

И только что жуликъ завелъ глаза, Барма ошарилъ его, взялъ себѣ чего поспособнѣе, да драла.

Прошелъ и другой лѣсъ, прошелъ и третій лѣсъ, прошелъ острогъ, прошелъ кабакъ и прямо въ садовую рѣшетку стукнулся.

А рѣшетка высокая и тѣсная, пальца не просунешь.

Скинулъ Барма одеженку, да юркъ межъ прутьевъ.

А царь тутъ какъ тутъ, идетъ по дорожкѣ, яблоко кушаетъ.

Мундиръ, какъ жаръ, горитъ, золотыя штаны съ брилліантовыми пуговицами.

— Чей ты?—крикнулъ царь.

— Вашего императорскаго величества вѣрноподанный Барма.

— Зачѣмъ ты, сучій сынъ, попалъ сюда, а?

— Къ вашему величеству воровать.

— Ахъ, ты... мм...—царь хотѣлъ схватить Барму, да шагу не сдѣлалъ—соскочили штаны.

А Бармы съ пуговицами и слѣдъ простылъ, оттяпалъ ихъ мошенникъ моментально.

Тутъ и все.

II.

ВЪ СЕКРЕТНОЙ.

ВЪ СЕКРЕТНОЙ.

Его раздѣли донага.

Молча общарили смятое платье.

Бросили платье.

Пошли бѣгать скользкія руки по голому тѣлу.

Мутило омерзѣніе, горѣли на щекахъ красныя пятна, колотилъ ознобъ.

И съ дрожью выплывало нестерпимое чувство, отъ котораго закрылись вѣки: не ощупывали, не осматривали, а обнюхивали...

Какъ звѣрь звѣря.

Нѣтъ, какъ только человѣкъ человѣка.

Теперь предупредительно помогали одѣваться.

Записали въ книгу.

— Поставить *секретнаго номеръ первый!*—приказалъ начальникъ.

✱
*

Была ночь. Чуть горѣла лампочка.

Осмотрѣлся: тѣсно, давитъ что-то, а разобрать невозможно.

Легъ на койку и забылся.

Просыпается,—ночь.

Ночь,—а сразу соображаетъ, что тутъ что-то не такъ, потому что на корридорѣ шумъ, какъ бываетъ

послѣ утренней повѣрки: пересчитали арестантовъ и на работу гонять.

Лампочка мигаетъ. Керосину, должно быть, едва капля на донышкѣ.

Всталъ, постучалъ въ дверь.

Входитъ дежурный.

— Который часъ?

— Восемь... умываться пожалуйста.

— А отчего темно такъ?

— Темно, — дежурный мнется, — а потому темно, что тутъ днемъ ли, ночью—одна цѣна: такое ужъ строеніе.

Поправилъ дежурный лампочку, сводилъ въ умывальникъ и опять заперъ.

Ну, хоть бы тебѣ какой ни на есть самый плевыи свѣтъ, нѣтъ свѣта,—ночь!

Оглядывалъ, оглядывалъ... обрадовался—окно! — вверху стеклышко, хоть и темное, обмотано паутиной, а все же, подумалъ, къ обѣду свѣтъ будетъ.

Ждалъ.

На корридорѣ зашумѣли: возвращаются съ работы, стало быть, подоспѣлъ обѣдъ.

Входитъ дежурный. Ставить миску.

— Что-жъ не свѣтаетъ?

— Эхъ, баринъ,—дежурный смотритъ какъ-то не то сурово, не то жалѣючи,—много тутъ грѣха было, днемъ ли, ночью—одна цѣна: темно... Гимназистъ одинъ на третьи сутки повѣсился.

Сказалъ и ушелъ.

Ночь.

— Не желаете ли заявить о чемъ-нибудь?— спрашиваетъ прокуроръ.

Онъ хочетъ отвѣтитъ, говорить, но голоса своего не слышитъ.

— Ничего,—прокуроръ киваетъ головой и идетъ дальше.

— Ничего?—онъ набираетъ всю свою силу и, стиснувъ кулаки, шарахаетъ въ дверь.

Рѣзкій хряпъ... крикъ.

* * *

Открываетъ глаза,—ночь, на столикѣ лампочка.

Первое, что останавливаетъ вниманіе, это новая тесовая дверь съ рѣшетчатымъ забитымъ окномъ.

Стало быть, думаетъ, прошло много времени—все равно, тутъ не считаютъ.

Ночь.

Камера—нора. Побурѣвшія, перегорѣлыя отъ нечистотъ и насѣкомыхъ нары. Сѣрая въ пятнахъ постель. Качающійся черный столикъ. Качающаяся черная табуретка, въ сидѣннѣ которой торчитъ чуть замѣтный, однако вѣчно цѣпляющійся гвоздикъ. Обгрызанная, истертая губами ложка въ углу, на мѣстѣ иконы. Узенькое продолговатое окно, густо замалеванное бѣлилами. За двойной рамой ржаво-желѣзный щитъ вплотную.

На столикѣ безсмысленно жестяная, липнущая отъ проливаемого керосина лампочка съ косящей насмѣшливо-горькой горѣлкой.

Отъ наръ и ложки робкая, забитая тѣнь.

Кипятокъ, гороховая похлебка.

Безъ измѣненія.

Только мыши... мыши скребутся, то ласково-тонко, словно понимаютъ, то зло, будто хотятъ тебѣ перегрызть горло.

А съ надзирателями—вотъ они гдѣ!

Всѣ эти ихъ исполненія инструкцій...

Ведутъ тебя по корридору—они отгоняютъ другихъ арестантовъ.

А тѣ:

— Ишь, баринъ!—и тутъ же ввернуть что-нибудь не для надзирателя...

Трудъ ихъ каторжный.

Ночь напролетъ не спи. Убѣжить арестантъ—ты отвѣчаешь, ты виновать—сгонять.

— Сегодня дочку похоронилъ,—разрѣшился какъ то отъ упорно-намереннаго молчанія и отмалчиванія одинъ исполнительный надзиратель-подстаршій.

Знать, сильно схватило, забылъ инструкцію.

А другой какъ то ночью отворяетъ камеру.

— Что такое?

— Мочи нѣтъ, хоть въ Турцію бѣжать: жизнь каторжная.

Молоденькій такой солдатикъ, усы такъ чуть-чуть.

Прочіе арестанты... одинъ ихъ видъ выворачиваетъ всю душу.

Татаринъ одинъ, уборщикъ корридора, помететъ—помететъ и остановится, встанетъ, какъ вкопанный, замретъ весь: еще годъ сидѣть, два прошло.

— Лошадь укралъ, и не нарочно, а такъ произошло.

Цыганъ-кандальникъ все пѣсни пѣлъ подъ дверью.

Поетъ, кандалами пристукиваетъ, а въ голосѣ такая тоска...

Мать ли его жила въ степяхъ, сестра ли родная, изныла...

Тогда поднимаются думы, какъ полночь..

Нечѣмъ помочь.

— Сахарцу, баринъ, пришлите съ Авдѣевымъ.

Авдѣевъ—арестантъ, прислуживающій въ секретной: приносить и уносить парашку.

Сахаръ посылается.

— Цыганъ весь вашъ сахаръ проигралъ,—докладываетъ вечеромъ Авдѣевъ.

На стариковъ смотрѣть страшно: старые такіе, немощные, глаза замученные.

Тоже и дѣти... случайныя.

Ребенокъ одинъ былъ, дѣвочка; отецъ съ собою въ тюрьму взялъ.

Глазенки смотрятъ—не улыбнутся, а личико блѣдное, зеленоватое.

— Тя-тя!

А отецъ возьметъ дѣвочку на руки и носить по корридору, занимаетъ—баксаетъ цѣпнымъ звономъ... и понесетъ ее на вѣчную каторгу, понесетъ на рукахъ, которыми зарѣзалъ чужого ребенка...

Да, этотъ мигающій слѣдъ тоски у всѣхъ, у всякаго, до послѣдняго злодѣя и изверга.

Такъ все, что живетъ прикованное тутъ за дверью, идетъ къ тебѣ, держитъ тебя... сростается съ тобой, просить.

Но сердце лишь рвется: оно ничего не можетъ...

— Помоги имъ!

Онъ чувствовалъ себя, свое тѣло, сгорбливающееся и выпѣтающее съ отяжелѣвшими ногами, и свою душу съ замирающими какъ бы отъ испуга мыслями, съ нарастающей тревогой, съ клокочущими предчувствіями вѣчнаго гнета и все-таки никогда не потухающей надеждой, что освободятъ, что кто-то придетъ, непременно придетъ, подымеется суетня и пропоетъ настораживающій щелкъ замка—и тогда выведутъ, освободятъ, а съ тобой весь міръ..

Чувствуя всего себя, чувствуя то, что живетъ за дверью, онъ чувствовалъ жизнь за стѣной.

Вспоминалъ.

Входило прошлое, оно входило неясно, потомъ сгущалось, росло, выросло въ чудовище—въ какого-то искалѣченнаго ребенка, и нѣмо тянуло душу: ребенокъ простиралъ свои сухія руки.

И онъ, глядя въ ночь—въ свои дни, умолялъ простить его, давалъ клятвы—лучше умереть, но не заставить стоять съ этой сухой простертой рукой, лучше пусть ты измучаешься, понесешь всякую тяжесть...

Потому что ребенокъ—этотъ призракъ прошлаго, не уходитъ, а смотреть...

И проходило все выраженное, вылившееся, окаменѣвшее въ поступкахъ, потомъ все бродившее и, наконецъ, то, о чемъ боялся думать, что всплывало неожиданно, назойливо лѣзло и, озаряя собой, спугивало весь копошащійся міръ.

Казнилъ себя за такія мысли, которыя за стѣной жили неясно, укрыты были другими мыслями.

Вспоминалъ встрѣчи, вспоминалъ все, что говорили, о чемъ душа болѣла.

Всю жизнь до травинки принялъ къ себѣ въ сердце.

И не видѣлъ существа, сердце котораго не заплакало бы хоть однажды.

Все равно, ты ли заварилъ, къ тебѣ ли пристали, ты ли убилъ, тебя ли избили, но сердце твое сію минуту сжимается, на душѣ—холодъ.

Онъ незамѣтно затягивалъ всего себя, закручивалъ въ водоворотъ бѣдъ, невзгодъ и мученій, метался, какъ звѣрь въ клѣткѣ и, изнемогая отъ ходьбы, останавливался, да отъ безысходности, отъ своей беспомощности застывалъ, какъ безумный... Вотъ хватится головой объ стѣну...

И опять, только придетъ въ себя, оно ужъ тутъ.

Вспоминалось, какъ въ дѣтствѣ отрывалъ лягушкамъ лапки, вспоминалъ желторотата выкидыша изъ разореннаго гнѣзда, вспоминалъ рыбу съ оборваннымъ крючкомъ... разорваннаго, полу-раздавленнаго червяка...

По тюремному двору ходилъ козелъ.

Ходить козелъ и смотреть, будто понимаетъ все...

Да, они понимаютъ.

И избитая собака, и заморенная лошадь, и вся эта надорвавшаяся и измученная скотина.

Да, они понимаютъ.

И горящія деревья, и стонъ умирающихъ листьевъ и измятая трава, и истоптанные цвѣты, и ощипанные бутоны, и изѣденные побѣги...

Онъ не зналъ слова, которымъ остановить бы этотъ клокочущій адъ.

Такъ, чувствуя всего себя и все, что житье за дверью и за стѣной, что совершается и что было въ прошломъ, онъ чувствовалъ каждый мигъ, и не проходило песчинки времени, чтобы настало забытье, даже въ снахъ...

— А что, если бы у тебя отнимали самое дорогое или истязали бы на глазахъ у тебя — —?

* * *

Онъ ходилъ, не зная утомленія, изъ угла въ уголъ, спокойный и гордый.

Онъ не зналъ, какъ все это вышло, зналъ одно, что воротить того, что сдѣлано, не воротишь, да и есть ли нужда?

Если онъ помазанъ на совершеніе...

Онъ устранилъ отъ жизни насѣкомое, пускай его завтра повѣсятъ, пускай это насѣкомое мучилось и однажды пролило слезу, пускай...

Дудки!

Теперь онъ свободенъ отъ всякой муки за него.

Онъ понялъ, что все это ерунда. Земля этого не можетъ вмѣстить.

Ты помазанъ совершить то, что совершилъ, а тотъ былъ помазанъ свое совершить. Тѣмъ, что онъ мучился, когда ты его прихлопнулъ, онъ искупилъ свое, а ты искупишь завтра.

— Такъ значить, Богъ хотѣлъ... Но любить его я... я не могу... Я такъ и уйду...

Онъ ходилъ, не зная утомленія, изъ угла въ уголъ, спокойный и гордый.

МУЗЫКАНТЪ.

МУЗЫКАНТЪ.

Онъ хотѣлъ пѣть...

Когда случалось ему бывать въ концертахъ, пальцы его принимались вслѣдъ за дирижеромъ выплывать въ воздухѣ тактъ, а лицо строилось подъ пьесы—грисмасничалъ, особенно губы: то оттопыривались, то прикусывались, то расходились чуть не до самыхъ ушей, а голова тянулась и въ ту и въ другую сторону, помогая исполненію. Подымался на цыпочки, пристукивалъ каблукомъ, раскачивался—изъ кожи лѣзъ.

Нерѣдко видали его у витринъ музыкальныхъ магазиновъ; тамъ подолгу и сосредоточенно выстаивалъ онъ, высматривая свѣжія обложки новыхъ, только-что полученныхъ пьесъ, а потомъ нехотя отходилъ прочь и шелъ по улицѣ, сгорбившись, неровной, подплясывающей походкой, чему-то улыбаясь, отъ чего то хмурясь, себѣ-на-умѣ,—не просто покручивая лѣтомъ тоненькой тросточкой, а зимою счищая пальцемъ напорошенный снѣгъ съ подоконожниковъ и заборовъ.

Деньги водились у него туго, покупать ноты могъ онъ только изрѣдка, а потому приходилось ограничиваться подчеркиваніемъ въ каталогахъ тѣхъ пьесъ, которыя хотѣлось ему имѣть, и каталоги—

а у него ихъ былъ цѣлый ворохъ—пестрѣли разноцвѣтными крестиками, кружочками, точками, чортиками.

Что-то непобѣдимое тянуло его къ музыкѣ. Запоесть ли подъ окнами шарманка, пройдутъ ли мимо солдаты съ музыкой, такъ и подпрыгнетъ весь,—сердце ходуномъ ходитъ, битый часъ прослушаетъ, а потомъ затоскуетъ, будто то, что рвалось, прорывалось наружу и снова стискивалось и захлопывалось, разливалось теперь точащей жалобой, просьбой: выпустить.

А самъ, уродливо состроенный, съ тысячью недостатковъ людей-посмѣшищъ, глубоко расходился съ тѣмъ, что чувствовалъ до боли близко, тутъ рядомъ съ собой и передъ собой и вплотную сзади себя.

И это сжимало. Стѣсняло до смѣхотворности. Особенно, когда входилъ въ первый разъ куда-нибудь въ незнакомый домъ или проходилъ по заламъ театра, гдѣ много народа могли его видѣть. Тутъ всего было вдоволь: говоря, пропускалъ въ словахъ цѣлые слоги,—и слушатели прыскали отъ хохота,—наступалъ на ноги и на подолъ,—огрызались.

Въ дѣтствѣ его дразнили, а послѣ, когда ужъ вышелъ изъ этого возраста, нерѣдко какой-нибудь прохожій такъ, зря, пускалъ ему вслѣдъ обидною остроту. Когда жена его брата была беременной, его мать какъ-то сказала ей:

— Не смотри ты на эту уродину, нехорошо!

И почему-то это замѣчаніе глубоко врѣзалось ему въ память. Такъ мать сказала.

На одномъ мѣстѣ подолгу онъ не могъ сидѣть, и мѣнялъ городъ за городомъ.

И вотъ, несмотря на все свое стѣсненіе, онъ какимъ-то манеромъ всюду проникалъ въ такіе дома, гдѣ и рояли водились и музыка была.

Онъ хотѣлъ пѣть.

* * *

Шла весна.

Взрыхленные сырыя улицы звенѣли подъ копытомъ и сухо лязгали подъ ненужными полозьями.

Съ крышъ давно ужъ сошелъ снѣгъ, и по просяхающимъ желобамъ едва сочились послѣднія мутныя капли.

Переваливало къ ночи, а небо все еще зеленѣлось, и только кое-гдѣ выглядывали крохотныя звѣздочки, другія, не зимнія.

Прохожія женщины въ легкихъ кофточкахъ съ воздушными шарфиками проносились такія красивыя и нарядныя.

Съ замиравшимъ сердцемъ подходилъ онъ къ дому съ роялемъ, гдѣ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ давалъ уроки и прижился настолько, что самъ напросился пѣть.

Къ счастью, уроковъ оказалось мало,—по какому-то случаю учителя позабыли задать,—и только одна запутанная ариѳметическая задача, которую второпяхъ онъ сдѣлалъ алгебраически.

— Все равно, сойдетъ!—рѣшилъ про себя и тотчасъ почувствовалъ, какъ что-то огромное, звучащее, какой-то чугунный наборъ черныхъ нотныхъ значковъ нависъ надъ его мыслями и повторялъ на самое ухо: пѣть.

Ему предложили чаю. Но онъ отказался и прямо прошелъ въ залъ, гдѣ у раскрытаго рояля горѣли приготовленные свѣчи и на пюпитрѣ лежали его любимыя ноты.

Заискивающимъ полу-серьезнымъ, полу-шутливымъ тономъ онъ обратился къ своей ученицѣ, прося ему аккомпанировать.

Варя согласилась. А онъ усѣлся за рояль, перелисталъ ноты, повторилъ слова, въ которыхъ всегда при пѣніи чувствовалъ себя не твердымъ, выкурилъ папироску, выкурилъ другую, зѣвнулъ, потянулся...

Конечно, стѣсняться онъ не станетъ, незнакомыхъ гостей нѣтъ; правда, пришелъ Борисъ Викторовичъ, онъ ужъ настоящій; вонъ онъ говоритъ своимъ удивительнымъ голосомъ: «Что-то сегодня голосъ у меня не звучить...» Да, но онъ вѣдь настоящій и потому все пойметъ, и притомъ же онъ какой-то невозмутимый, не замѣчаетъ.

— Но отчего она не идетъ; сказала сейчасъ, а нѣтъ... позабыла, или нарочно... конечно, нарочно!— и, раздражаясь, онъ принялся, неумѣло и путаясь, подбирать мелодію.

Онъ хотѣлъ пѣть.

Въ столовой пьютъ чай, смѣются, потомъ, должно быть, заслышавъ игру, вспоминаютъ, шумятъ стульями.

Въ залъ входитъ Варя и съ ней Борисъ Викторовичъ.

Варя дѣлаетъ серьезное лицо и усаживается за рояль.

Начинается интродукція, которую она повторяетъ нѣсколько разъ, потому что, какъ только дѣло доходитъ до пѣнія, онъ пѣть не рѣшается, онъ все

откашливается, онъ все мычитъ какую-то свою неопредѣленную первую ноту.

Принимаются уговаривать. И только послѣ упорныхъ поднукиваній, послѣ капризныхъ нетерпѣливыхъ жестовъ Вари, пѣніе начинается: пропустивъ высокую ноту, сдавленнымъ голосомъ онъ беретъ, наконецъ, слѣдующую, болѣе низкую, но такъ тихо, совсѣмъ шопотомъ.

Борисъ Викторовичъ, терпѣливо прослушавъ нѣсколько тактовъ и, видимо, желая помочь, начинаетъ подпѣвать. И сильный его голосъ наполняетъ весь залъ.

Запѣла и Варя. А онъ силится взять громче, беретъ громче—но все не такъ и, законфузясь, замолкаетъ.

Становится страшно неловко; согнувшись, онъ закуриваетъ папироску и, дѣланно улыбаясь и разѣвая ротъ, какъ можно шире, чтобы не выдать своего молчанія, поглядываетъ то на папироску, то на ноты.

Кажется, вотъ остановятся и замѣтятъ.

А этого не хочется, вѣдь онъ можетъ пѣть, у него тоже есть голосъ, онъ знаетъ наизусть всю пьесу.

— Уходи,—долбить кто-то на ухо, и онъ пускается напряженно подыскивать какойнибудь предлогъ, чтобы выйти изъ залы.

И, пробормотавъ что-то ни къ селу—ни къ городу, онъ на цыпочкахъ выходитъ въ столовую,

Ему предложили чаю.

Молча, уткнувшись въ стаканъ, проливая, онъ пьетъ стаканъ за стаканомъ, потомъ, кроша и чав-

кая, долго и много ѣсть, хотя ѣсть совсѣмъ не хочется.

Онъ старается показать, что въ сущности ему все равно: поетъ онъ вотъ сейчасъ или не поетъ.

А изъ залы, дразня, выплываютъ звуки, и они такіе большіе и такъ много открываютъ и скрываютъ въ себѣ—звуки его любимой аріи.

И какъ бы онъ все это исполнилъ!—онъ бы вотъ такъ...!

О немъ забыли.

Кто былъ въ столовой, давно ужъ перешли въ залъ.

Онъ одинъ.

— Хорошо,—думаетъ,—это хорошо; они не замѣтили...—и, жмурясь, припоминаетъ, какъ иногда по дѣланной его улыбкѣ Варя догадывается, въ чемъ дѣло, и говоритъ: «Вамъ одному хочется пѣть?» и улыбается, а глаза жалбуютъ, какъ жалбуютъ слѣпыхъ щенятъ.

Да, онъ помнитъ всѣ вечера... и тѣ вечера, когда, неизвѣстно почему, его просили пѣть, но онъ упирался и все же начиналъ и на самомъ интересномъ мѣстѣ останавливался...

Почему онъ останавливался?

Да, онъ помнитъ всѣ вечера... и тѣ вечера, когда, какъ казалось ему, онъ былъ въ ударѣ, волновался, но приходили другіе, подпѣвали, заглушали или ни съ того, ни съ чего настаивали, чтобы пѣлъ кто-нибудь другой...

Почему другой?

Пѣніе расходилось, всѣ предметы вокругъ начинали звучать.

Онъ улыбался.

Стаканы, незамѣтно сомкнувшись, заплясали; хлѣбъ изъ-подъ носа юркнулъ подъ столъ.

Онъ приподнялся со стула и, мѣрно притоптывая каблукомъ, сталъ раскачиваться то въ одну, то въ другую сторону въ тактъ музыкъ, а губы вытянулись и подчмакивали и руки завертѣлись, запрыгали.

И запылало все въ немъ ярко—музыкой...

Пѣли стѣны, пѣло окно, пѣла ночь... весна, звѣзды.

Онъ хотѣлъ пѣть.

СЕРЕБРЯНЫЯ ЛОЖКИ.

СЕРЕБРЯНЫЯ ЛОЖКИ.

Третьяго дня Пѣвцова выпустили изъ тюрьмы. Обѣгалъ весь городъ, туркался по хозяйкамъ, — просилъ сдать комнату на сколько тамъ дней—вотъ только бы даждаться рѣшенія!

Ничего не выгорѣло. Уговорится, по рукамъ ударить, а какъ дойдетъ дѣло до паспорта, — крышка! — проваливай.

Гостинница—не домъ. Живо вытурятъ. А въ карманѣ мѣдь. На мѣди далеко не проѣдешь!

Ужъ эти мнѣ городишки, теплые да сытные съ кулебякой, когда благополучно все, и трусливые, такіе гадкіе, когда бѣда стряется. Съ голоду подохнешь на мостовой, подъ заборомъ, — палецъ объ палецъ никто не стукнетъ.

Рѣшился итти къ пріятелю. Куда ни шло, можетъ, и вспомнить, — дѣло на ладъ пойдетъ.

Пріятеля засталъ дома.

Сейчасъ же за самоваръ усѣлись.

Пѣвцовъ нашелъ большія перемѣны: сгорѣлъ домъ, новый успѣли выстроить, Николай Алексѣевичъ университетъ кончилъ, округлился, бабушка его занудилась.

Пили самоваръ за самоваромъ на открытой террасѣ, — терраса по чудному устроена: надъ крышей

площадка съ перилами,—пили со вкусомъ до седьмого пота.

Мутные столбы пыли беззастѣнчиво носились тамъ по городу, разстилались, заглядывали въ самыя непоказанныя мѣста; оттого и на зубахъ хрустѣло, и щекотало что то въ носу, мазалось, мѣшаясь съ потомъ.

Вытягивая длинно жилистую шею и лихорадочно перекидывая изъ стороны въ сторону тонущіе глубоко глаза, Пѣвцовъ выкладывалъ съ мельчайшими подробностями и повтореніями день за днемъ изъ своего времяпрепровожденія на «казенной дачѣ».

Продолжительное молчаніе прикусывало языкъ, и слова захрясали въ горлѣ, а самая суть прыгала гдѣ то передъ носомъ, поддразнивала и все увертывалась.

Николай Алексѣвичъ поминутно кивалъ своей огромной лысѣющей головой въ знакъ одобренія:

— Понимаю.

— А выпустили,—разсказывалъ Пѣвцовъ,—при такихъ обстоятельствахъ, уму не постижимо. Полковникъ, который дѣло велъ, чудодѣй былъ, страсть. Привезутъ, бывало, на допросъ, заставитъ свою дочь въ сосѣдней комнатѣ на рояли играть, а самъ допрашиваетъ. Или начнетъ разсказывать что нибудь, какъ наканунѣ въ театрѣ былъ, что видѣлъ. На чувствительныхъ мѣстахъ плакать примется. Поплачетъ, а потомъ подзоветъ дежурнаго, и опять тебя въ тюрьму. На этотъ разъ привезли меня съ самого утра. Чѣмъ-чѣмъ только не пичкалъ, и обѣдомъ и виномъ угощалъ, а какъ зачерѣло, и говоритъ: хотите,—говорить,—со мной въ лѣтній театръ итти?—Хочу,—говорю. Ну, и пошли. А какъ пришли въ театръ, на роду тьма.—Актъ посмотримъ, а тамъ въ тюрьму.—

сказалъ полковникъ и пошелъ къ своему мѣсту. И очутился я вдругъ одинъ среди тысячной толпы, совершенно одинъ. Стоялъ, какъ одурѣлый, хватался то за одно, то за другое, уйма плановъ возникла въ головѣ, ужъ не то что хотѣлъ бѣжать, куда!—давно, казалось, убѣжалъ и стою, вернулся опять, поймали или не такъ,—вотъ поймають. Упалъ занавѣсъ, заиграла музыка. Вышелъ полковникъ.—Пойдемте,—говорить,—прогуляемся немного, потомъ на выставку, пѣвчекъ послушаемъ, а тамъ въ тюрьму.— Гуляли. Народъ разступается. Смотрить. И вся толпа, будто одинъ глазъ, смотреть. Обошли весь театръ. На выставку. Тутъ я почувствовалъ, что всего меня тряссти начинаетъ, и ноги подкашивается. Пѣвочки поютъ. И сквозь туманъ и рѣзкіе голоса голосъ полковника.. тѣ же фразы, тѣ же слова, что утромъ на допросѣ. Пѣвочки поютъ. Вдругъ полковникъ схваиваетъ меня за руку.—Идите,—шепчетъ,—идите отсюда куда хотите. Я въ толпу. Вижу, подходит губернаторъ. Спрашиваетъ что то полковника, указываетъ въ мою сторону, полковникъ качаетъ головой. Но меня ужъ нѣтъ, И я куда-то иду. Поютъ пѣвочки. Кто-то говоритъ: ты—шпіонъ.

Пѣвцовъ задохнулся.

Спокойно и безучастно носилась пыль, теплая, запыляя широкій горизонтъ и желтыя поля и лѣсъ зеленый.

* * *

Все бы хорошо, живи, какъ у Христа за пазухой, одно горе—бабушка одолѣла.

Ни днемъ тебѣ, ни ночью нѣтъ отъ нея покоя.

Бурчить и такъ чешется.

Все не по ней: и почему жара стоитъ и дождикъ рѣдко падаетъ и почему мухи такъ жужжать и кусаются и почему поселился въ домъ чужой человѣкъ, неизвѣстный.

Встрѣтила она Пѣвцова подозрительнымъ глазомъ: какой онъ такой, можетъ, и фальшивыя бумажки поддѣлываетъ, путанникъ.

Сядутъ за столъ, бабушка охаетъ. Разговоръ одинъ—о пожарѣ: случился пожаръ годъ наазадъ, а до сихъ поръ мучаетъ бабушку.

— Господи, добра то добра погорѣло. Задуванило во флигели, услыхалъ Коленька, да ко мнѣ, а я дрыхну... Бабушка,—говоритъ—вставайте!—да въ охапку меня, какъ дите малое, и вынесъ. Сапожки то Коленькины, новешенькіе, изъ Питера привезъ, мундирчикъ и всѣ мои платишки, какія были, ровно языкомъ слизнуло.

Николай Алексѣевичъ сопитъ, уписываетъ.

Кончатъ обѣдъ, за чай примутся.

Тутъ держи ухо востро,—бабушка все замѣчаетъ.

— Расходы пошли огромные, обдерутъ они тебя, Коленька, пріятели то твои ненаглядные, какъ липку... Сахару вотъ тоже нынче много выходитъ стало.

И такъ до самаго вечера пилить.

И только когда отдыхать ложилась, наступалъ тихій часъ.

Пѣвцовъ выходилъ изъ дому, усаживался гдѣнибудь въ саду и ждалъ ночи.

И ночь подплывала свѣтлая, стрекоча, вздыхала по лѣтнему.

Туманъ подымался. Гулъ города догрохатывалъ свою послѣднюю сутолку.

Что то тихое незримо жило въ сѣни дремлющихъ листьевъ подъ созрѣвающими яблоками, словно это осень пробуждающаяся посылала ночи свои первые томные взоры и душистые.

И душа обращалась къ ночи.

Ночь свободная, въ звѣздахъ, въ странномъ сіяніи, она все приняла: и день съ его заботами, съ его работой, и вечеръ съ его хмелемъ и голодомъ, приняла и низвергнула туда къ землѣ, а сама стала вверхъ, манящая, въ звѣздахъ, въ странномъ сіяніи.

И вдругъ изъ ночи раздавался голосъ:

— Ты—шпіонъ.

— Нѣтъ, неправда.

Но цѣлый рой мыслей окружалъ сердце и жалилъ: опять выплывала «казенная дача», всѣ дни и всѣ ночи, всѣ допросы, всѣ уговариванія.

— А если однажды ты былъ ужъ готовъ...

— Нѣтъ, никогда.

— А если однажды ты подумалъ?

— Подумалъ... однажды...

— Ты шпіонъ.

Пѣвцовъ опускалъ глаза, робко подымался со скамейки и шелъ изъ сада, не оглядываясь, въ домъ.

Долго стучался.

Выходила бабушка заспанная въ широкой кофѣтѣ. Отпирала дверь.

— У! путанники, нѣтъ отъ васъ покою мнѣ.

Пѣвцовъ на цыпочкахъ входилъ въ комнату, стлалъ пальто и заваливался.

— Знать, за грѣхи мои послалъ мнѣ Господь наказаніе,—ворочалась бабушка.

* * *

Въ одинъ прекрасный день домъ перевернулся вверхъ дномъ.

Бабушка уѣхала.

То то житѣе пошло.

По вечерамъ гости,—сиди хоть до утра, никто тебѣ слова не скажетъ.

И сидѣли до утра, засыпали пьяные, гдѣ кто попало, вповалку.

Не пальто, а бабушкина мягкая перина часто въ ходу была для ночлега.

Водки выходило—не лѣзетъ, пей—вотъ какъ!

Всѣ яйца, запасенныя бабушкой на зиму, превратились въ одну скорлупу, и скорлупа не убиралась, а сваливалась въ уголъ.

Яблоки тоже поснимали и схряпали. Яблоки на закуску пошли.

Съ полудня начиналась жизнь. Дули чай, не обѣдали, а тамъ приходилъ кто нибудь, и пошла писать.

Пѣвцовъ обывкалъ.

Угарные дни задавили своимъ хмелемъ и тошнотой всякій непрошенный голосъ, и подымался въ душѣ смутный образъ какой то другой жизни, не этой, отъ которой голова трещить.

Только бы вышло рѣшеніе, а тамъ пойдетъ по другому.

И это другое казалось ужъ близкимъ.

Впрочемъ, не разъ все выворачивалось.

Слѣдствіе подходило къ концу. Допрашивались для округленія дѣла. И всякій разъ, когда кто нибудь отвѣчалъ уклончиво, полковникъ заявлялъ, что стоитъ ему призвать Пѣвцова, какъ вопросъ рѣшится немедленно:

— Пѣвцовъ скажетъ всю правду.

Рѣдко Пѣвцовъ выходилъ изъ дому, а когда выходилъ, рѣдко не случалось исторіи: то знакомый руки не подастъ, то перейдетъ на другую сторону, чтобы не встрѣтиться.

— Сколько вы получаете изъ полиціи?—спросилъ какъ то, одинъ изъ привлекаемыхъ по его дѣлу.

— Шесть рублей, — отвѣтилъ Пѣвцовъ, не задумавшись.

Эту сумму онъ будетъ получать, когда его сошлѣютъ. Почему сказалъ?—самъ не знаетъ. Развѣ про это спрашивали?

И это подлило масла въ огонь.

Пробовалъ кое съ кѣмъ объясняться, не помогло—еще хуже запутало, а оттого, что, рассказывая, путался и терялся. А надобенъ былъ прямой отвѣтъ.

И тогда, послѣ пьяной ночи, Пѣвцовъ не засыпалъ, а красными, прожигающими словами, неумолимо допрашивалъ самого себя. И, не находя вины, выдумывалъ вину, выскабливалъ ее изъ мелочей, изъ ничтожества и надѣвалъ себѣ на шею огромный камень—вину, которую человѣкъ не можетъ простить.

Это было бѣшенство поднявшагося грѣха, ненасытимое.

И лишь бѣлый день сшибалъ его съ ногъ и валилъ куда нибудь въ уголъ въ груды окурковъ, скорлупы и плевковъ на темный сонъ.

Отъ бабушки между тѣмъ получилось письмо. Писала она Коленкѣ, чтобы домъ берегъ, глядѣлъ за имуществомъ, а главное за серебромъ—покойнаго отца наслѣдство, да за пріятелемъ поглядывалъ бы, мало ли что бываетъ...

Хохотали.

Вскорѣ Николай Алексѣвичъ домъ заложилъ. Деньги понадобилась на свадьбу,—надумалъ жениться, да и ремонтъ подоспѣлъ.

Какъ то на разсвѣтѣ застучали молотками, и домъ наполнился сиплыми и ахающими звуками отдираемаго теса.

На стружкахъ среди душистыхъ опилокъ примостились пріатели: надо было все передумать и приготовиться къ свадьбѣ.

Толки о свадьбѣ заняли все время.

А для присмотра за домомъ наняли кухарку. Кухарка сошлась съ плотниками.

Пошелъ дымъ коромысломъ.

Такъ весь постъ хороводились. Только послѣ Успеньева дня Николай Алексѣвичъ уѣхалъ въ пригородное село вѣнчаться, Пѣвцова же не пустили, и онъ остался одинъ.

Оставаться одному въ домѣ не было никакой возможности. Такой кавардакъ воцарился, что постоянный дворъ.

Комнату нашелъ себѣ безъ всякаго затрудненія. Подѣйствовали толки.

Ужъ эти мнѣ городишки, запуганные и пришибленные, рады они всякой сволочи, лишь бы сохранить благополучіе; жуликъ ты, воръ, но изъ-за тебя

не посадятъ въ тюрьму, не отымутъ твоей рухляди, —и тебя всякій приметъ.

Что произошло, когда вернулась бабушка, одному Богу извѣстно. Хватится одного—нѣтъ, хватится другого—недохватка.

Вспомнила о серебрѣ, толкнулась въ чуланъ,—замка и помина нѣтъ.

— Онъ,—кричала бабушка,—каторжникъ, допрежь некому, ограбилъ онъ меня, безпутный, ограбилъ оканый... матернина то анисовка, цвѣтъ то какой былъ, все пожралъ!

* * *

На новой квартирѣ въ темной комнатѣ съ единственнымъ окномъ въ пристройку шли дни ровные, чуть видные, сѣрые, сѣрѣли и туманились промозглымъ туманомъ гніющей осени.

Нѣтъ, не наступала другая жизнь; словно выглянувъ, она захрысла гдѣ то и теперь, какъ запоздалая трава, бьется и топчется дождемъ и грязью.

Думалъ: вотъ придетъ рѣшеніе, сощлютъ въ другое мѣсто, а оказалось, такіа дѣла такъ просто не дѣлаются, ждать да пождать надо не мало времени.

Думалъ: оставшись одинъ, онъ возьмется за какую нибудь работу и уйдетъ съ головой. И тутъ обманулъ: такой работы не оказалось.

А то, чѣмъ жилъ до тюрьмы, та полоса, по которой шелъ, выскользнула изъ-подъ ногъ, затерялась, и слѣдъ простылъ.

Или надо было во что бы то не стало найти потерянный конецъ, захватить его, уцѣпиться и тянуть во всю безъ отдыха, безъ раздумья, безъ оглядки.

Или глухое молчаніе,—съ часу на часъ все глуше —расплющивающее всякое «да», всякое «нѣтъ.»

И Пѣвцовъ пригибался.

Ни туда, ни сюда.

Быть можетъ, и концовъ то никакихъ нѣтъ, а такъ, спортъ. Конецъ одинъ.

Онъ чувствовалъ его, но имени не зналъ. Кто назоветъ его?

Пѣвцовъ шелъ по скользкому досчатому тротуару подъ мелкимъ тончайшей пыли дождемъ.

Измокшіе, пріѣвшіеся глазу дома дряхлѣли.

Онъ шелъ и думалъ о жизни такой осенней, такой дождливой, которой живетъ улица, и онъ живетъ, о жизни, такой ненужной, невозможной, которую надо выравнять до дна, выдернуть съ корнемъ.

А въ замѣнъ этой лжи, взаимной травли, злорадства и просто спорта, ты знаешь другую, ты въ себѣ, въ своемъ сердцѣ назовешь ее? имя ее ты скажешь?

— Вотъ придетъ рѣшеніе, сошлютъ въ другое мѣсто, тамъ...

Пѣвцовъ вздрогнулъ.

Что то мокрое шлепнулось по его плечу.

Оглядывается: бабушка, бабушка тычетъ зонтикомъ:

— Подай мнѣ мое серебро, подай, безсовѣстный. Не оставлю я такъ, найду я на тебя сладъ, похитилъ ты мои ложки...

Бабушка кричала. Пѣвцовъ молча переминался.

Останавливались прохожіе, глазѣли, хихикали:

— Ложки укралъ!

* * *

Мелкій тончайшей пыли дождь сѣтился за окномъ, монотонно и скучно постукивалъ, и стерегъ и подсматривалъ.

Съ зажженной свѣчей рылся Пѣвцовъ въ своей рухляди, перетряхивалъ ее, заглядывалъ въ каждую дыру и складку—искалъ ложекъ.

Онъ отыщетъ ихъ, долженъ отыскать...

НОВЫИ ГОДЪ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Снѣжный былъ день.

Снѣжинки летѣли молча,—конца не видать. Пришелъ вечеръ, принесъ темноту, и въ темнотѣ безъ пути шелъ снѣгъ, засыпая дороги и крыши и городьбу.

Пришелъ Васильевъ вечеръ—новый годъ.

Было тепло. Такъ въ февральскую распутицу бываетъ тепло.

Въ запущенныхъ окнахъ горѣли огоньки. Тирикала гдѣ-то гармонья одноголосая.

На колокольномъ поверхъ жилья съ отяжкой звонили ко всенощной. Мѣшалъ вѣтеръ звонить, уносилъ звонъ въ поле да въ бѣлый лѣсъ.

Винную лавку заперли. Сидѣлецъ съ ключами пропалъ въ снѣгахъ: больше не проси—ни вотъ столько не дать.

У покачнувшейся убогой избы копошились два лохматыхъ взъерошенныхъ тѣла, а изъ распахнутой двери бѣлый валилъ паръ.

— Сволочь, паскуда!—гудѣлъ запекшійся мужской голосъ.

— Не пушу, говорятъ, не пушу! — съ воемъ въ отвѣтъ визжала баба.

— Оекла, будетъ, слышишь...

— У, окаянный, разорвала бы тебѣ харю твою поганую, стерва ты занавозная.

— Заткни глотку, Ёкла, слышь, не въ комнатахъ...

— Рвань ты коричневая, полосатая! Не допушу я срамоты на себѣ: пялить бы тебѣ пугалы свои дурачкія, нѣтъ... барыни! напакостить мнѣ на твоихъ барынь!

— Ну, не пойду, слышь, не пойду, — сдался было сапожникъ, да видно шило кольнуло куда, развернулся и ну колошматить: — лахудра ты, шлюха грачевская.

— Душатъ!!! чортъ!—взвизгнула баба—свинья рѣзанная и, уродливые закувыркались круглые Кириллы да Ёкла и молча давили другъ друга, крѣпко обнявшись,—не разберешь.

Не звонитъ колоколъ ко всенощной, замолчала гармонья одноголосая, тихо на улицѣ. Въ окнахъ огонекъ подергивается краснотой, сочасъ сквозь снѣги тихо на улицу. Не тявкаетъ Лайка—пушистая, дремлетъ подъ пушистый снѣгъ; не спятъ одни вострыя ушки да тоненькій носъ.

Налѣво пойдешь — много верстъ,—одинъ снѣгъ; направо пойдешь—много верстъ,—одинъ снѣгъ.

Кудринъ, закутанный въ огромную шубу, весь въ снѣгу надорванно-молча пробирался среди снѣга. Чуть еще померкалъ день, какъ вышелъ онъ изъ своей комнаты, обошелъ городъ десятки разъ, и теперь опять возвращался домой.

Васильевъ вечеръ—новый годъ или пустынность и глушь и безъ конца дорога пробудили въ немъ другіе годы, другой городъ.

Да и такъ никогда—развѣ онъ могъ?—никогда не забывалъ о нихъ.

Тамъ было не такъ: застроенность города, живыя, движущіяся улицы, фонари, экипажи — и ни одной птицы; тамъ было не такъ: суетня, сутолка и спѣшка на всѣхъ парахъ. А надъ всѣмъ одна мысль, и вся душа пронизана только этой одной мыслью. Подымалась она съ зарей—зари тамъ не видно, замирала съ зарей — зари тамъ не видно, и ночью будила и бунтовалась.

А имя ей—вольность.

Въ книжкахъ, въ театрѣ, даже въ оперѣ онъ искалъ воплощенія борьбы за нее. И если не находилъ, шелъ мимо.

Годъ за годомъ—сердце не улеглось, не остывала горячка.

Что только не приходило въ голову? — и все это тѣснилось и прыгало по струнѣ прямо въ ту безконечность: тамъ, не потухая, горѣло вѣчнымъ свѣтомъ это одно слово, этотъ единственный звукъ.

Не было буденъ, не было не нужныхъ, докучливыхъ минутъ. Шибко и гордо бились минуты, часъ за часомъ, годъ за годомъ.

И та, которую онъ встрѣтилъ, представлялась ему его вѣчной спутницей до послѣдней минуты тамъ... Такъ ужъ пошло: въ той безконечности, гдѣ горитъ единственный звукъ—это одно слово, стоитъ столбъ, на столбѣ перекладина.

Эхъ, если бы тогда... какое счастье, вѣруя, умереть!

А кончилось ничѣмъ. Попалъ сюда. И ничего не сдѣлано. Вотъ и все!

И опять вспомнилась она такой, какъ ее встрѣтилъ: эти глаза, въ которыхъ читаешь обреченность и горятъ огоньки необузданной страсти и смѣха...

Да... они шли съ «Ревизора», — Кудринъ вобралъ въ себя воздухъ, а съ воздухомъ и всю память о ней,—шли вмѣстѣ, и ему стало вдругъ ясно, что онъ всю свою жизнь только и искалъ ее, только и думалъ о ней и говорилъ свои слова такъ, будто она ихъ слышала. Ему показалось тогда, что и она въ тотъ мигъ то же подумала. И они молчали. Можетъ быть, ему только показалось тогда...

И клялись на всю жизнь: они пойдутъ вмѣстѣ, они умрутъ вмѣстѣ... никогда не забудутъ, не оставлять другъ друга.

— Она и умретъ.

— Да... но...

Кудринъ схватился за карманъ: въ карманѣ на дышкѣ въ истрепанномъ синемъ конвертѣ хранились нѣсколько писемъ; три года назадъ, въ первый годъ своей ссылки, онъ получилъ отъ нея эти письма...

— То-то, забыла,—протянулся изъ глубины сердца нехорошій голосъ.

— Забыла,—беззвучно сказалъ Кудринъ и передернулся.

Въ кулачекъ сморщилось тѣло.

И одиноко у него и холодно на душѣ. И забился бы въ снѣгъ и плакалъ бы... И странно ему: онъ когда то ужъ все это пережилъ. Да, гулялъ съ нянькой, отсталъ и заблудился. А потомъ хватились... Нѣтъ, не все такъ: на немъ теперь огромная неуклюжая шуба и позвать некого.

— Ай—ай—ай, какой ты!—смѣхомъ протягивается изъ глуби сердца нехорошій голосъ,—какой ты—смѣшной!

Но ему ужъ нѣтъ дѣла, какой онъ: смѣшной или не смѣшной, ему все равно; и если бы сію минуту міръ провалился или... пускай міръ въ таръ-тарары летитъ—пускай!—ему ничего не надо.

— Ай—ай—ай, какія глупости! — смѣется нехорошій голосъ, и Кудринъ начинаетъ смѣяться этимъ мелкимъ, не своимъ, захватывающимъ духъ смѣхомъ.

— Свобода!—заливается нехорошій голосъ,—какая свобода!—и, трывнувъ, острой слезинкой шпыняетъ сердце.

А онъ стоитъ на дорогѣ — весь не больше горошины, тоньше соломинки, а шуба на немъ гора-горой.

Безпомощно глядитъ вокругъ, а позвать некого.

* * *

Домикъ, въ которомъ жилъ Кудринъ, стоялъ особнякомъ прямо полъ вѣтромъ на берегу. Дурная о домикѣ ходила слава; и красныя занавѣски въ окнахъ хозяйкиной половины настраивали на игривый ладъ. Впрочемъ, какъ водится, всякій считалъ нужнымъ плюнуть и выругаться, а шопотомъ сказать что-нибудь такое, отъ чего слюньки текли. Такой ужъ подлець человѣкъ, большаго съ него и не спросится.

Зимой жутко: безъ огня вечеромъ зря не шатайся,—то въ баню волкъ затѣшется, а то и еще какой грѣхъ—и укокошатъ спяну и надругаются,—за этимъ въ карманъ не полѣзешь.

А вѣтеръ свиститъ, обсвистываетъ домикъ, выворачиваетъ съ рѣки бѣлыя широкія полосы—лыжи, подымаетъ ихъ столбомъ на страшную высь и, закаливъ тамъ въ поднебесномъ холодѣ, пускаетъ гребнемъ на землю. И чешетъ бѣлую землю, расчесываетъ ледяными зубьями до черной плѣши, ажъ паръ валитъ. А солнце, такое красное, когда на масленицу впервые оно выкатывается изъ тьмы дымовъ, словно изъ жаркой бани,—такое красное. И нѣмо стынетъ до за полдня разверзшейся пастью.

Изъ домика все видно, не надо и на волю выходить.

А вотъ весной пройдетъ ледъ, встанетъ лѣсъ, зацвѣтетъ берегъ, заалѣетъ островъ... не насмотришься. Мѣдная ночь. Она все обнажитъ, прогонитъ всякую тѣнь, и, Богъ знаетъ, кто только не скажется.. Цѣлыя жизни выходятъ изъ лѣса, подымаются съ полей, цѣлыя жизни плывутъ изъ рѣки, катятъ съ горъ и забредаютъ сюда и пляшутъ у домика. Она перевертываетъ міръ вверхъ тормашками, мѣдная ночь.

А тамъ за знойнымъ лѣтомъ осень.

Осень,—когда золотой листъ летитъ, не держится на деревѣ и не найдешь въ лѣсу ягоды,—одна ягода да и та горькая—рябина. Изъ полей перебираются змѣи въ лѣсъ, уходятъ въ землю. Тѣшится Лѣшій послѣдніе дни надъ соломой, смѣется; и ему чередъ провалиться сквозь землю и до весны ужъ не выскочить.

Пролетятъ гуси. Вонъ журавли.

Колесомъ дорога! колесомъ дорога! — закричатъ ребятишки.

Ну, кричи не кричи, — не услышатъ, не остановятся; они не остановятся—зимы не задержатъ.

Осень.

Ночь обтыкалась чистыми звѣздами. Постелился Бѣлый путь. Занялись Дѣвичьи зори—три сестры—недоступныя, три сестры—проклятыя, весь вѣкъ имъ горѣть зарей.

Вѣтеръ—баюнъ трясеть вѣтвями—убаюкиваетъ.

Въ домикъ свѣтъ зажигай!

И красныя надуваются занавѣски въ покосившихся окнахъ.

*

Дверь отворилъ наборщикъ Козель.

Кудринъ сконфузился.

Поскорѣ протеръ очки. Сказалъ:

— Тамъ такое творится, всѣ глаза залѣпило, даже до... слезъ.

— А я давно поджидаю васъ,—подмигивая единственнымъ глазомъ, юркій и вертлявый, сѣменилъ Козель въ валенкахъ, — жду, а самъ себѣ думаю: и куда это могло занести васъ въ такую скверную пору. Почта пришла, перечиталъ всѣ газеты, мнѣ, какъ сами знаете, Александръ Ивановичъ...

Поставили самоваръ. Приготовили все, что нужно, къ вечеру.

Кудринъ сѣлъ къ столу за газеты.

Козель, не умолкая, тараторилъ.

Козла не любили. Цѣлыми днями слоняясь изъ дома въ домъ, каждый разъ заводилъ онъ одно и тоже, рассказывалъ вѣчно одну исторію: и о своей тюремной жизни, и о томъ, какъ болятъ у него глаза, и что подѣлываютъ остальные. Работы у Козла не было, подходящаго къ его ремеслу ничего не могло

найтись—одна слава, что городъ, а любое село просторнѣе! Никакихъ книгъ и газетъ не издывалась, и рѣчи объ этомъ не могло быть.

Но Козель не могъ примириться. Не пропуская ни одной газеты, онъ вѣчно критиковалъ ихъ, разбирая по косточкамъ всѣ тонкости печатнаго дѣла. И было такъ, будто завтра же онъ начнетъ свое дѣло на удивленіе не только этой норѣ дьявольской, но и всему честному міру.

Жилъ онъ не одинъ, а съ женой. Жена его—портниха, какъ ни какъ, а безъ работы не сидѣла. Ну, а ему что дѣлать? Дома болтаются, только мѣшать, вотъ и, знай, шатается.

— Я вамъ скажу, Александръ Ивановичъ, по истинной правдѣ, всѣ они, съ позволенія сказать, свиньи. И чѣмъ они заняты? Имъ бы только пьянствовать. Кириллъ съ женой чѣмъ свѣтъ за драку принимаетъ. Иванъ шашни завелъ со здѣшной... Давиться хотѣлъ. Къ женѣ помогать дѣвочка ходитъ, такъ рассказывала — сама видѣла. Подумайте, пошелъ въ сарай, отстегнулъ тамъ себѣ помочи, да на помочахъ... Хорошо еще, во-время захватили. Тоже и компанію водятъ! Нечего сказать, хорошая компанія! И я, какъ старшій, я не могу сказать этого? Больно видѣть, Александръ Ивановичъ, я въ тюрьмѣ двадцать два мѣсяца высидѣлъ, глаза лишился...

Правда, другія находились въ лучшихъ условіяхъ. Слесаря, сапожники, они скорѣе могли найти себѣ заработокъ. Но то, что выпадало на ихъ долю, было настолько мелко—притронуться пропадала охота. Все это какія-нибудь починки, которыя подъ стать развѣ мальчишкѣ, но никакъ не мастеру. И часто сидѣли, сложа

руки. А сидѣть, сложа руки, невозможно. Ну, и бывалъ грѣхъ. Козель принималъ это къ сердцу, раздражала его еще и та непочтительность, съ которой относились къ нему.

— А интеллигенты! — перекосялся Козель, — Бирюковъ знать никого не хочетъ, его и дома никогда не застанешь, все въ лѣсу, а вонъ Дальская... да нешто можно такъ: я, какъ рабочій человѣкъ, и потому, значитъ — толпа. Да какая же я толпа, сами посудите?! — и Козель пѣтушкомъ прошелся съ одного конца комнаты на другой и обратно, — а разъ я — толпа, значитъ, все: и дуракъ, и негодяй и скотина... Женѣ тоже за кофточку второй мѣсяцъ не платить.

Кудринъ бросилъ газету, уставился на Козла.

Ему хочется сказать, что все это неправда, что это просто нехорошая сплетня, и онъ стучитъ спичкой о коробочку, говорить глухо:

— А не скоро еще намъ отсюда...

— Миѣ, какъ агитатору, — жеманится Козель, — сами знаете...

Закипѣлъ самоваръ.

Козель рассказываетъ газетныя новости, которые только что прочиталъ Кудринъ, и долдонить безъ конца.

Понемногу подходятъ другіе.

* * *

Кудринъ собирался чѣмъ нибудь занять этотъ вечеръ, выдѣлить его изъ другихъ вечеровъ, такихъ однообразныхъ съ пересудами и переругиваніями.

Онъ прочтетъ имъ, онъ напомнитъ о ихъ прошлой жизни, вызоветъ ихъ лучшія воспоминанія, введетъ въ тотъ міръ, гдѣ они раньше жили, и разбудитъ ту душу, которая ихъ двигала.

Развѣ они не были правы? Развѣ ихъ бунтъ не сама правда? Они хотѣли жить лучше. Кто же не хочетъ жить лучше? Они вѣрили, добьются своего, побѣдятъ старый міръ. А на его мѣсто воздвигнутъ новый. И будетъ на землѣ—рай.

А, можетъ быть, въ этой борьбѣ за лучшую жизнь таится глухой бунтъ противъ того страшнаго закона, которымъ разъ навсегда положено человѣку здѣсь лишь мечтать, но никогда не увидѣть этого рая.

Почему я долженъ только мечтать?

А если я его и не хочу совсѣмъ, или хочу вотъ чтобы сейчасъ, а послѣ тамъ, когда то... да плевать мнѣ на все.

А они глубоко вѣрили! Не отъ одного же отчаянія обрекли себя на голодъ и тюрьму и смерть. Они не боясь ее, отдавались ей: пусть ихъ тѣлами она задушитъ этотъ міръ и сама задохнется, а изъ ихъ крови встанетъ новый—и безсмертный.

Кудринъ читалъ.

Книга мало подходила къ его мыслямъ. Но ему казалось, именно этими словами онъ и передастъ всю свою душу.

Почему я долженъ пресмыкаться, а въ награду за мое рабство только мечтать?

Кто положилъ законъ? Зачѣмъ положенъ законъ? И развѣ нѣтъ силы снести съ земли эту твердыню и разсѣять ее навсегда?

И если все это такъ, гдѣ же вольность? гдѣ искать ее?

Нѣтъ,—человѣческой жертвой, человѣческой мукой земля возьметъ свою свободу.

Кудринъ слышалъ свой голосъ, но этотъ голосъ былъ не его, а чей то повелительный и грозный,—ея.

И онъ не можетъ не повиноваться ей.

Онъ поползетъ на колѣняхъ и будетъ собирать прахъ отъ ея ногъ и будетъ просить ее, не смѣя сказать, просить этими глазами, и пусть она ударитъ его по глазамъ, пусть она еще и еще ударитъ его, только бы позволила итти за ней.

— Да, человѣческой жертвой, человѣческой мукой вы возьмете рай и не въ мечтѣ только, а здѣсь!

— Былъ у насъ одинъ сапожникъ Флотовъ,—на сколько могъ тихо сказалъ сапожникъ Иванъ Козлу,—колбасу любилъ до страсти. Такъ онъ, ты мнѣ повѣрь, тоже говорить разъ, будто рай дѣйствительно будетъ и самый настоящий въ родѣ какой-то огромной повсемѣстной колбасной: и ѣшь и нюхай, сколько влѣзетъ.

— Въ колбасныхъ ловко пахнетъ!—обрывисто замѣтилъ Козель и, отвернувшись отъ Ивана, закрылъ свой единственный глазъ.

Кудринъ продолжалъ.

Онъ уже ничего не понималъ, сами собой выговаривались строчки, сами собой выкрикивались фразы.

— А еще былъ у насъ такой Лаврунь,—шепталъ Иванъ,—хоть что хочешь, сдѣлать можетъ. Вотъ мы и поспорили разъ, а онъ и говоритъ: хотите, говорить, я сейчасъ нагишемъ въ муравейникъ сяду и, не пикнувъ, высижу четверть часа. Анъ, говоримъ,

не сядешь! Антъ, говоритъ, сяду! Лѣсъ, какъ тутъ, неподалеку. Вотъ и отправились. Нашли кочку. Спустилъ онъ съ себя штаны да, не говоря худого слова, и плюхнулся. Такъ они его, повѣрь мнѣ, какъ есть выѣли, самъ я осматривалъ. А ему хоть бы что, одѣлся да и домой. Только послѣ все почесывался.

— Конечно,—отозвался шорникъ Лупинъ,—муравей не бумажка...

— Ха-ха! — кто то не удержишисъ громко захохоталъ.

Кудринъ читалъ.

И не видѣлъ ничего вокругъ себя, не замѣчалъ, что творилось въ комнатѣ,—онъ видѣлъ ее, она одна стояла передъ нимъ такая, какъ ее встрѣтилъ...

Комната, между тѣмъ, набивалась публикой.

Это съ хозяйской половины завсегдаые гости. Дверь не была заперта: какой то одинъ зашелъ полюбопытствовать, а за нимъ другой, а за нимъ и третій. Сначала скромно и тихо. Но потомъ отъ тѣсноты ли, либо оттого, что нѣкоторые были не въ себѣ и хотъ кричать не кричали, чтенія вовсе не было слышно.

Комната дымилась: по полкамъ и потолку лѣзъ табачный дымъ и медленно спускался на полъ грудой окурковъ.

Свободнаго мѣстечка не было.

Чьи то руки, будто отдѣленные отъ туловища, висѣли въ увязающемъ воздухѣ, сливались другъ съ дружкой и разлипались, и какая то нога, лебезя, все ходила кругомъ, да подковыривала.

И вотъ чей то палецъ кривымъ толстымъ ногтемъ принялся водить по книгѣ.

— Скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ?

Но Кудринъ все еще бормоталъ что то, отгоняя назойливый палецъ, какъ муху.

— Скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ?—и что то шаршавое погладило его руку.

Книга упала подъ столъ.

— Я васъ гдѣ то встрѣчалъ, — тянулъ тотъ же спотыкающійся голосъ.

— Вы г-нъ Кудринъ, позвольте съ вами познакомиться, я—Пундикъ!

Кудринъ оторопѣлъ.

— Я ничего не понимаю,—сказалъ онъ Пундику.

— А я все понимаю, я — паспортистъ, и все это орунда.

— Вотъ, вотъ видите,—загородилъ Пундика Козель, —вотъ она...

И отливаясь, долбили крики и разговоры.

— Вы, какъ хозяинъ,—тянулъ спотыкающійся голосъ,—эту ночь веселѣй... проведемъ.

— Это чортъ знаетъ! — слесарь Гавриловъ, обозленный, поднялъ кулакъ.

— Ура!—заорала комната,—ура!

— Дура-дура!—пересѣкались крики.

Должно быть, пробило полночь. Хлопало, пузырило, чокалось.

Нѣсколько рукъ потянули Кудрина.

Полонъ столъ былъ въ бутылкахъ. Наташили гости.

— Обязательно — какъ хозяинъ — съ новымъ годомъ,—тыкали Кудрина.

— Александръ Ивановичъ, а Александръ Ивановичъ,—подчивалъ сапожникъ Кириллъ, — а это мое

пріобрѣтеніе, Ѳекла принесла, самъ коптилъ, самъ солилъ.

— Яичка-съ, яичка-съ,—латошилъ какой-то скользкій.

Кудринъ не сопротивлялся.

— А колбасики, Александръ Ивановичъ, а Александръ Ивановичъ, самъ коптилъ, самъ солилъ.

Въ глазахъ зеленѣло, подкашивались ноги. Отшибало память.

— Можетъ, намъ продолжать чтеніе? — спросилъ растерянно Кудринъ.

— Чортъ съ ними, лучше уйти, — сказалъ Гавриловъ.

— Въ сарай?—захохоталъ Лупинъ.

— «Во пиру была, во бесѣдушкѣ...» — завизжалъ вдругъ пьяный старушечій голосъ.

Разступились.

Посередь комнаты не ходила, а сигала хозяйка-старуха, размахивая сулеей во всѣ стороны.

И шла прямо на Кудрина, зацѣпила его незанятой костлявой рукой. Проливая водку, полѣзла цѣловаться.

Кудринъ не сопротивлялся и, какъ ни противно, поцѣловалъ пьяную старуху. Но старухѣ мало было, она хотѣла еще, еще разъ,—и липкій, беззубый ея ротъ тыкался въ его губы, старался прикусить и подержаться, а лягушачій ошпаренный языкъ норовилъ послаще всунуться...

Хохотъ перебивалъ всѣ крики.

— Ай-да бабушка!

— Да она любую за поясъ заткнетъ, ха-ха-ха!

— Ху-ху-ху!

— Саня, Саня,—куёвдилась старуха,—ухъ, хвостомъ пройдуся, сверлитъ, тѣло прыгаетъ, ухъ! да—а, во пиру была...

— Александръ Ивановичъ, а Александръ Ивановичъ,—жужжалъ на ухо сапожникъ,—самъ коптилъ, самъ солилъ... варененькой... копчененькой.

— Я васъ обидѣлъ, раз-дра-жилъ!—хваталъ за руку телеграфистъ,—я, можно сказать... мы пришли безъ позволенія... чтеніе послушать... какъ какія нибудь свиньи-нахалы и тому подобно.

— Ну что-жъ, что старуха,—я зналъ одну.

— Дохлая кобыла.

— Нѣтъ, не дохлая.

— 300 рухи —

— Ну и чортъ съ тобой!

— Я стыда не знаю,—кричить осипшій голосъ,—кой стати Богу молиться, я—старуха?!—и, пожимая плечемъ, хозяйка снова зацѣпила Кудрина и молодечки, будто въ двадцать лѣтъ, чижиномъ закружилась съ нимъ.

Онъ выдѣлываетъ невѣроятные прыжки, подпрыгиваетъ мячикомъ и одного хочетъ: удержаться и не упасть.

А можетъ быть, онъ просто мячикъ, а все остальное—недоразумѣніе? Очки запотѣли, ничего не разбираетъ. Только одинъ ротъ ошпаренный, сжимающійся, какъ резинка, летаетъ въ глазахъ.

— Али скачетъ, али пляшетъ, али прыгаетъ,—причитаетъ старуха, приговариваетъ,—ухъ сейчасъ, ухъ пойду, пойдемъ Саня въ баню—въ баню.

И не вынесла нога: со всего размаха грохнулась

старуха, а за ней и Кудринъ. И сулея кокнулась: брызнувъ, полилась водка по полу.

— Я васъ обидѣлъ, можно сказать, безобразный трупъ ужасный, я раз-дра-жилъ?

Нѣсколько человѣкъ бросились на хозяйку. Откуда то появилась веревка. Стали веревкой скручивать.

— Сволочь, цѣлую бутылку, эка сволочь!

— Охо-хо — подлецъ — перепелястый чортъ — хо-хо,—стонала старуха.

Кудринъ брыкнулъ кого-то каблукомъ и под-нялся.

Очковъ на немъ не было.

Накинувъ плащъ,
Съ гитарой подъ полою...

И одинъ какой-то голосъ взялъ въ разрѣзъ всѣмъ голосамъ: и стало мутно и душно.

Затиририкала гармонья.

Старуха, со связанными ногами, ползла на цѣп-кихъ рукахъ и плакала.

Ударились въ плясъ.

Ноги и руки бултыхались, егозя подъ самымъ потолкомъ.

Съ Козла сташили куртку и штаны. И въ однѣхъ валенкахъ, скрестивъ руки, сѣменилъ онъ отъ печки до полки, залихватски заводя ногу за ногу, какъ за-правскій танцоръ.

Было такъ, будто плясала одна валенка съ черной бородой, объ одномъ глазѣ.

Глазъ подмигивалъ.

А передъ Козломъ не плыла, а скакала Оекла, подбирая высоко юбку, и такъ скалила зубы, будто

кусать сейчасъ кинется. Шерстяныя вязаныя паглинки на толстыхъ ногахъ заполняли комнату; и непреодолимо тянуло поймать ногу и ущипнуть.

Въ кучкѣ, у полки съ книгами, размѣстившись поудобнѣе, тишкомъ кусали кому-то пупокъ для отрезвленія. Кто-то сапѣлъ и захлебывался.

Кудрина тащили къ столу выпить.

— Вы, можно сказать, какъ хозяинъ...

— Я все понимаю,—я паспортистъ...

— Самъ коптилъ, самъ солилъ...

Онъ вѣдь привыкъ съ проститутками шлаться

Пылкія ласки отъ нихъ получать.

Онъ вѣдь не сдѣлаетъ пылкія ласки...

— Хочешь, я тебѣ всю рожу раскрою?

— Ну-ка—э-э!

Среди каши, топотни и визга какой-то длинный съ рыжей бородой навалился грудью на гармонью, и гармонья хряснула.

А слесарь Гавриловъ, развернувшись, сталъ бить рызаго по головѣ и по лицу. И слышалъ Кудринъ, тоненько заревѣлъ рыжій, словно ребенокъ, тоненькимъ голоскомъ, жалобно.

Тоненькій голосокъ проникъ всю комнату.

Паспортистъ Пундикъ, проливая рюмку, жаловался, что онъ все понимаетъ и нѣтъ для него ничего непонятнаго.

— И все ерунда.

Какая-то дѣвица, съ растегнутымъ лифомъ, удара кулакомъ по столу, растроганно объясняла полицейскому писарю, что жить ей тутъ невозможно и что она уѣдетъ въ Австралію.

— И пушусь я въ путь, прямо—въ Австралію.

Кириллъ и Ѳекла, морща носы, упрекали другъ друга.

И еще какія-то тѣла на кровати, ни на что не похожія, не то смѣялись, не то рыдали.

Кудрину вдругъ захотѣлось взять перечницу и поперчить каждаго. Но перечницы, какъ ни шарилъ, не могъ найти.

— Я васъ обидѣлъ, я раз-дра-жилъ?—тянулъ телеграфистъ.

— Сволочь, цѣлую бутылку, эка сволочь!

Пусть онъ поищетъ волосъ умиленья,
Пусть онъ поищетъ румянѣй лицо...

*
* * *

Знать, надоѣла гостямъ комната. Гонить хмель на улицу. На улицѣ метель мететь, оснѣжаетъ окна, птицей заглядываетъ въ трубы, обваливаетъ кирпичи.

Въ комнатѣ темь.

Но пропадаетъ всякая надежда успокоиться.

За стѣной пищитъ гармонья одноголосая, тяжелый каблукъ дробно выбиваетъ по полу. Дверь открывается: кто-то, шарахаясь, бродитъ по комнатѣ, сбиваетъ со стола бутылки, натывается на стулья и тычетъ въ Кудрина пальцами.

Все горитъ: и подушка, и кровать и воздухъ.

Хоть бы каплю холодной воды, одинъ глотокъ...

— Попить!—просится Кудринъ, какъ малое дитѣ, и вдругъ холодъ сковываетъ все его тѣло, и душа уходитъ въ пятки...

У него пять ногъ, онъ ихъ ясно почувствовалъ... И онѣмѣвшей рукой пересчитываетъ; не можетъ понять, откуда ихъ столько? и онѣмѣвшей рукой пересчитываетъ.

— Что-что-что?—точить нехорошій голосъ, точить, стучить маленькимъ краснымъ язычкомъ прямо подъ сердцемъ.

— Попить!—просится Кудринъ, какъ малое дитѣ.

— Свинья!—отрыгнулось подъ кроватью чье-то мертвое тѣло и, широко зѣвнувъ, захрапѣло, поскрипывая зубами.

А онъ ужъ не можетъ ни слова выговорить, онъ забылъ слова, онъ никогда ихъ не зналъ...

— Агу! Агу!

И лежитъ пластомъ и водить руками, ощупывается, пересчитываетъ свои цѣлыхъ пять ногъ.

— Агу! Агу!

А позвать некого.

За стѣной пищать гармонья одноголосая.

Звонять въ церкви къ ранней обѣднѣ; далеко въ поле относить колоколъ.

По хлѣвамъ скотъ договариваетъ свой ночной разговоръ по человѣчъему, какъ всегда подъ новый годъ.

Пробуждается бѣлый свѣтъ метельный, какъ метельной прошла ночь, встаетъ новогодній день и торопится, чтобы прибавиться на куричій шагъ.

Востроухая Лайка, проспавшись, лаетъ на вѣтеръ.

III.

К Р Ъ П О С Т Ъ.

К Р Ъ П О С Т Ь.

Подъ воротами двуглазой облупленной башни съ золотымъ кованнымъ ключемъ на стальномъ шпицѣ толкалась кучка сухопарыхъ бабъ съ поджатыми злющими губами.

Забрались бабы въ крѣпость спозаранку, выстояли обѣдню въ крѣпостной церкви, истово приложились къ иконамъ и отправились ходить по тюрьмамъ, будто по пещерамъ.

Разъ десять побывали онѣ и въ каменной старой и въ новой кирпичной, разъ десять заглянули въ каждую камеру, все перетрогали, про все распросили. Пора бы бабамъ домой уходить, обѣдать, а бабы не уходили, наступали на жандарма,—этотъ жандармъ водилъ ихъ по тюрьмамъ, терпѣливо показывалъ всякую мелочь.

— И не пойдемъ—хорохорилась самая старая,— ты намъ главнаго не показалъ.

— Ей Богу, все показалъ!—божился жандармъ.

— Все, да не все, а еще божится! ты темную показалъ? висѣлицу показалъ? мельницу ты показалъ-а?!

— Какую еще мельницу!

— Такую, нечего дурака-то валять, извѣстно, мельница,—людей мололи.

Жандармъ обидѣлся:

— Грѣхъ тебѣ, тетка, болтать зря.

— Грѣхъ въ орѣхъ, а зерно въ ротъ, не тебѣ меня учить, толстомордый.

— Ну проваливай, проваливай! — вступился часовой.

— Какъ бы не такъ, ты напередъ покажи, а потомъ и лайся, клыкъ!

Жандармъ на минуту вспыхнулъ, потомъ вдругъ ощерился.

— Покажи да покажи,—сказалъ онъ, постукивая сапогъ о сапогъ,—да что я тебѣ въ самомъ дѣлѣ покажу, хрѣнъ, что ли, съ масломъ?

— Тьфу, окаянный!—заплевались бабы.

— Хе, хе, хе,—подхватили другіе жандармы; околечивались жандармы безъ дѣла у часовой будки; было воскресенье.

Ничего не сказали бабы, поплевали молча на жандарма, поплевали трижды таинственно, какъ на что то нечистое, отчего отплеваться надо, чтобы не пристало ни къ слѣду, ни къ глазу,—и молча, еще злѣе пожимая сухія губы, пошли себѣ къ берегу.

Темныя, закутанныя въ теплыхъ платкахъ, хороня въ узелкахъ взятое на счастье покинутое тюремное добро,—сушеные цвѣточки, обрывки исписанной бумаги, камешки,—уносили онѣ на волю каплю глазъ, каплю мысли, каплю сердца и каплю души заключенныхъ когда то въ этой крѣпости.

Сгорбленный мужиченка, вынырнувшій откуда то изъ подъ снѣга, принялъ бабъ въ лодку.

Закачалась лодка, покатила.

— Окаянный—окаянный!—ударялъ вѣтеръ подъ

воротами двуглазой облупленной башни съ золотымъ кованнымъ ключемъ на стальномъ шпичѣ.

Бжали бабы по черной полыньѣ на ту сторону, грозили костлявыми пальцами, засыпались снѣгомъ.

Не показалъ имъ жандармъ главнаго. Про что онѣ теперь расскажутъ на другой сторонѣ?

Видѣли онѣ ванну, видѣли электрическія лампочки, мастерскую, человѣческій скелетъ, но главнаго...

— Окаянный—окаянный,—лизали волны крѣпостной валъ, выли, взъерошенныя вѣтромъ и вольными веслами.

По черному бѣлая увѣренно плыла — уплывала лодка.

— Охъ, ужъ эти бабы, пристанутъ, какъ банный листъ, ни по чемъ не отвяжешься, — ворчалъ жандармъ, поколачивая сапогъ о сапогъ.

* * *

Шель снѣгъ.

Бѣлый бѣлыми пушинками порошилъ дорожку вокругъ крѣпости, порошилъ золотой кованный ключъ, надворотный двуглавый орелъ, темныя окна — глаза.

И похрустывалъ.

Межъ двухъ отдаленныхъ глухихъ башенъ, обращенныхъ къ озеру, отъ Королевской до Часовой и отъ Часовой до Корелевской шагаль, какъ на часахъ, запорошенный гость.

И похрустывалъ.

Съ утра весь день онъ ходилъ по тюрьмамъ въ хвостѣ бабъ и, какъ бабы, все трогалъ и спрашивалъ и, какъ бабы, заглядывалъ въ каждую пустую камеру.

А теперь тутъ одинъ подъ стѣной,—надъ нимъ бѣлое небо и вѣтеръ и снѣгъ.

Волосы подымались отъ ужаса, и всѣ мысли до единой ломались, какъ соломенки, кололи мозгъ, и сердце наливалось кровью, готовое лопнуть.

Каждый мигъ охватывали душу все новые и новые пожары, сжигали все, чѣмъ жилъ человѣкъ: его утро, его вечеръ и его ночь.

Пушай вѣтеръ подкосить его и ударить головой объ стѣну и засыплетъ безслѣдно этимъ бѣлымъ снѣгомъ.

У него нѣтъ больше дома и нѣтъ крова.

И не надо ни дома, ни крова.

Тянулась отъ сердца бѣлоснѣжная дорога безъ конца, безнадежная, и другой дороги не было.

Вотъ уйдетъ бѣлая студеная зима, повеселѣютъ луга и поля, зацвѣтетъ каждый холмикъ, каждый бугорокъ, и подыметъ надъ землей огромное солнце, согрѣетъ теплыми лучами, вспыснетъ дождемъ мертвое и заснувшее.

Мертвое и заснувшее пробудится живымъ подъ солнцемъ.

Не надо этого солнца и этихъ луговъ и этого поля,—каждый цвѣтокъ напоенъ кровью, каждая пядь не дождемъ смочена,—кровью.

Зачѣмъ солнце, зачѣмъ цвѣты?

Голова кругомъ пошла.

И стелились дни, день за днемъ. Будто не годъ и не два и не двадцать лѣтъ, а вѣчность, какъ стала земля и живъ человѣкъ,—и эта крѣпость стояла, и схороненные въ ней подъ замкомъ люди жили, и не знали дня,—придетъ ли день, когда раскроются двери.

Подъ замкомъ люди жили, запертые въ блестящіе ящики, какъ въ гробъ, навсегда.

Бунтовалось сердце.

И били ихъ, вязали по рукамъ и ногамъ, волокомъ волокли по винтовой желѣзной лѣстницѣ сверху внизъ и по асфальту на дворъ и дальше по двору до воротъ, гдѣ принималъ ихъ каменный застѣнокъ и поглощала сырая черная дыра навсегда.

Бунтовалось сердце.

И не разъ тѣ, кому приказано было караулъ держать, слѣдили и подслушивали ихъ послѣдній сонъ и видѣли предсмертный часъ, наряжали передъ казнью и видѣли, какъ минуту назадъ живой непреклонный и смѣлый висѣлъ подъ бѣлымъ саваномъ высоко надъ землей, и не разъ смотрѣли они въ закатившіеся отъ мукъ глаза, и сколачивали ящикъ-гробъ, рыли яму вонъ тамъ, закрывали вонъ тамъ...

Никогда никто не прочиталъ надъ ними молитву.

Никогда никто не закрылъ имъ мертвые глаза.

Никогда никто не отдалъ имъ послѣдняго цѣлованія.

На минуту остановился незнакомецъ, каменный другъ, какъ стѣна, и твердый, какъ башня. И душа возмутилась.

Онъ пойдетъ, онъ отмститъ за эти гроба, за эти висѣлицы, за хулу на жизнь,—жизнь смяли, связали по рукамъ и ногамъ, убивали медленно, подтачивали безпощадно одиночествомъ.

Онъ пойдетъ, отмститъ, онъ найдетъ тѣхъ, кто приказывалъ и повелѣвалъ мучить и истязать.

За каждый часъ, за каждую минуту, за каждый кратчайшій мигъ страданій,—а они возрастали годъ за годомъ, не годъ и не два и не двадцать лѣтъ, а вѣчность, какъ стала земля и живъ человѣкъ,—онъ изобрѣтетъ жесточайшія казни и отдастъ имъ тѣхъ, кто приказывалъ и повелѣвалъ мучить.

И не будетъ конца казнямъ.

Весь бѣлый въ снѣгъ увѣренно повернулъ незнакомецъ прочь отъ стѣны на другую дорогу.

Шелъ снѣгъ.

Бѣлый бѣлыми пушинками порошилъ дорожку, слѣды человѣчи, обледенѣлый валъ и черную перекладину для рыбацкихъ снастей подъ чернымъ навѣсомъ—этотъ крестъ на могилѣ.

Прошлогодня сухая трава и высокіе стебли замерзшихъ цвѣтовъ торчали изъ подъ снѣга, качаясь подъ вѣтромъ.

И тоска полыхала по снѣгу, по вѣтру, по травѣ, по цвѣтамъ.

Съ ней плыла земля.

Безысходная подымалась она бѣлымъ пламенемъ въ снѣжномъ столбѣ и тамъ за облаками передъ лицомъ звѣздъ вмѣстѣ со смѣхомъ недосмѣяннымъ, плачемъ недоплаканнымъ, словами не высказанными тосковала...

* * *

Было тихо и жутко въ крѣпости по вечернему.

Отошла вечерня.

Смѣнились часовые у двуглазой облупленной башни, заперли крѣпостныя ворота.

Сумракъ, сгущаясь, куталъ пустынный зданіа, и пропалъ тесовый крестъ на фундаментѣ заложеной церкви противъ оконъ кирпичной тюрьмы.

Жандармскія жены укладывали спать ребятишекъ. Ребятишки капризничали.

Звякали шпоры въ казармахъ, и подымалась по лѣстницѣ жандармская шашка, шла пугать ребятишекъ.

Старый вахмистръ, щетиня сѣдыя брови, прошелъ въ дежурную, громяхая ненужными теперь тюремными ключами.

Много было посѣтителей, затормошили: всѣ хотятъ знать, разспрашиваютъ.

Старого ко сну клонить.

Въ бѣломъ комендантскомъ домѣ засвѣтились огни. Раскладывали зеленые столики. Ставили по двѣ свѣчи.

Старый хозяинъ приглашалъ гостей. Улыбалось его мягкое маслянное лицо, и маленькіе глазки черные, какъ жгутики, прыгали отъ любезности.

Начиналась игра.

Узорныя стрѣлки старинныхъ часовъ на крѣпостной колокольнѣ безшумно шагъ за шагомъ подвигались къ ночи.

Вѣтеръ, застрѣвая въ рѣзбѣ, вырывался, толкалъ стрѣлки къ полночи и шипѣлъ отъ ярости.

Медлила полночь.

Въ угловой камерѣ каменной старой тюрьмы, темной и глухой, какъ погребъ, сновало что-то и ломалось въ невыносимой тоскѣ. Исполсованная стѣна не заглядывала въ окно, и смотрѣло окно проломленнымъ глазомъ.

Въ углу камеры висѣла иконка Воскресеніе Христово, какъ висѣла много лѣтъ, когда въ первый разъ привели въ этотъ застѣнокъ и захлопнули дверь навсегда.

Икона наливалась тьмой.

И вдругъ странный ликъ, дробя тьму страннымъ свѣтомъ, взглянулъ изъ угла.

И поднялось со всѣхъ угловъ и со всѣхъ стѣнъ все затаенное, все убитое и пропавшее, чему не было выхода, чего нельзя было выпустить,—поднялось и пошло къ этому странному свѣту.

Но свѣтъ мигалъ дьявольскимъ глазомъ и не принималъ этой тоски нестерпимой.

Надежды, которыя замерли подъ черепомъ, желанія, сожженные въ сердцѣ... онѣ припадали къ камню, къ непреклонной стѣнѣ, неутоленныя, неутолимыя до послѣдняго дня.

Дьяволъ воскресалъ среди тьмы и скорби и отчаянія, воскресалъ на вѣки, какъ царь, въ этомъ царствѣ муки и неутоленности.

Въ пустынныхъ зданіяхъ крѣпости мелькали огоньки.

Часовой на часахъ у двуглазой облупленной башни кутаясь въ тулупъ, творилъ молитву отъ навожденія.

А по крѣпостному двору отъ церкви до манежа прохаживался кто-то въ красномъ, какъ палачъ, подпоясанный веревкой, и въ красной шапкѣ, какъ палачъ, покручивалъ плетью.

Визжала плетъ, плакала.

Въ бѣломъ комендантскомъ домѣ нагарили свѣчи.

Шла игра.

Старый хозяинъ увѣренно игралъ, обыгрывалъ гостей. Везло, какъ всегда. Вытягивая усатыя губы и сопя, будто думая, увѣренно рѣзалъ комендантъ направо и на-лѣво.

И вдругъ съ тревогой опускалъ руки въ карманъ и похолодѣвшими пальцами нащупывалъ теплую веревку, снятую съ шеи казненнаго.

Мягкое, масляное лицо улыбалось, и маленькіе глазки, черные, какъ жгутики, прыгали отъ любезности.

Ужъ пробила полночь. За рѣкой перекликивались пѣтухи.

Спала крѣпость мертвецкимъ сномъ.

А въ тюрьмахъ ночь, и тоска, и неутоленность.

БЕЗЪ ПЯТИ МИНУТЪ БАРИНЪ.

БЕЗЪ ПЯТИ МИНУТЬ БАРИНЪ.

Недѣлю назадъ Сенька Быстровъ, черномазый слесарь съ завода, смѣясь какъ ребенокъ, палилъ подъ пулями, и, слѣпыя, онѣ тупо топали, рвали на клочья, выламывали бревна, а сегодня фертонъ онъ сидѣлъ здѣсь въ «Царьградѣ» и, комкая свѣжія шведскія перчатки, пилъ кофей.

Такъ все обошлось по хорошему: и цѣлъ, и невредимъ, хоть на рожонъ лѣзть,—не страшно.

Въ «Царьградѣ» было шумно и гвалко по всегдашнему.

Машина заливалась пѣснями, а Сенька, глядя безпросвѣтными, какъ оливы, темными глазами на своего зоркаго спутника, наивно улыбался безусымъ дѣтскимъ ртомъ.

Пѣсни располагали. И въ замуравленныхъ темью глазахъ проходила Сенькина жизнь.

Никогда онъ не думалъ такъ разсиживаться, и въ голову не приходило, чтобы сдѣлать что-нибудь такое важное, на что теперь готовъ былъ...

Вспомнилось ему дѣтство: бывало, вечеромъ къ отцу приходили гости, и подъ пьяные крики, ругань, гармонью онъ читалъ книжку, вдругъ прорывало—вступалъ въ споры съ отцомъ и гостями, не выдер-

жавъ, лѣзъ въ драку—и лупили его, какъ Сидорову козу, лупили тумаками по шеѣ, по мордамъ, подъ микитку, не хуже, чѣмъ въ клоповкѣ, куда хулиганомъ попалъ по началу... Потомъ безпробудное пьянство съ отцомъ на заводѣ. Потомъ цѣлые мѣсяцы, цѣлые круги дней: все опротивѣло, тошно,—хотѣлъ порѣшиться...

— Конечно, отъ бездѣйствія больше, отъ скуки главное,—ухмыльнулся виновато Сенька, допилъ до доньшка и опрокинулъ чашку.

Мялся. Трудно было это рассказать, а хотѣлось непремѣнно и все. И пока половой прибиралъ столъ и готовилъ новую порцію, Сенька рассказывалъ:

— ... вотъ вхожу я въ вагонъ. Темно. Вынулъ я ножъ, говорю: кто строилъ вагонъ?—Мы строили вагонъ.—Кого въ вагонѣ возятъ?—Насъ.—Кого насъ?—Рабочихъ.—А гдѣ свѣтъ?—Нѣту 'свѣту.—Почему нѣту?... И сталъ я окна бить. Тутъ публика безусловно бросилась изъ вагона. Вхожу въ другой вагонъ. Свѣтло. Говорю: почему тутъ свѣтъ, а тамъ нѣтъ свѣта? Почему тамъ нѣтъ свѣта? Давай свѣта! И сталъ я окна бить. Тутъ безусловно публика опять бросилась изъ вагона. Перебилъ я всѣ окна. Окровенился. Входитъ кондукторъ.—Ты,—говорить,—окна билъ?—Я,—говорю,—окна билъ. Кондукторъ заперъ дверь. Я было къ другой, а тамъ опять кондукторъ. Тутъ я трахнулъ раму, да — Господи благослови — головой внизъ, прямо въ сугробъ. Закопался я въ сугробъ, лежу, ничего, только голову больно, ну, думаю, теперь не миновать въ клоповку...

Половой принесъ порцію.

Сенька схватился за новую чашку.

— То ли еще было, всего не расскажешь. И, глядя на спутника, ухмыльнулся.

— Конечно, отъ бездѣйствія больше, отъ скуки главное. Вы меня извините, это когда я въ хулиганахъ состоялъ. Вотъ тоже разъ идемъ мы изъ столовой. Работы не было. Идемъ тихо-смирно. А навстрѣчу намъ околodочный Жуковъ. Поровнялся Жуковъ и говоритъ: чего, вы сукины дѣти, бѣжите?—Какъ,—говорю,—бѣжимъ, мы идемъ тихо-смирно.—Обыскать,—говоритъ,—ихъ, мерзавцевъ. Ну обыскали. Я и говорю: братцы,—обидно мнѣ стало,—изведу я этого Жукова, за что онъ въ самомъ дѣлѣ? А они говорятъ: дуракъ ты, дуракъ, что такое Жуковъ?—такъ дерьмо на лопатѣ. Ты,—говорятъ,—кого ужъ почище, а то Жукова?! Отговорили. Купилъ я полбутылки казенки. Пошелъ къ знакомому фельдшеру.—Дай,—говорю,—мнѣ ядовъ разныхъ, да пожесче. Далъ онъ мнѣ встряхнину. Знаете, ядъ есть такой крѣпкій. Взялъ я встряхнинъ, наклалъ въ бутылку. Развелъ бѣлаго сургуча, залѣпилъ пробку. Потомъ взялъ копѣйку, приложилъ копейку къ пробкѣ, вотъ и орелъ вышелъ. Забралъ я эту самую бутылку, идемъ съ товарищемъ по базару, оремъ пѣсни, ругаемся. Ъдетъ патруль.—Братцы,—говорю,—казаки, сдѣлайте Божескую милость, отхлещите моего товарища по-здоровѣе, никакого съ нимъ сладу нѣтъ, забижаетъ. Повскакали казаки съ сѣделъ, да ну меня хлестать. А товарища и слѣдъ простылъ, удралъ. Лупили меня, лупили, обыскивать стали. Ухватили бутылку.—Давай,—говорятъ,—водку! Уперся, не даю.—Ежели бѣ,—говорю,—вы его отдѣляли, тогда бы я

вамъ отдалъ, а то чего же я такъ понапрасну. Ну, бутылку отняли. Сѣли въ сѣдла. Выбили пробку. Стали пить. А я завернулъ за уголъ, да и смотрю. Выпилъ одинъ, — ничего. Выпилъ другой, — ничего. Выпилъ третій, — ничего. А какъ четвертый началъ пить, первый съ сѣдла, — кувыркъ! — и свалился, а потомъ и второй, а потомъ и третій... Тутъ пошелъ я домой, умылся. На утро гляжу, четыре мундира на заводъ приволокли хулиганы... ихніе.

Сенька мялъ свои свѣжія шведскія перчатки, оживлялся.

«Царьградъ» оживлялся. Набиралась публика съ черными ртами, горланила пустымъ пропойнымъ горломъ, и другіе приходили безъ улыбокъ, а въ глазахъ, словно ножички, и третьи приходили, ошаривали глазами.

Тамъ за окнами по небу восходили бѣлыя звѣзды. Конца никто не зналъ.

— Конечно, отъ бездѣйствія больше, отъ скуки главное... — мѣрно стучалъ Сенькинъ голосъ.

ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ.

ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИРЪ.

— Они сами не знаютъ, чего хотятъ!

И тутъ онъ былъ правъ, этотъ одинокій старикашка-ювелиръ, прожившій сотню лѣтъ и похоронившій сердцемъ вѣка.

Сгорбленный, совсѣмъ карликъ, шутя и балагуря, онъ охаживалъ вокругъ человѣческихъ сердецъ, отыскивалъ своими пальчиками глубоко запрятанные живые и теплые тайники, раскрывалъ ихъ легко и проворно, какъ свои шкатулки, наполненные жемчугами и рѣдкими камнями, и упорно засматривалъ въ самое нутро — душу и словъ и помысловъ, кишѣвшихъ тамъ, какъ въ этихъ странныхъ любимыхъ камушкахъ.

Онъ отлично зналъ, чего самъ онъ хотѣлъ.

Желанія его были крѣпки и тверды, какъ эти камни.

День и ночь, не разставаясь, онъ возился со своими камнями, перемывалъ ихъ, перекладывалъ: то разсыплетъ по бархату и шелку, то прикинетъ къ себѣ, къ своему рубищу, и глаза его наливались кровью, маленькіе становились съ тарелки.

По вспыхивающимъ мельчайшимъ гранямъ читалъ онъ вѣковѣчныя тайны, и одно за другимъ выступали

преступленія, становились рядами, какъ солдаты, и онъ игралъ въ нихъ, какъ въ солдатики.

И не было ужъ преступленій, было одно, и оно гнѣздилося во всѣ времена и на всѣхъ концахъ.

Изъ всѣхъ временъ и со всѣхъ концовъ собирались къ нему драгоцѣнности въ убогую, изъѣденную молью и плѣсенью конуру-мастерскую, ютившуюся въ подвалѣ на главной и самой людной улицѣ.

Давно старику мечталось перебраться куда-нибудь въ горы и тамъ построить такую башню, чтобы съ высоты незамѣтнымъ для другихъ наблюдать землю.

Но этой мечтѣ не дано было осуществиться.

А время было любопытное, и было что посмотреть съ нагорной высоты въ окошко.

Не городъ, не деревня,—вся страна отъ моря и до моря охвачена была однимъ безумнымъ желаніемъ.

Всѣ желанія изъ самага тягостнаго и каторжнаго обихода скручивались и выростали въ какой-то грозный бичъ, и подымался онъ, тяжелый и слѣпой, летѣлъ отъ моря и до моря, крича на-крикъ единый крикъ:

— Воля!

— А вы знаете, что такое воля? — подмигивалъ старикъ.

Жизнь человѣческая цѣнилась пустымъ плевкомъ, который и плюнуть и растереть ничего не стоитъ.

Казнили людей, какъ блохъ. Подстерегали, ловили этихъ блохъ, и тутъ же прихлопывали на ногтѣ.

Въ тюрьмы вводили съ эшафотовъ и, какъ милость, давали жизнь, заключая на вѣчно.

Никогда еще въ мірѣ подозрительность человѣка

къ челоѣку не выростала до такихъ страшныхъ размѣровъ, и друзья, встрѣчаясь и пожимая другъ другу руки, на случай хоронили въ карманѣ ножъ.

По темнымъ угламъ творилась лютая измѣна.

И молча копали подкопы.

Всевозможные разрывные снаряды и усовершенствованныя бомбы изготовлялись на широкій сбытъ, какъ самый легкій и ходовой товаръ, и изо дня въ день сбывались и оптомъ и въ розницу, какъ спички.

По темнымъ угламъ душили и вздергивали на веревочкѣ пріятель пріятеля.

Повсюду въ городахъ перемачивались забрызганные кровью мостовыя: онѣ, накаливаясь отъ зноя, пропитывали воздухъ невыносимымъ хмельнымъ запахомъ—заразой.

Мирныя улицы, хмелѣя, впадали въ изступленіе и въ изступленности уродовали и истязали дѣтей и женщинъ.

И лошади бѣсились, нося на подковахъ кровь.

Въ поляхъ колосились червонные колосья и созрѣвалъ хлѣбъ, чтобы закровенившимся зерномъ отравить людей.

Тутъ и тамъ по улицамъ встрѣчали мертвецовъ, останавливали мертвецы знакомыхъ, вмѣшивались, какъ живые, въ будни.

И живые, какъ мертвецы, бросали домъ и уходили на кладбища и тамъ, вступая въ царство мертвыхъ, устраивались въ гробахъ, какъ у себя дома.

Пророки проповѣдывали новое царство и продавали свое пророчество.

И вѣрующіе сходили съ ума, и убивали себя, съ горечью бросая землѣ свое послѣднее слово:

— Нѣтъ на землѣ правды!

А этотъ безпощадный бичъ взвивался и взвивался, летѣлъ отъ моря и до моря, гремя громомъ свой грозный громъ:

— Воля!

— А вы знаете, что такое воля?—подмигивалъ старикъ.

* * *

Безпокойныя тучи, куда вы?

Меня унесите, хочу жить, а здѣсь умираю.

Съ каждымъ часомъ погостъ вырастаетъ, тамъ думы мои засыпаютъ.

Длиныя тучи по лунному небу плывутъ — —

Стойте же, тучи! укажите мнѣ землю, гдѣ тяжесть спадаетъ, разрѣшите...

Уплыли молча, чуть слышно, длиныя тучи — —

Свѣтятся тихо слезныя звѣзды.

Тѣни голыхъ вѣтвей, какъ рѣшетка.

* * *

Наканунѣ великаго дня, который обѣщалъ открыть новый день и перевернуть землю до ея основанія, рано утромъ разбудили старика-ювелира, посадили въ черную гербовую карету, въ какой возили только важныхъ сановниковъ, и подъ конвоемъ, какъ драгоцѣнность, повезли во дворецъ.

Черезъ опущенныя занавѣси оконъ старикъ чувствовалъ сотни вонзающихся острыхъ глазъ. И отъ этихъ глазъ накаливались стекла, и дребезжало что-то въ ногахъ, готовое вдребезги разнести карету.

Такъ какъ за послѣдніе дни совершилось много насилій всемогущими временщиками, въ руки которымъ попадали города и жизнь и смерть цѣлыхъ поколѣній, то подобные corteжи провожались не добрымъ взглядомъ и не всегда кончались добромъ.

Но ювелиръ—простой человѣкъ: ему никто не давалъ права карать и миловать, ему только приказано было вычистить на-чисто золотую корону, въ которой, по обычаю страны, появлялись короли въ рѣдкіе дни объявленій государственныхъ актовъ исключительной важности.

Кому же, какъ не ему, старому и испытанному, умѣвшему такъ мудро держать за зубами свой острый языкъ, довѣрить эту страшную, ослѣпляющую своимъ блескомъ корону?

Шутя и балагурия, поднялся ювелиръ по золотымъ лѣстницамъ и тамъ, въ отведенномъ ему залѣ, запертый подъ замкомъ, взялся за работу.

Да, это былъ рѣдкій случай увидѣть вещи, о которыхъ старикъ только могъ догадываться.

Не мало чудесъ совершилось у него на глазахъ, и не разъ обезумѣвшій народъ сгонялъ съ престола своихъ законныхъ королей, какъ послѣднихъ карманниковъ, и всегда въ такихъ случаяхъ выплывала на свѣтъ корона, и онъ призывался подновлять и задылывать прорѣхи, но никогда еще изъ заваленныхъ дворцовыхъ кладовыхъ не появлялось столь великолѣпнаго, столь сумасшедшаго произведенія нечеловѣческихъ рукъ.

Подлинно, въ завтрашнемъ днѣ тайлось неслышанное.

Съ великой бережливостью, трясаясь, какъ надъ

святыней, которую всякую минуту, ревнуя, можетъ попортить нелегкая, повынималъ онъ камни изъ золотой, облѣпленной кусками грязи и глины короны и, чуть замѣтный въ огромномъ залѣ, кутая сухія зябкія плечи въ теплый женскій платокъ, забѣгалъ пальчиками по сокровищамъ.

И игралъ ими, этими сказочными яхонтами, этими синими-синими, и алыми, и черными камнями, этими изумрудами, отъ взгляда которыхъ пышетъ весною, перевертывалъ ихъ, перебрасывалъ, вдыхалъ, какъ живое, бралъ, какъ живое, на ловкій языкъ, каталъ на чуткой ладони, строилъ рядами, сгребалъ въ кучу и замиралъ, весь зеленый, и алый, и синій, и черный въ смѣшанномъ первородномъ свѣтѣ.

Тьмы и тьмы головъ мелькнули передъ нимъ, тьмы и тьмы рукъ протянулись къ нему и вереницы одна за другой прошли и заполнили весь залъ, унижали сверху до низу всѣ стѣны, и тамъ, подъ звѣзднымъ куполомъ, повисли, и закачались безрукія, безногія твари... глаза...

Задыхался старикъ, разсыпалъ камни. Цѣплялись камни, прилипали къ его рухляди, катились, перекачивались по коврамъ, по парчѣ, по мрамору, и гудѣли, какъ колоколь.

Этотъ гулъ, этотъ блескъ выворачивали его маленькіе глаза, и они становились съ тарелки,—они видѣли и первый и послѣдній день.

Человѣкъ чистилъ, торопился, начищалъ камушки и, дѣлая всевозможныя сочетанія и располагая ихъ, какъ находилъ лучшимъ, вставлялъ въ свою корону.

Онъ узнавалъ ее, свою древнюю, на которую посягнуть не рѣшится ни одна сила въ мірѣ, но кото-

рая вѣчно тянетъ къ себѣ и наслаиваетъ трупы на трупы.

Вечеромъ, когда стемнѣло и запертыя раскрылись двери и зажглись люстры, всталъ старикъ съ своего мѣста и въ коронѣ, какъ царь, стоялъ посреди залы, и корона дала такой блескъ, отъ котораго дрогнули несокрушимыя дворцовыя стѣны.

И эта написанная завтрашняя воля, долженствующая перевернуть землю до ея основанія, завтра же подъ этимъ блескомъ полетитъ къ чорту, и въ три дуги согнутся рабы спины и трижды на смерть поклонится подпольная глухая месть разбить тронъ и разсѣять эти самоцвѣтные камни адской короны,

— Они сами не знаютъ чего хотятъ!

Снѣ зналъ, чего онъ самъ хотѣлъ.

Спускался старикъ по золотымъ лѣстницамъ, проходилъ среди подобоострастныхъ рядовъ, провожаемый лъстивой улыбкой, подъ которой наглость брала города и дрожала мелкая душенка.

* * *

Часть ночи прошелъ. И завтрашній просыпался свободный день.

Желанія притупились,—не закручивались, и безумный бичъ не летѣлъ летомъ, не билъ набатомъ,—онъ, заглушенный обѣщаніемъ, гналъ на улицы, собиралъ на площади, приковывая и стараго и малаго другъ къ другу.

И толпы, съ перекошенными подозрительностью глазами, тысячу и одинъ разъ обманутыя и обманувшіяся, тѣсно и угрюмо шли куда-то съ подкатывающимъ къ сердцу отчаяніемъ.

Старикъ—придворный ювелирь,—кутая сухія зябкія плечи въ теплый женскій платокъ, сидѣлъ въ своей конурѣ, и глядѣлъ передъ собой маленькими глазами, ставшими съ тарелки.

Въ этихъ ужаснувшихся глазахъ кипѣлъ самъ ужасъ, тоска и хохотъ.

А мимо окна шли и шмыгали тысячи ногъ неувѣренно, какъ пьяныя, и пьяныя отъ отчаянія.

И, потирая руки, старикъ, какъ посаженный на колъ, корчился весь при мысли о волѣ и, поднявъ однажды изъ глубины всю жизнь и взглянувъ прямо въ глаза первому и послѣднему дню, онъ смѣялся, брызжа въ толпы проклятія и шутки.

Первороднымъ свѣтомъ свѣтилась на его сѣдой головѣ древняя корона.

И свободная занималась за окномъ заря надъ свободнымъ городомъ и свободной страной, наливаясь кровью и тоской, какъ глаза старика, и разгоралась, чтобы кровавой и тоскующей завѣковать вѣкъ.

П О Ж А Р Ъ.

ПОЖАРЪ.

Бѣлая Оекла, ворожея и вѣдьма, какъ-то осенне-пронизывающимъ утромъ родила крылатую черную мышь, и всякъ опозналъ въ новорожденномъ чертоводите.

Ермилъ, нѣмой и безногій сынъ старухинъ, закопавъ у помойки погань, повѣсилъся.

Въ ночь на Катерининъ день, когда по давнишнему заведенію дѣвушки отгрызаютъ вѣтки и идутъ съ ними въ постель, чтобы видѣть во снѣ суженаго, среди жестокой бушующей метели загрохоталъ внезапно громъ на небѣ, а блаженненькую Алёнку, дочь старшаго желѣзнодорожнаго рабочаго, нашли на разсвѣтѣ въ городскомъ саду опозоренной и мертвой съ вѣткой въ зубахъ.

На Николу показались въ дымныхъ облакахъ три радужныхъ солнца вкругъ люто-морознаго солнца.

И эти три явившихся солнца легли на городъ нѣмымъ гнѣтомъ.

— Огневица, ишь болѣсть-то какая, чего уже намъ-то!

— Не каркай.

— Да я что, мое дѣло—сторона, о. дьяконъ намедни на ектинѣ поминалъ.

Всякій раздумывалъ о завтрашнемъ днѣ, и о бѣдѣ, которая стояла на порогѣ и ждала положеннаго ей часа.

— Китаецъ тоже, тысяча-милліонная армія претъ прямо съ туркой.

— Господи, силища-то!

— А наши, нешто промашку дадутъ?

— Извѣстно, одно сказываютъ: онъ съ ними.

— Чего онъ?

— Пропавшая наша жизнь, вотъ чего!

На ночь тщательно открещивали окна, не спали подъ праздники съ женами, да за лампадкой крѣпко дозоръ держали.

— Вотъ что скажу тебѣ, Микитична, давеча Авдотья баяла, у Подхомутова нечистаго изъ стола кликали.

— И-и! что ты?

— Вотъ те крестъ, Царица Небесная! Авдотья баба продувная, да и сама Подхомутиха сказывала, предсталъ онъ синій объ шести лапахъ.

— Упаси насъ, Владычица! То ли еще будетъ, Агаѣюшка.

— Тоже Сашутка, Кузьмича пасынокъ, сказывалъ, будто въ депѣ новый дохтуръ запойныхъ глазомъ пользуется.

Нехорошіе сны видѣлись: то церковь Новаго Спасителя на Пасху, а безъ алтаря и безъ иконъ, въ церкви удавленникъ Ермилъ, сынъ Ѳеклы, ходитъ и христосуется, то какой-то мальчикъ распухшій, въ занозахъ весь, кувыркается по полу.

— Сказывалъ мнѣ солдатикъ одинъ, столовѣръ,— шамкалъ сторожъ при желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, Семень,—дѣдушка, молъ, напасть на всю Россю идетъ, и нѣту отъ нея нигдѣ сокрытія. Расчепился будто на Москвѣ царь-колоколъ на осколки

махонькіе, и каждый такой осколокъ въ змѣя обернулся, и уползли змѣи подъ Ивана Великаго. Иванъ Великій качается, а какъ грохнетъ, и разлетятся сердца челоѡѡковъ, и скончаніе живота наступитъ.

— Чего не насажутъ, умора да только. Лука говоритъ: одна производная сила перво-наперво, а все прочее—пристройка... Отречемся отъ стараго міра...

— Ты у меня глотку подерешь, церемониться съ вашимъ братомъ не станутъ, живо...

— « , ...
а если явится такая необходимость, то правительство найдетъ въ себѣ силы потушить и эти солнца, о которыхъ злонамѣренныя лица распространяютъ слухи и мутятъ мирное населеніе»...

Принимались мѣры.

Не пропадали солнца, все чаще и чаще появлялись на небѣ вкругъ люто-морознаго солнца.

Что солнце!

Никогда еще по округу не видѣли такого дорода, не запомнятъ такого урожая, какъ лѣтошній. Мельницы безъ устали нагружались и перемалывали отборное зерно. Ходко и бойко шла торговля, и покупатель былъ сходный.

Городъ славился хлѣбомъ.

И теперь по скрещивающимся желѣзнодорожнымъ путямъ подвозили и увозили во всѣ концы доверху переполненные вагоны всякимъ зерномъ и мукою.

Подъ Рождество въ сочельникъ укокошили Бѣлую Оеклу, и чисто слѣды схоронили.

На время наступило умиротвореніе, словно камень свалился съ сердца.

Обмылись на Крещенье въ прорубяхъ студеной

богоявленской водой, обмѣлили всѣ углы и двери крестиками. И все пошло по маслу.

Правда, на масляну въ распутицу повально чуть ли не на каждомъ дворѣ стонали и метались: болѣли зубы.

И такъ продолжалось съ недѣлю.

Подоспѣла весна, ранняя и теплая. Обиліе воды озеленило на Пасху сады, а на поляхъ взошла озимь, сильная и крѣпкая.

На Красную горку заиграли свадьбы.

Кое-кто даже Бѣлую Оеклу добромъ вспомянулъ:
— Ништо, жить бы да жить ей!

Начались постройки: съ торжественнымъ водосвященіемъ закладывались крѣпкіе фундаменты, и со дня на день, громоздясь, все выше уносились лѣса объ бокъ тѣсовыхъ крестовъ, осѣнявшихъ будущее жилище.

На отданіе Пасхи немало смутило одно происшествіе, на шумѣвшее среди всѣхъ слоевъ города: изъ загорѣвшейся архіерейской бани вынесли обгорѣлый трупъ матери-игуменни Дѣвичьяго монастыря св. Духа, а преосвященный о. Антоній долго не могъ выходить на богослуженіе по случаю ожоговъ на всемъ тѣлѣ.

Подмигивали и подсмѣивались.

Было и уныніе.

— Чортъ крестъ укралъ, крестъ—чортовъ.

— Занялъ безпятый храмъ и престолъ Божій. Сквернитъ шишига дароносицу, плюетъ въ чашу. И люди причащаются не кровью Христовой, а слюной дьявола, и ѣдятъ не тѣло Христово, а пакости Дьявола.

— Ерунда на постномъ маслѣ, и вся тутъ. Ни Бога нѣтъ, ни чорта, ничего нѣтъ, одна жизнь.

— Какая жизнь?

Послѣ теплаго цвѣтистаго мая наступила лѣтняя жара, и много дней ни одинъ дождикъ не напоилъ жаждущихъ изсыхающихъ полей и покрытаго пылью луга и зачервившихся садовъ.

*
* * *

Она подходитъ.

Близко.

Она, какъ туча, клубясь, вырастаетъ надъ днями. И гаситъ.

Изъ каждаго предмета, изъ каждаго лица, въ каждый часъ она глядитъ на меня и за минуту моей забывчивости казнить долгой нестерпимой мукой.

Я не знаю ее всю. Только чувствую, Я не знаю, откуда она, съ какого конца подойдетъ ко мнѣ. Только чувствую, она вездѣ, вокругъ.

Мои губы не дрожатъ ужъ отъ хохота, не могутъ смѣяться.

И сердце не можетъ проклинать, какъ проклинали.

Съ тихимъ ропотомъ жмется.

Вотъ придетъ эта бѣда, ты сумѣешь осилить ее?

Ты проклинали, ты любило.

Ты сумѣешь осилить ее?

Никогда — —

И повалишься, какъ снопъ, къ ея ногамъ, и она раздавитъ, обуглитъ тебя своею молніей.

Я не знаю, за что уцѣпиться мнѣ?

Дай мнѣ хоть петлю!

Но, если возможно, пускай она пройдетъ мимо.

Въ красный полдень на Ивана Купала ударилъ на соборной колокольнѣ торопящій набатъ.

Вспыхнули съ разныхъ концовъ цѣлыя улицы, биткомъ набитыя рабочимъ людомъ и всякой бѣднотой.

Маленькіе деревянные домики и несуразно громадскія неуклюжія помѣщенія подъ спальнями и ночлежками занялись, какъ сложенная въ кучу труха.

Выбивалось пламя и пропало въ гигантскихъ веретенахъ пыли; веретена неслись и вертѣлись сверху подъ гору, изъ центра на окраину.

А чья-то рука, бѣсясь, пряла удушливую огнисто-сѣрую пряжу въ раскаленномъ безъ единого облачка небѣ.

Застигнутые врасплохъ люди метались съ отнявшимся языкомъ и дикимъ звѣринымъ сапомъ, топчась въ пожарѣ.

Надрываясь, засвисталъ въ урочный часъ фабричный свистокъ.

И свистъ его былъ чужимъ въ безднѣ одинокихъ свистовъ.

О пощадѣ, о милосердіи...

Чтобы дѣтей спасти, чтобы добро уберечь...

И эти послѣдніе крики обреченныхъ на смерть людей и вещей раздирали душу.

Выносили иконы.

Повѣрили: иконы заступятся и оградятъ отъ бѣды.

А пламя, крадучись и упорно зуда, пробиралось и взлетало—обнимало все новыя и еще цѣлыя жилища.

Отчаянно, туго крутились синія веретена, будто синій буравъ, сверлящій огнемъ тяжелый воздухъ.

Малиново-красное раздувающееся зарево, вздрагивая, разливалось надъ городомъ.

И торчали черныя проуглившіяся стропила пожара, какъ висѣльники.

Пылали желѣздорожныя мастерскія и нефть.

Въ ярости и ужасѣ, будто стравленные, выскакивали горящіе паровозы изъ своихъ желѣзныхъ стойлъ. И по всѣмъ путямъ они кричали отрывистымъ сухимъ свистомъ.

И что-то жутко, зловѣще вздыхало и шипѣло подъ ихъ раскаленными лапами.

А эти плачи безъ слезъ погибающихъ машинъ калили вечеръ.

Разсыпчато и переливно фонтанами шумѣли пожары элеваторовъ.

Кто-то пересыпалъ закровянившіеся янтари зеренъ и во всю мочь хохоталъ.

* * *

Въ чарую полночь Ивана Купала въ часъ klokoчущей жизни на соборной колокольнѣ забили въ набать.

Задымились веселые дома.

И поцѣлуи огня ревниво впивались въ уста женщинъ, на смерть отменяя соперниковъ, и страстно тонкимъ языкомъ лизали тѣла, прожигая въ ненасытимости до бѣлыхъ костей.

И охмелѣвшіе гости падали ницъ передъ этимъ краснымъ, беспощаднымъ, алкающимъ гостемъ.

Обнаженные тѣла, въ объятіяхъ изрѣзанныя стекломъ, изгрызенныя ожогомъ, падали съ верхнихъ этажей, падали и мялись, топчаь копытомъ и ногами.

Распаленные зрачки давившейся толпы ширились и лопались отъ пьянящаго жара, а сапъ звѣрей мѣшался съ скрипящимъ хохотомъ, мольбой и воплемъ.

Монахъ въ темной одеждѣ, монахъ съ недрогнувшимъ лицомъ стоялъ въ пеклѣ пожара.

Былъ онъ, какъ полднемъ, одинъ безстрастенъ и страшенъ своимъ покоемъ. Былъ онъ вѣщъ и сокроуененъ, какъ мучительный безформенный сонъ.

Кипящій гдѣ-то въ глубинѣ глазъ огонь пронзалъ огонь.

Тысяча рукъ хватались за его полы, за черныя воскрылія клобука, тысяча рукъ ползли къ его ногамъ, собирали и цѣловали прахъ.

— Сохрани насъ!

— Спаси насъ!

— Помилуй!

— Помилуй!

* * *

— Помилуй! помилуй! — забилъ соборный колоуоль страшный набать, когда лѣниво восходящее солнце, отдуваясь кроваво-золотистыми лучами, озарило землю.

— Бѣгите! бѣгите! — взрывался и крутился гарный вихрь вокругъ адскихъ веретенъ ѣдкой пыли.

Съ двухъ противоположныхъ концовъ города повалилъ грозный густой дымъ.

Горѣлъ острогъ.

Горѣла больница.

Выломали арестанты желѣзныя двери, задавили рѣшеткой слугителей и, избитые, подстрѣленные, поползли, какъ чумные, вдоль растрескавшихся отъ огней улицъ.

Уфъ! какъ занялись источенные нечистотами камеры, какой пиръ мстящаго огня, вольнаго, разрушающаго живые гробы—острогъ проклятый.

А въ душныхъ больничныхъ палатахъ сквозь желто-зеленный свѣтъ въ пляшущихъ оранжевыхъ солнечныхъ поднимались пилящіе сердце стоны, и заливался геенскій хохотъ безумныхъ.

Огонь, какъ бѣлка, визжалъ и прыгалъ. И перекинулъ свои горящіе сѣти черезъ стѣну за садъ на бойню.

Содрогнулся городъ подъ допотопнымъ воемъ, плакали звѣри въ человѣческой тоскѣ.

Отъ острога вспыхнуло кладбище.

Вскрывалъ огонь своимъ тяжелымъ пылающимъ ломомъ глухіе могилы.

И мертвые подымались изъ гробовъ и росли въ черныя столбы тучи, осянныя сѣрымъ облакомъ срада.

Монахъ въ темной одеждѣ, монахъ съ плотно сжатыми губами, скрестивъ руки, стоялъ среди озвѣрѣлыхъ толпъ и тоскующихъ звѣрей.

Вокругъ его головы взвивались искры и мечущееся пламя, какъ стаи золотыхъ птицъ.

Набатъ, не переставая, бьетъ.

И люди бѣгутъ, ободранные, обожженные, отчаянные.

Казенка горить!
Огненная водка ѣсть сердце.

Отца я зарѣзалъ,
Мать свою убилъ,
Родную сестрицу
Въ рѣчкѣ утопилъ...

И облитые спиртомъ въ синемъ нестерпимомъ
пламени скорчились тысяча мучительныхъ труповъ.

. * * *

Отъ ужаса съ ума сходили.
Матери теряли дѣтей.
Дѣти таскали пудовыя ноши.
Не смѣли оставаться подъ уцѣлѣвшимъ кровомъ.
Бросали дома, выбирались на улицу.
Искали поджигателей.
Казалось, ужъ нападали на слѣдъ.
Видѣли какихъ-то шныряющихъ женщинъ въ под-
воротняхъ домовъ.
Разорвали старика сторожа Семена, неосторожно
закурившаго трубку.
Студенту оторвали руку.
Кого-то въ огонь бросили.
— Кто-же? гдѣ искать?—спрашивали монаха.
Монахъ молчалъ.
На заборахъ черными буквами ясно стояло: «Зав-
тра не будетъ пожара».
— Не будетъ пожара!

Алая частая сѣть нависла надъ городомъ, и гдѣ то въ ея глубинѣ плыло кроваво-горящее ядро, распространяя заразу смрада и гари.

Такъ началось третье утро, третій и послѣдній день.

Въ ночь сгорѣлъ соборъ съ мощами. Рухнула колокольня, и горластый языкъ набата не билъ больше.

Вышли изъ пламени три огненныхъ столба-креста и, дрожа, уплыли въ красную страшную ночь.

Кипѣло сердце, опускались руки.

Вновь ужъ нечѣму было горѣть.

Догорало.

родили отуманенныя бѣшенныя толпы.

Всѣхъ, кто попадался подъ руку и на кого зубъ имѣли, давили головнями.

Пьяные отъ ужаса, отчаянія и крови къ ночи покинули городъ.

На вспольѣ, прижимаясь другъ къ другу, вокругъ ненужныхъ добръ хоронились въ послѣднюю ночь кто цѣль остался.

И монахъ въ темной одеждѣ стоялъ посреди уцѣлѣвшихъ.

Но голосомъ никто не звалъ, не молилъ монаха, только глаза, сотни глазъ устремились къ его скрытому подъ рясой сердцу.

— Помилуй! помилуй!

И вотъ въ первый разъ дрогнуло недвижимое лицо монаха.

Монахъ разодралъ на себѣ одежду, снялъ съ гру-

ди сосудъ и, замочивъ кропильницу, окропилъ молящіе глаза.

И тотчасъ всполье, какъ единый сухой костеръ, въ мигъ охватило пламя.

Огненная туча взорвала небо, разсѣкла ночь, закричала на крикъ — —

Искры, искры... конецъ.

* *

Была глубокая тьма далеко надъ сожженнымъ городомъ.

И звѣзды боялись глянуть внизъ, на землю, на человѣка въ темныхъ лохмотьяхъ.

И птицы не смѣли летѣть на падалъ, не смѣли шелохнуть крылами вокругъ человѣка.

Онъ одинъ стоялъ посреди пепла сожженной проклятой и родной земли.

К о н е ц ъ.

Полунощное солнце.

П О Э М Ы.

I.

БЪЛАЯ БАШНЯ.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я .

Башню строили долго высокую, бѣлую.
Узкія окна одѣлись частой и крѣпкой рѣшеткой.
Стекла — помертвѣвшія очи — глянули холодно,
мрачно.

И скучная, сѣрая жизнь тѣлѣлась въ каменномъ
тѣлѣ.

Лишь дума одна беспокойная—душа ненасытная—
тайно горѣла.

Размягчались толстыя стѣны, плѣсень гнила, разъ-
ѣдалась известка.

Штукатурка растрескалась — зазіяли глубокія чер-
ныя раны.

И люди проснулись.

Люди проснулись въ душевной мучительной Башнѣ.

Дрогнули стѣны. Закачались. Разсыпались...

Шумить и несется известка -- пыль погребальная.

На свободѣ строители!

Волѣ гимны слагаютъ!

Но туда, гдѣ нѣкогда Башня стояла, потянулись
безшумно обозы, нагруженные верхъ кирпичами и
камнями.

Снова бѣлая Башня.

Снова бѣлая Башня, бѣлѣе и крѣпче, встала въ
сіяніи Воли.

Мертвыя окна глубже чернѣютъ, томятся.

Безпокойная дума—душа ненасытная—точитъ, какъ
время, бѣлое тѣло.

Вѣчная Башня.

Опять, какъ много лѣтъ назадъ, я живу въ моемъ полуразвалившемся домицѣ.

Ветхія бревенчатыя стѣны еще больше покачнулись и потемнѣли.

Торчитъ бурый, черный, кое-гдѣ красный мохъ.

Тихо подходятъ вечернія сумерки.

За стѣной укладываются спать. Старуха ворчитъ, и ея ворчанье, непонятное мнѣ, становится тише и тише, какъ говоръ утомленной изсякающей капли.

Я сижу у окна, смотрю на рѣку, на ея нѣжную малиново-голубую кожу, переливающуюся лѣнивой маслянистой змѣей.

Мохнатые елки верхушкой-крестами прячутся подъ облака—подъ этотъ разноцвѣтный балдахинъ, сокровенный и трепетный.

А тамъ, гдѣ золотыя кованныя плиты устилаютъ небо и красными изогнутыми перилами тонуть въ расплавленномъ закатѣ, лежитъ степь молчаливая и дремотная, какъ поле послѣ долгихъ битвъ.

И чудится, что гдѣ-то за землей и небомъ—вонъ тамъ!—встрѣчаются два разлученныхъ...

Люблю я пробужденье грезъ и осени неожиданную улыбку.

Какъ вѣрится тогда, что вновь не упадетъ тяжелый снѣгъ.

Не будетъ воздухъ черствъ и душенъ.
И съ хохотомъ разсвѣтъ въ глаза не взглянетъ.

Усталыя дороги, мокрая деревья сжимаются и холодѣютъ.

Съ томлѣньемъ послѣдняго луча идетъ морозъ.

Ужъ галокъ и воронъ не слышны крики, не падаютъ листья.

Ночь темная приходитъ: зажжетъ—погаситъ звѣзды.

И на кладбищѣ звенять вѣнки.

И кажется, выходитъ изъ могилы Смерть туманная, недобрая... съ косою въ рукѣ для жатвы нищей, безцѣнной нашей жизни.

Теперь одинъ.

Сѣрыя крылья тумановъ закрыли окно.

Полетѣлъ вѣтеръ по степи.

Летитъ... ударяется въ Лѣсъ—уфъ! завылъ...

Обернулся.

Въ дверь постучался.

— Кто тамъ?

Стукнетъ и ждетъ.

Сторожъ-вѣтеръ.

— Не приходи ты ко мнѣ... приходи!

Вѣтеръ поетъ — — —

* * *

Звонить тюремный колоколь, ударяетъ о всполыхнувшее сердце, какъ острый ножъ.

Сухо вздрогнулъ замокъ камеры.

Одѣваюсь.

Не отдаю отчета: куда, зачѣмъ?

Чувствую тоже, что въ дѣтствѣ... однажды ночью въ домъ привезли чудотворную икону, вдругъ разбудили...

Надзиратель выводитъ на тюремный дворъ.

Искристо-тихая ночь.

Сонными желтыми огнями горитъ тюрьма.

Хожу по кругу.

Не могу проснуться.

...Однажды ночью въ домъ привезли чудотворную икону... тогда я былъ совсѣмъ маленькій, спалъ съ зайчикомъ. Прикладывался и зайчикъ прикладывался. Потомъ игрушку куда-то закинули...

Прищурившись, слѣдятъ фонари.

Хожу по кругу безъ конца... и знаю, буду ходить безъ конца.

Блѣдно-оловянный свѣтъ — непробудныя сумерки — на окнѣ и по стѣнамъ.

Снѣгъ-ли идетъ—умираетъ-ли солнце?

Отхлопываютъ форточку двери.

Тихо, словно тюрьма передъ казнью.

Откуда-то изъ глубины идутъ чуть слышныя слова молитвы.

Отче нашъ,

Иже еси на небесѣхъ...

Вижу измученныя блѣдныя лица.

Внизу въ раскрытой камерѣ старикъ, всталъ на колѣни, трясутся руки —

Кто-то закашлялъ.

Кто-то заплакалъ.

Вѣтеръ заплакалъ.
 Запутался вѣтеръ, застрялъ между рамъ.
 Глухой стукъ пара по трубамъ.
 Звѣрь проснулся.
 Ни свѣта ему, ни простора.
 Придавили грудь стѣны, разрываютъ сердце.
 А гдѣ-то свѣтъ льется, гдѣ-то жизнь растетъ...
 Ломаютъ звѣрь когти,—непокорный звѣрь.
 Смѣясь и страдая, звенять кандалы.

И смѣхъ замираетъ.
 И стонъ замираетъ.
 Смѣясь и страдая, звенять кандалы.
 А въ душѣ ураганъ закружился.
 Понеслись по сердцу хмурые бури.
 Бушуютъ и топчутъ и слѣдъ замечаютъ...
 Вперились глаза въ глухіе дни — —

Бѣлые голуби—мечты мои—не покидайте меня!
 Въ темные часы моихъ почей вы прилетѣли подъ кровлю.

Сдружились.
 Наворковали мнѣ.
 Шелестомъ шелковыхъ крыльевъ усыпите тоску,
 огонекъ раздуйте, засвѣтите свѣтъ.
 Бѣлые голуби—мечты мои.

*
* * *

Большая скрипучая камера, какъ нищенка на паперти у праздника.

Съ сыростью и испареніями надвигающейся тьмы просачивается ко мнѣ черезъ липкія стѣны долгая пѣсня.

И летятъ, высоко уносятся звуки.

Проламываютъ кровлю, падаютъ на бѣлую грудь облаковъ и бѣгутъ къ черной оградѣ теплаго неба, гдѣ родится Весна, гдѣ роятся слезинки первыхъ листочковъ и ткутся узорныя ткани цвѣтковъ.

Звуки, много въ васъ тайны, много въ васъ жизни...

Когда вы несетесь, образы мчатся за вами.

Вижу тѣхъ, кого нѣтъ, кто далеко, кто, можетъ быть, не былъ на свѣтѣ...

Пѣсня волнуется, пѣсня играетъ, пѣсня горитъ —

Звуки, много въ васъ тайны, много въ васъ силы...

Какъ они близко!

Протягиваютъ руки...

Протягиваютъ руки и, какъ сонъ, убѣгаютъ.

Кто то окрикнулъ.

Пѣсня, какъ птичка, прижалась.

Монотонно позвякивая шашками и стуча сапогами, ходятъ по корридору часовые, какъ тюремные дни, позвякивая шашками и стуча сапогами.

Золотые лучи вольные, вы оттуда, вы грѣли под-
снѣжникъ, горѣли на храмахъ, играли по улицамъ
въ смѣхъ —

Согрѣйте меня!

Золотые лучи, вольные, вы по лѣсу бродили, по
норкамъ звѣрей выпускали...

Люди съ людьми разлучаютъ, люди казнятъ, люди,
даже любя, истязаютъ...

Согрѣйте меня!

Прижимаясь лбомъ къ горячей рѣшеткѣ, вижу
весеннюю землю.

И шумитъ тюрьма.

Весь мой столъ въ гіацинтахъ.

Тутъ и лиловые, розовые, бѣлые..

За окномъ прощальный закатъ стараго снѣга.

Тяжкія слезы градомъ бѣгутъ изъ зимнихъ слѣ-
пнувшихъ глазъ, стучатся въ крышу, по желобу идутъ.

Разнѣжился стебель, распахнулись листочки.

Зрѣютъ въ матовомъ золотѣ алыя пухлыя губки.

Киваютъ и тянутся.

Но земля не даетъ больше влаги. Земля засыхаетъ.

Засыхаютъ лучи.

Перепуганной тѣнью по камерѣ идутъ...

Окно закрашили краской.

Цари—человѣки!

Лепестки отъ ужаса сжались.

Безнадежно изогнулся стебель.

И когда въ запахѣ изнемогшихъ умирающихъ рас-
теній я слышалъ стукъ измученныхъ сердечекъ, и
крохотныя ручки въ жару тянулись ко мнѣ...

Желѣзнымъ щитомъ забили окно.

Цари—человѣки!

Обожженные голодомъ листья упали.

Душно отъ вѣянья смерти.

Мой столъ въ гіацинтахъ.

Не бѣлая скатерть—могила весною въ осеннихъ
вѣнкахъ.

По зимнему долго и скучно лампа горитъ.

А гдѣ то тутъ у тюремныхъ каменныхъ стѣнъ
распускается первая робкая травка.

А гдѣ то тамъ за стѣною, за полемъ, у дома передъ моимъ окномъ бузина зацвѣтаетъ.

Не ходите въ домъ—колыбель желаній, давно въ
могилѣ старуха—нянька и мать родная.

Не ходите туда...

Стѣна—гробовая доска, затрясется вся.

Дразня пытается, лаская, мучить.

Изъѣдена, изглодана, источена стѣна.

И я не могу закричать...

И грезы, какъ эти цвѣты, умираютъ и блекнутъ.

Только во снѣ еще снятся, душу тревожатъ.

Желанья безъ завтра—

Несбыточный отдыхъ въ кругѣ навязчивыхъ шумовъ—

Свѣтъ для ослѣпшаго—

Я не знаю, живу или нѣтъ.

Цѣлый день все ползетъ отъ окна по стѣнѣ безмолвная, сѣрая гарь, разѣдаетъ глаза.

Если бы громы міръ наводнили, если бъ пожары зажглись!

Но въ мою тишину входятъ грубые рѣчи, слова безсвязныя, блѣдныя.

Я не знаю, живу или нѣтъ.

* * *

Вѣщая полночь.

Всѣ камеры заперты.

Ожиданіе томительное, какъ передъ приговоромъ.
Изрѣдка вырвется слово, смѣхъ, и сразу уйдетъ,
куда-то забьется.

Изъ конца въ конецъ одиноко и глухо проходятъ
часовые...

Ударили въ колоколъ.

Звонъ частый—частый.

Надсаживая грудь, кто то закашлялъ.

Тюремный колоколъ, захлебываясь, бьетъ, бьетъ,
бьетъ...

Гулъ и звонъ вездѣ—и здѣсь и тамъ и близко и
далеко,—гулъ и звонъ.

Христось воскресе изъ мертвыхъ,
Смертію смерть поправъ...

И страшный вздохъ, тяжелый стонъ бѣжитъ по
стѣнамъ, по потолку и гдѣ то въ глубинѣ тюрьмы
вдругъ разсѣкаетъ камни, взрываетъ тьмы осколковъ
острыхъ, жгучихъ и сыплеть на глаза, вонзаясь въ
сердце...

Душа дрожить.

И крикъ ея глушатъ высоты сводовъ.

Христось воскресъ!

Изъ глубины желѣзныхъ рамъ свѣтится ясный
возоръ. И скользятъ легкіе шаги.

Разсвѣтъ воскресный, ярко-голубой, должно быть,
тамъ...

Къ обѣднѣ перезваниваютъ далеко за тюремой.

Разсвѣтъ замутившійся, больной.

Тюрьма не спитъ.

Мнѣ казалось, я сидѣлъ у окна.

Глядѣло окно въ беззвѣздную ночь.

Нарождались и умирали звуки неясные, ожидающіе.

За стѣной возился кто-то... какія то дѣти.

Я метался отъ ужаса и тоски этой нелюдимои ночи.

Вся моя жизнь проходила передо мной съ нехорошимъ искаженнымъ лицомъ.

Безшумно раскрылась дверь.

Высокій, сѣдой вошелъ Старикъ.

Сливались наши глаза въ одномъ мучительномъ взглядѣ.

И отъ этого взгляда кровь въ моихъ жилахъ закипала.

Закипала и стыла.

Старикъ перебиралъ губами. Старикъ говорилъ.

Я хотѣлъ биться о стѣну, грызть камень.

И вдругъ, тихо звякнувъ, упалъ къ моимъ ногамъ короткій ножъ.

Старикъ исчезъ.

И я прижималъ къ сердцу холодный ножъ.

И отъ моей крови расплавлялась сталь, закаляясь.

Оттачивался ножъ.

И я ждалъ разсвѣта.

Нарождались и умирали звуки неясные, ожидающіе.

— Вставай, дежурный! Надзиратель, вставай! Пора по камерамъ, дежурный!

И ударилъ колоколъ, какъ острый ножъ.
 Сухо вздрогнулъ замокъ камеры.
 Время ключами, проходить старшій.

Кипятъ мои мысли безумныя, какъ кровь у убійцы,
 какъ зовы соблазна, кипятъ и летятъ мои мысли
 безумныя...

Изъ нѣдръ земли выходитъ Призракъ, и гаснетъ
 солнце, померкли звѣзды.

Голубое сіяніе, какъ вѣчная молитва вокругъ Его
 лица.

Застигнутое мракомъ внезапной ночи реветъ люд-
 ское горе и стоны, какъ пилы, скрипятъ, рвутъ звуки
 дѣтскихъ пѣсенъ.

Выходитъ изъ зеленыхъ оковъ Океанъ и мчится
 по домамъ, по храмамъ черезъ башни въ дикія пус-
 тыни.

Вотъ молнія змѣей повисла.

И косы острыя огней, какъ ливень, льются и ко-
 сятъ землю.

А Призракъ гордо глядитъ на ужасъ людской
 надежды.

Все также тихо, все также блѣдно.

Огни погасли.

Чудовище съ щеками мглистыми, съ очами бездны,
 скрести, въ руки, уста сомкнуло.

И лампа старая бросаетъ мутный свѣтъ ко мнѣ
 на грудь.

Все также день и ночь въ тупомъ страданьѣ.

И судорожно я думаю о звѣздахъ, что улетаютъ
 дальше, выше...

Безцѣльно хожу взадъ и впередъ.

Холодно мнѣ и темно.

А тамъ на свободѣ все въ зелени, по ночамъ до-
летаютъ туки и крики взбурлившейся жизни.

Но жизни не вижу. И кажется, солнце выжгло
человѣческій родъ, и только я спасся въ тюрьмѣ.

Безцѣльно хожу взадъ и впередъ.

Нахлынули обиды.

Источили все сердце.

Задохнулся.

А эти стѣны и эти люди стоятъ передо мной и
не уходятъ.

Музыка!

Музыка бѣется въ окно.

Гдѣ-то близко проходятъ солдаты.

Долго гляжу въ мертвые стекла.

Хлещутся звуки по сердцу... и глохнутъ безсильныя...

Запалили со всѣхъ концовъ землю.

Свадьба перелетныхъ огней!

Мечутся дикія красныя стаи.

Земля умираетъ.

И вся душа переполнена криками, переполнена
криками.

Безцѣльно хожу взадъ и впередъ.

На тюрьму нашли тучи.

Снѣгъ-ли идетъ—умираетъ-ли солнце?

Это думы мой схороненныя.

Это слова мои несказанныя.

Это пѣсни мои непрозвучавшія.

Стянули кольцомъ.

Одиноко зазвонили къ вечернѣ.
 Будто сквозь туманы крови, пробираются звуки.
 Одиноко свѣтятся звуки.
 Громъ прокатился.
 Что-то разбилось, что-то кричить и зоветь — —
 Безцѣльно хожу взадъ и впередъ.

* * *

Тюремные часы уныло бьютъ.
 Надвигается ночь.
 Отъ лампы по полу и по стѣнѣ лежатъ неподвижныя тѣни.
 Прилипшая къ стѣнѣ умираетъ муха.
 Ея лапки судорожно вытягиваются, тѣльце сжимается, а расплывчатое пятно тѣни—ея послѣдней спутницы—плыветъ, дрожа.
 Вспоминается мухѣ:
 желтая и пыльная камера, когда тамъ надъ головой стоитъ солнце—
 будто замороженные стекла окна въ ясный день—
 скучныя и вялыя мокрицы по угламъ, гдѣ зеленеетъ струями плѣсень—
 вѣчно сонныя тараканы на панели стѣнъ—
 длинныя озабоченныя прусаки—шныряющая тюремная стража—
 лѣнныя налитыя кровью клопы—
 едва замѣтныя злыя, блѣдно-желтыя клопинныя шкурки—
 тонкіе юркіе хвостики мышекъ—
 зубы рыжей огромной крысы—
 глаза заключеннаго—

гулъ, стонъ, пѣсня, звонъ кандаловъ...

А тамъ земля — — —

Продолговатая тѣнь сгустилась и застыла.

Муха умерла.

Застыло время, застыли шорохи, словно жизни больше не стало.

Глухими ночами слышенъ мнѣ голосъ, слышенъ мнѣ плачь.

Я не знаю, гдѣ Ты теперь и куда глядятъ Твои глаза?

Или я плачу...

О чемъ вспоминаешь?

И проходятъ дни и часы нашей жизни, и каждый день и часъ идетъ горящимъ слѣдомъ, и каждый день и часъ горитъ и дымится.

Вѣтеръ! Вѣтеръ, ты кружишься тамъ за стѣной, темный и злой, вѣтеръ! ты добрый, ты поешь, возьми, перенеси мой голосъ, сердце, душу туда...

Глухими ночами слышенъ мнѣ голосъ, слышенъ мнѣ плачь.

Плачетъ сердце.

И какое небо міры покрываетъ,—не знаю.

Ты вошла робко, любви искала.

Она—твое свѣтило въ послѣдней ночи.

Твои глаза молили,—а ночь безмолвна.

И куталась земля въ холодный камень.

Одна дорога передъ тобой раскрылась—дорога къ звѣздамъ.

И безотвѣтнымъ горемъ твое горѣло сердце... И ты ушла.

Съ тоской гляжу я въ вѣчный свѣтъ твоей послѣдней ночи.

* * *

Свѣтлая лѣтняя ночь.
Тамъ созрѣваютъ плоды, трава колосится.
Матовый мѣсяцъ выходитъ, и зарницы, шныряя,
колышатъ ароматы луговъ.

Одинокія звѣздочки смотрять на землю, серебристыя.

Гдѣ то поютъ.
Собаченка тявкаетъ тупо.
Бьютъ часы на тюремномъ дворѣ.
Пѣсня уходитъ, пѣсня далеко.
Какъ тихо, какъ мертвенно тихо.
Слышу время, стучить, убѣгаетъ — —
Ничего не хочу. Слышу время.
Вдругъ вспоминаю.
Время сильнѣй застучало, нестройно.
Я тебя вспоминаю.

И летятъ лепестки весенняго цвѣта, падаютъ, падаютъ...

Запорошили все сердце.
Разрывается время.
Міръ кричить.
Странные образы ходятъ.
Вотъ руки, залитыя кровью, обнимаютъ малютку,
вотъ праздникъ, а гости въ темныхъ одеждахъ, вотъ
палачъ, надрываясь отъ слезъ, поддергиваетъ пеглю...
Время больше не слышу.
Душа содрогнулась.
Мертвенно тихо.

Старый кладбищенскій колоколъ ударилъ костями,
костями друзей и враговъ.

Ты пришла. Ты стоишь на порогъ.

Какъ заманчивы Твои улыбки... Это Твое опьяненное сердце напѣваетъ мнѣ пѣсни.

Невидимкой скользятъ Твои легкія ноги, словно звуки утреннихъ зорь, гдѣ безконечная радость сливается съ скорбью.

И всѣ глядятъ на Тебя, хотятъ прикоснуться къ разсыпающейся волнѣ Твоихъ волосъ и бѣгутъ, губя, убивая другъ друга за слезинку, что, скатываясь съ дымящихся Твоихъ рѣсницъ, общаетъ...

Ты пришла. Ты стоишь на порогъ —
Воля,—Твой міръ!

Конецъ первой части.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я .

Неумолимый Рокъ, огонь всевластный, опусти скорѣй свой мечъ, скорѣй спали меня!

Я трепещу и увядаю въ желаніяхъ узнать Твой судъ.

Въ тревогѣ слушаю, слѣжу въ тоскѣ, хочу понять невнятный голосъ моей души и шепотъ капель дождевыхъ и стонъ деревьевъ.

Ты долго вель меня, Твоя рука такъ часто раскрывала грудь и разрывала сердце мнѣ.

Во снѣ являлся Ты...

И видѣлъ я Тебя на черномъ камнѣ въ раскаленно-красныхъ облакахъ съ блуждающей улыбкой... Ты звалъ меня, манилъ съ собой.

Теперь, когда я подошелъ къ невѣдомой пустынѣ и странный блескъ бросаютъ звѣзды — —

Я жду.

Ты снова явишься, Ты знаешь все, всю жизнь мою.

О, Рокъ неумолимый, огонь всевластный, опусти скорѣй свой мечъ, скорѣй спали меня!

Зашипѣли, обнажаясь, шашки конвойныхъ, раздалась рѣзкая команда, и всѣ пошли, торопясь и звеня, торопясь и обгоняя другъ друга.

На волю!

И я увидѣлъ все, что было, и что таилось въ завтрашнемъ днѣ.

На минуту освѣтилась тьма и стало ясно, какъ въ полдень.

Ледяныя руки обняли меня, и ледъ жегъ мнѣ сердце, и я проклиналъ человѣка и, проклиная, падалъ передъ нимъ.

На волю!

Я стою, прижавшись лицомъ къ холодной рѣшеткѣ: мимо проходятъ люди, напряженно горятъ фонари.

Свистки, трескъ, шипъ звучатъ отчетливо и рѣзко, хотятъ сказать о чемъ то, напомнить...

И я хочу собрать всѣ мои мысли, найти слово...

Вдругъ дикій раздирающій свистъ.

И поѣздъ мчитъ, шипя и колыхаясь, мчитъ въ глухую ночь.

Открыты окна.

За вагономъ летитъ солнце, блестящее и еще холодное, а лучи бьются о рѣшетки, оставляя сѣрый, сыпанный мельчайшими блестками налетъ.

Мелькают сонныя поля высокаго, желтаго хлѣба.

Вагонъ просыпается: сопятъ, кашляютъ, плюютъ, выходятъ и приходятъ, цѣпляясь за ноги.

— Осенью-то ѣхать и не доживешь! — говоритъ сморщенная старушенка, пережевывая корку.

— Чего не доживешь-то, тридцать годовъ хожу во всѣ времена года, — живъ, цѣлъ и невредимъ! — отзывается старикъ Яшка.

Онъ важно пьетъ чай, со вкусомъ присасывая сахаръ. Бѣлая оправа очковъ приросла къ носу и переходитъ въ длинную бѣлую бороду, позеленѣвшую у губъ.

— Молодому куда еще, а мнѣ на седьмой-то десятокъ... Господи, всю то разломило...

Заплакали дѣти, поднялись бабы, заорали.

Когда же немного пріутихло, послышался подъ стукъ колесъ голосъ Яшки: онъ роется въ своемъ мѣшкѣ и ухмыляется.

— Книги, вотъ эти, получилъ я отъ самого господина начальника. Проповѣдникъ былъ, агличанинъ... «Познаніе, — говоритъ, — усмирить чувство твое и освободить отъ него». Лучше бы, сукинъ-котъ, отъ тюрьмы освободилъ. А то «кандалы въ душѣ тяжеле вашихъ». Попробовала бы этакая пиголица наши-то поносить, дарма что агличанинъ.

— Одно развлеченіе, а то и слушать ихъ нечего! — глухо отвѣчаетъ сосѣдъ Яшки, высокій, сухошавый, съ темнымъ лицомъ подвижника.

— Да и безъ проповѣдниковъ, сами знаемъ, покойный Державинъ сказалъ: «въ добрѣ и злѣ будь великъ!» А то агличанинъ.

— Спи ты, чего поднялась! — скаля зубы, уговари-

ваетъ конвойный молодую арестантку, подлаживаясь и заигрывая.

Та пищитъ.

— И пріятно, любо ходить мнѣ, и хожу. А сколько я этого народу на моемъ вѣку обманулъ... Родного, брата надулъ...

Хихикаютъ. Старуха стонетъ. Кто то немилосердно чешется и зѣваетъ. Яшка повѣствуетъ свои длинные, запутанныя походы.

Становится душно; пепельно-желтый табачный дымъ широкой и густой полосой тянется отъ двери до двери... Къ арестанткѣ пристають и задираютъ... Кто-то запѣлъ.

— Д-да,—слышится голосъ Яшки, — и живу такъ, пріятно, хорошо мнѣ, одно—усталъ, тѣло болитъ, да и вино уважаю.

И все сливается въ какое то тупое жужжанье.

Хочется туда, за эти поля—дальше отсюда. И съ болью вспоминается другое...

Скоро станція; конвойные собираютъ чайники, спорятъ, и грызутся.

Поѣздъ остановился.

Пассажиры и публика, прогуливаясь по платформѣ, трусливо и любопытно заглядываютъ въ окна.

Къ вечеру будемъ на этапѣ.

Сливаются мутныя сѣрыя тучи съ тюремной стѣною.

Все расплывается, дремлетъ.

Только мысль, пробужденная Волей, поднялась и пошла, зажигая огни въ краскахъ линияхъ.

И тѣ, кого душа любила, оживаютъ.

Слышенъ стукъ и кипѣніе крови.

Губы горятъ.

Слова, замирая, пылаютъ.

Но ты не пройдешь къ нимъ, не коснешься, только можешь слѣдить издалека... Только можешь слѣдить издалека за ихъ отраженьемъ: оно плыветъ по стѣнѣ и по тучамъ.

Пусть бы мысли заснули, пускай раздавила бы крѣпость холодной стѣны!

Но, безпокойныя, рыдая, не меркнуть.

Образы пышнѣй расцвѣтаютъ.

И душа, обезсилѣвъ, цѣпенѣтъ отъ жажды.

* * *

Поѣздъ гремитъ. Буря со свистомъ и воемъ догоняетъ его и желѣзною грудью бьется о крышу.

Дождикъ идетъ, стучится въ окно, капли слезами текутъ по стеклу.

Тихо сердце забилося.

Эта бурная ночь бѣдой наступала...

Робкое сердце—пугливая птичка.

Слушало, память горѣла.

Долгая, страдная ночь.

Тихо сердце заплакало.

Доля бездольная.

Клады—пустышки.

Драгоценность поддѣльная.

Дождикъ идетъ, стучится въ окно, капли слезами текутъ по стеклу.

Буря погоней несется.

Поѣздъ гремитъ.
Робкое сердце—пугливая птичка.

Встаетъ разсвѣтъ.
Мелькаетъ омытый дождемъ городъ съ колоколь-
нями, башнями, трубами.

Поѣздъ остановился.
Выводятъ на платформу.

И длинная сѣрая стѣна арестантовъ трогается въ
путь подъ скорбную кандальную музыку.

Шумъ, крики, дребезжанье пролетовъ, колоколь-
чики конокъ, благовѣсть.

Тысячи глазъ провожаютъ.
Ведутъ въ башню.

Бѣлая башня.
Въ маленькое башенное окно съ зубчатой рѣшет-
кой глядитъ ярко-голубая звѣздочка.

Она одна глядитъ изъ глубокой ночи.
Старая башня темно и странно бормочетъ.
Столѣтнія мыши монотонно скребутся.

Я вспоминаю забытую сказку о птицѣ, залетѣв-
шей на землю съ небесныхъ полей, гдѣ она пѣла въ
разгнѣванной тучѣ, блистала въ разсвѣтѣ, играла въ
лучахъ.

Небесная птица въ клѣткѣ желѣзной.
Ночи и дни въ безпросвѣтной неволѣ проходятъ.
Крылья завяли; затомились, заплаканы пѣсни.
Какъ то осеннею ночью такъ тосковала, такъ вспо-
минала она и молила...

Съ болью молитвы вздымались изъ жаркаго сердца.
И прутя клѣтки, звеня, содрогнулись.

Тихо упали.
 И небо свой вольный путь раскрыло.
 И полетѣла птица.
 О, какъ тѣснились, изнемогали ея желанья!
 Серебряныя нити, что звѣзды ночью землѣ броса-
 ютъ, ее обняли.
 Но вѣтеръ черный запѣлъ уныло, встрѣчая крылья.
 Очнулась птица.
 На мѣстѣ прутя. Ночь. Лишь звѣздочка глядится.

Такъ вспоминая сказку, я содрогнулся.
 — Воля! воля!—стонало что то—стонало сердце,—
 слетай ко мнѣ хоть на мигъ во снѣ, бери мои всѣ
 слезы: изъ нихъ слагаютъ люди пѣсни и воздвигаютъ
 новые ковчеги отъ смерти и потопа.

* * *

Я лежу въ камерѣ на высокомъ больничномъ тю-
 фякѣ.
 Камера «Куб. сод. возд. 7 с. 11 ар.».
 Лампа горитъ.
 Какая огромная и уродливая моя тѣнь!
 За тюремой на рѣкѣ пароходъ пропѣлъ.
 Пищитъ вентиляція, тюкаютъ часы въ корридорѣ
 По двери крадутся тѣни..
 Одна улыбается и давить улыбкою мозгъ.
 — Не надо, не надо!
 Кто то подбѣжалъ къ двери и шепотомъ сказалъ
 одно слово..
 Отяжелѣвшія руки упали.

— Зачѣмъ онъ сказалъ, зачѣмъ?

Лампа туманится, кто то наклоняется, пихаетъ въ ность вату и хрипитъ...

На потолокъ спускается черное пятно.

Пятно упадетъ, и я сольюсь съ нимъ.

— Кто тамъ, кто стучится?

— Терпѣнье... терпѣнье...—отвѣчаетъ протяжный стонъ.

Жужжить муха.

— Ты поешь, отчего замолкъ?

— Не могу пѣть, не могу...

— Да-да-да-да...—бойко поддакиваютъ часы.

— Высшій подвигъ въ терпѣньи и любви...

— Затворите форточку! Дуетъ, холодно мнѣ! Лѣтомъ холодно. Да затворите форточку!

На желтыхъ стѣнахъ грязныя гнѣзда клоповъ.

Здѣсь даютъ имъ ѣсть...

Какіе то люди быстро-быстро бѣгутъ за поѣздомъ.

Рѣшетка вагона жжетъ лицо.

Огни мелькаютъ.

Что то черное копошится въ глубинѣ платформы.

— Гдѣ вы?

Вздрагиваетъ вагонъ, мчится...

— Зачѣмъ вы душите меня? Что я вамъ сдѣлалъ? Что надо отъ меня? Ползите, ползите...

Я всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ раздавлю. Закраснѣетъ огромное пятно, всю землю покроетъ. — —

— Ты въ роты идешь, раздѣвайся, снимай чулки!— кричитъ надъ самымъ ухомъ надтреснутый солдатскій голосъ; колкіе усы касаются щекъ.

— А—ахъ! а—а! въ роты... роты... ты... ты!—тянетъ, вѣтеръ врываясь въ форточку.

— Замолчите! замолчите!

Кто то снова наклоняется, пихаетъ вату въ носъ.

Къ двери подходитъ, шлепая валенками, надзиратель.

— Не уйду, никуда не уйду!

— Уйду—уйду... у... у... въ терпѣнны и любви...—
застоналъ кто то съ вѣтромъ.

Мигаетъ лампа.

Огонь убѣгаетъ изъ камеры.

Чьи то руки обнимають, обнимають и душатъ...

Вечерняя тоска вошла въ тюрьму.

Взадъ и впередъ, забывая себя, ходятъ вялыя тѣни.

На рѣкѣ пароходъ реветъ.

Уйти куда нибудь, не видѣтъ этихъ водянисто-желтыхъ стѣнъ, не слышать шепчущей тишины, не дышать холодомъ кирпичей, изрытыхъ отчаяніемъ!

Изъ окна идетъ сонный меркнушій свѣтъ.

Вспоминаю... слышу въ мертвыхъ сѣрыхъ камняхъ
бьется жизнь.

И люблю я ее и мучаюсь, любя ее.

Разбиваются камни, осколки звенятъ.

Взадъ и впередъ, забывая себя, ходятъ вялыя тѣни.

Безсильныя мысли жмутся къ окошку.

Плывутъ безразличныя фразы, воздухъ вбирають
и бессонною ночью ложатся на душу, какъ снѣга на
запоздалый осенній цвѣтокъ.

* * *

Стою на трапѣ.

Далеко надъ рѣкой раскинулась ночь, послѣдняя,
лѣтняя.

И за что я люблю тебя, свѣтлая ночь?
Такъ люблю...

Вереницей идетъ и вливается въ сердце тысячу разъ повторенное.

Мѣсяцъ широкимъ густымъ ключемъ падаетъ въ воду, и взапуски бѣгутъ серебряныя дрожащія струйки; нагоняя другъ друга, извиваются кованной лентой.

Тамъ впереди, словно островъ, что то заброшенное, утонувшее въ снѣгѣ, а позади оторванное и застывшее.

— Если бы вернуть...

Поутру, когда солнце такъ блестяло и ночная роса морозила воздухъ, вдругъ душою понялъ, что прошлое ушло и вернуть... все равно не вернется.

Легкій вѣтеръ, чуть шелестя воздухъ, доносить гулы.

И чудится тоска въ этихъ гулахъ голубѣющей ночи.

— На лѣво, куда правишь, на лѣво, паршивая! закричалъ командиръ парохода.

— А—ахъ!—отвѣтили съ баржи.

— На лѣво, коли надо, прими чалку, а то отходи, поверни что-ль еще!

— А—ахъ!—отвѣтили съ баржи.

Медленно, спокойно плыветъ рѣка, только у колеса парохода встаютъ волны и, откатываясь, бьются о берегъ и всхлипываютъ.

Пароходъ пыхтитъ.

Изъ трубы вылетаютъ красныя искры—крылатыя красныя рыбки—и расплываются, таютъ.

Разгораются звѣзды.

И за что я люблю тебя, тихая ночь?
Ты не мнѣ...

— На правой, впередъ!

— Де—вять, де—сять...

И протяжно и гулко запѣлъ пароходъ.

Вздвогнулъ лѣсъ, вздвогнули берега и, громогласно
отвѣтивъ на зовъ, погрузились въ сонъ.

Что то страшное вошло въ ночь, затѣснило грудь.

Замелькали огоньки пристани.

Конецъ второй части.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я .

За глухіе вѣтры, въ царство улыбающейся тьмы,
въ царство бѣлыхъ ночей, прилетай!

И унесутъ тебя вихри на своихъ снѣжныхъ кораб-
ляхъ въ ледяныя горы.

Отдернется завѣса шума, и крикъ громовъ выр-
вется изъ твоей груди и помчатся желанія запыхав-
шимися тучами.

Выше! выше!—воскликнетъ осужденный на тая-
ніе зовъ.

И духъ твой, раздирая сердце, понесется дальше
къ миражамъ выжженныхъ водъ.

Окаменѣлыми лентами ползутъ къ вершинамъ ког-
да то горячіе ключи, а въ глубинахъ катятся глухо
слезныя волны.

Метель подымается.

Слышишь ея змѣиный шопотъ?

Она распахиваетъ ледяную грудь.

И твои пылающія губы въ мигъ замерзаютъ.

Ты протягиваешь руки мертвому холоду ночи и,
срываясь со скользкихъ утесовъ, падаешь.

А ледяные осколки трещать и хохочутъ во слѣдъ
тебѣ, твоей жизни, твоей землѣ.

За глухіе вѣтры, въ царство улыбающейся тьмы,
въ царство бѣлыхъ ночей, прилетай.

Прозрачная пелена изъ зари и зноя, вздрагивая и разсыпая огни, падаетъ.

Чуть видны растенія, раскаленные отъ жара дыханій, съ острыми ярко-зелеными листьями.

На ихъ поблѣднѣвшихъ вѣнчикахъ бьетъ серебрянымъ ключемъ горячая пѣна. Тяжелые вздохи звучать...

Къ нѣмымъ маслянисто-чернымъ цвѣтамъ жмутся пепельныя бабочки. Ихъ крылья, впиваясь въ лепестки, сливаются.

Слѣпыя въ разливающемся пожарѣ, полетятъ онѣ чудовищами въ сумерки по дымящимся потухающимъ головнямъ, медленно отравляя душу.

И крылатый мягкозвонящій вѣтеръ, выпархивая изъ огня, вьется передъ спускающейся пеленой, поглощая огонь, мглу и запахъ цвѣтовъ.

Пелена падаетъ.

Длинные желѣзные пальцы тянутся, хватаютъ за ея концы.

Пелена стынеть.

Быстро одна за другой падаютъ новыя, униженные колючими иглами, жесткими листьями, пучками разноцвѣтныхъ цвѣтовъ.

Выдернутыя съ корнями деревья, трава съ извивающимися червями на илестихъ тонкихъ корняхъ, камни съ тучей песку—валятся, кружатся, давятъ.

Мутная рѣка, словно выложена рыбьей чешуей. И берега сизые.

Идетъ ночь, вколачиваетъ золотые звѣзды къ холодному небу.

И горять онѣ; раскаляясь подъ ударами, глубоко проходятъ въ душу.

Жметъ сердце въ тревогѣ.

И мчитъ душа черезъ горы, лѣса и пески...

Она дышитъ запахомъ черныхъ цвѣтовъ, купается въ ярко-зеленыхъ листьяхъ, цѣлуетъ поблѣднѣвшіе вѣнчики раскаленныхъ растений, опьяненная...

Стучитъ ночь, вколачиваетъ гвозди.

Незамѣтно крадутся острые шпильки, близятся къ сердцу... пронзаютъ, и сердце, облитое кровью, нѣмѣетъ.

Холодно.

Звѣзды горять.

Вѣтеръ вздыхаетъ, вѣя крылами:

— Я оттуда, я здѣсь, я вездѣ!

Камни, горы гранита.

Скорчившись, полураздавленный съ сплюснутыми руками полулежитъ человѣкъ.

— Пустите меня!

Молча птицы летаютъ и вьются надъ камнями.

Въ озерахъ стынетъ вода.

Вытягивается на камнѣ трава и, истощенная, падаетъ.

Сгущаются сумерки.

Изъ-за горъ ползетъ пушистая тьма и расплывается по острымъ каменнымъ выступамъ.

Отъ боли глаза наливаются кровью. Плыветъ и волнуется зеленая рябь.

— Подымайся, садись на меня, и я унесусь съ тобой. Мои крылья сильнѣе смерти, мой голосъ рѣзче утреннихъ весеннихъ окликовъ!

Мелькають двѣ бѣлыя звѣзды.

Чернѣется ночь.

Холодъ протягиваетъ жесткія руки.

— Пустите меня!

Мерзлый мохъ, лишай.

Словно обожженные, скрюченные лапы съ загнутыми окоченѣлыми пальцами торчать изъ мелко-искрошеннаго бархатисто-зеленаго мяса.

Какъ согнутые стружья, рассыпаны красныя вѣнчики окаменѣлыхъ чуточныхъ цвѣтковъ.

Все покрыто сѣрымъ налетомъ, будто гнойная пѣна пробивается изъ-подъ содранной кожи.

Едва передвигая ноги, плетется человѣкъ.

На его помертвѣвшемъ лицѣ застыли мускулы.

Катится за дымомъ облаковъ тусклое солнце.

Въ сгущающемся сумракѣ мелькають двѣ бѣлыя звѣзды.

Звѣзды дрожью бѣгутъ, переливая свѣтъ.

— Подымайся, садись на меня, и я унесусь съ тобой. Цвѣты расцвѣли, слышишь!

Тлѣется мерзлый мохъ.

Вьются огни по густому туману.

Падаютъ камни.

— Пустите меня!

Снѣгомъ заносить.

Рвется въ бѣлыя окна Метель, въ крышу стучится.
А вчера еще жилъ василекъ, жали рожь, рѣка разливалась коврами.

Въ одну ночь!

Стынетъ сѣдая рѣка, судорожно плещутся волны.
Слушаешь вьюгу, молчишь, жмешься отъ холода.
Нѣтъ ужъ дороги.

Снѣгъ.

Погребаютъ, поютъ надъ тобой — —

Выходи—выходи! будемъ пѣть и въ волѣ, волѣ
утонемъ...

У васъ нѣтъ тепла, у васъ свѣта нѣтъ — — здѣсь
огонь! жизнь горитъ! и пылая, бѣлоснѣжная, вьется
безъ сна, распахнувшись, безумная...

Выходи-выходи! будемъ пѣть и въ блѣдномъ огнѣ
утонемъ...

Всѣ, кто летаетъ, всѣ собирайтесь! Умчимся далеко-далеко-далеко — —

Никто не увидитъ, никто не узнаетъ — — снѣгомъ
засыплю, вѣтромъ завѣю, поцѣлуемъ холоднымъ
имъ задушу.

Не надо — — —

Пѣсню тебѣ пропою!

Поздно.

Пропою — — —

Тишина.

Тишина, какъ ночью въ глубокой могилѣ.

Небо черное, отъ чистаго снѣга чернѣй.

Свѣчка горитъ тихо, безшумно.

Разсѣялись мысли, душа задохнулась: ничего ей
не нужно, ничего не просить она...

Только что-то живеть, все кругомъ наполняя жу-
жжаньемъ.

Это—время, равнодушное, нѣтъ ему дѣла — —
Тишина.

Тишина, какъ ночью въ глубокой могилѣ.

Пой, Вѣтеръ, пой!

Ты—старикъ, много жилъ, много видѣлъ.

Ты меня знаешь.

Вѣтеръ запѣлъ.

Долго вылъ—разсказывалъ о томъ, гдѣ леталъ,
колыбельную пѣсню мнѣ пѣлъ.

— Вѣтеръ, пропой... стоять-ли жить?

— Жить...

Вѣтеръ замолкъ.

Вѣтеръ скажетъ, онъ—старикъ, много жилъ, мно-
го леталъ.

— А-а-ахъ,—Вѣтеръ отвѣтилъ, рванулся въ окно и
въ поле умчался.

Злится мятель, все свои пѣсни поетъ и, рыдая,
хохочетъ..

* * *

Здравствуй Сорока!

Откуда прилетѣла?

Побѣлѣлъ твой передникъ, словно прилипъ къ
нему снѣгъ.

Что, Сорока, мерзнешь, тоскуешь о лѣсѣ?

Подъ моимъ окномъ... Сорока, ты дрожишь?

Спрячься подъ крышу, тамъ дождешься тепла... я
ничего не могу тебѣ дать.

Ты давно тутъ живешь, послѣ долгой зимы оживаешь и летишь, чуть пригрѣтъ весеннее солнце.

Сорока, скажи мнѣ, какъ ты выносишь морозы, научи меня, какъ учишь дѣтей своихъ... Сорока! я замерзаю.

Ничего не сказала Сорока.
Вспорхнула и съ окна улетѣла.

Зеленоватая ночь, туманная, въ колеблющихся тучахъ.

Все распускается. Замерло.

Не слышно ни звуковъ, ни голоса. Но все живетъ, завѣянное зеленоватымъ свѣтомъ.

Пройдутъ вѣка, и ничто не шелохнется, ничто не подастъ голоса.

Хочешь думать...

Безшумно встаютъ мысли, идутъ и падаютъ, сливаясь съ зеленоватымъ свѣтомъ.

И то, чего минутою назадъ такъ сильно желалъ, отступаетъ.

Съ отчаяніемъ вызываешь пережитое. И все замолкаетъ, прячется.

Упорно черезъ окно идетъ зеленоватый свѣтъ, идетъ и проникаетъ въ душу.

Не смерть, нѣтъ смерти въ этой ночи.

Тутъ жизнь погребенная, жизнь въ пропитанныхъ ядомъ тканяхъ.

Вѣчность.

Медленно впитывается отравы, медленно точить зеленоватый свѣтъ.

Вѣчность.

Это былъ самый настоящій заяцъ.

И кось какая-то чудная въ родѣ бѣльма, и прыгунъ отчаянный.

Жилъ зайчикъ, хоронясь, да оглядываясь. Все видѣлъ, все слышалъ.

Случалось медвѣжій слѣдъ нюхать, да отъ песьяго лая подѣ елкой дрожать.

Мяукалъ—страшилъ лѣсъ страхомъ.

Имѣлъ зайчиху и безчисленное множество зайчи ковъ, а гдѣ они—Богъ вѣсть.

Любилъ грѣться на солнышкѣ, зябѣ и стучалъ зубами отъ стужи, какъ-то даже отморозилъ хвостикъ.

И жить-бы ему, жить...

Да человѣкъ. Бродилъ шалый по лѣсу, замѣтилъ,—бац!

Содралъ послѣ шкуру, а мясо собакамъ швырнулъ:

— Жрите!

Я зналъ этого зайчика, ко мнѣ прибѣгалъ онъ въ суровыя ночи и рассказывалъ заячьи сказки.

Часто грезится мнѣ, прохожу я по степи луннымъ пасмурнымъ вечеромъ.

Небо ждетъ.

Дождя или вѣтра?—Вѣтеръ разгонитъ туманы, свободу дастъ звѣздамъ и лунѣ, такъ обѣщающей много...

Я иду, тревога растегъ—впереди ни огня, ни горы.

Помнишь, лежалъ еще снѣгъ, подснѣжники, помнишь?—Они давно отцвѣли.

Скорѣ иди! послѣднія пѣсни, слышишь? Это тамъ, вспоминая, поють.

А вотъ весенняя зелень, видишь, эти сухіе побѣлѣвшіе стебли, эти безцвѣтные листья.

Гдѣ вы, гдѣ?

Я иду, тревога растетъ, небо ждетъ.

Впереди ни огня, ни горы.

Въ даль поля — гдѣ съ бѣлымъ снѣгомъ, съ бѣлымъ небомъ ты заснула, туда гляжу —

Одинъ темный крестъ надъ тобой живетъ.

И мать тебѣ — земля.

Промерзшая ея грудь — неласковая мать.

Глаза Твои синіе — поблекли. И высохли губы... Онѣ призывали въ безсонныя ночи:

— Спаси меня!

Въ даль поля — гдѣ съ бѣлымъ снѣгомъ, съ бѣлымъ небомъ — туда гляжу.

— Прости меня!

Сгорѣли дрова.

Разсыпанные угли, вздыхая бѣгающими искорками жмутся другъ къ другу.

— Цикъ-цикъ, умираемъ! — слышится предсмертное слово остывающей силы.

— Шуу! шуу! дайте жизни, дайте огня, пылать, летѣть хочу-у! — зоветъ поблѣднѣвшее замурованное въ кирпичахъ пламя.

— Цикъ-цикъ, умираемъ! — цикъ! цикъ!

И молчаливый пепелъ покрываетъ потухшіе угли.

* * *

Въ блѣдномъ тающемъ свѣтѣ темная тѣнь на крыльцѣ.

Въ бѣломъ вѣнчикѣ мѣсяцъ плыветъ.

Частыя звѣзды.

А вдоль лѣса сонная туча—тяжелая самка—весенняя вѣстница.

Скрипятъ старыя сосны.

И вдругъ перекликъ пѣтушиный...

Кажется, солнце играетъ и прыгаетъ сердце—глухой малый звѣрокъ.

Лебеди, бѣлые лебеди!

Снова къ намъ, не забыли.

Отъ вашего крика, отъ шелеста крыльевъ земля сбрасываетъ бѣлую шубу.

Помните, вы улетали, и гнался за вами снѣжный буранъ.

Я провожалъ васъ.

Лебеди бѣлые!

Дни проходили въ молчаніи.

Хмурыя тучи по сердцу ходили.

Лебеди, какъ высоко вы летите...

Если-бъ и мнѣ полетѣть!

Тихая, въ испареніи льда и снѣга, затканная тусклыми звѣздами, ты, весенняя ночь, прими меня!

Въ оттаявшей землѣ кипятъ и бродятъ сѣмена.

Слетаютъ стаи птицъ на пробужденныя озера и старый лѣсъ живетъ.

— Ночь, ты слышишь?

— Ночь, моя душа тоскуеть...

Теплый безоблачный полдень.

Вотъ пошелъ островокъ, весь обсаженный въ елкахъ, рѣка затрещала.

На откосѣ пріютился одуванчикъ.

На берегу бабы шлепають валиками.

Ребятишки на качеляхъ качаются.

Летятъ гуси.

— Разъ, два, три...

Завтра пойдетъ рѣка, завтра уплыветъ черный пласть, залегшій соннымъ китомъ.

Хочется подойти и тронуть тросточкой кита. Проснется китъ, а съ нимъ и рѣка.

Ползутъ муравьи.

Ребятишки поютъ и качаются.

Идетъ пароходъ!

Надъ шипящей рѣкой, мигая, плыветъ красный и зеленый огонекъ.

Пароходъ заревѣлъ.

И проснулась рѣка, проснулся лѣсъ, проснулась земля.

У пристани толпа.

Бродятъ по трапу съ шестами длинныя тѣни.

— Работай! чалку! работай, черти!

Подплываетъ къ берегу длинная волна, разливается.

Вздрагивая, плещется канатъ.

Брызги летятъ.

А въ глубинѣ у колесъ что-то бормочетъ.

Черемуха цвѣтетъ.

Слѣды зимы ужъ заросли травой. Угнали льды на
полюсь колкій вѣтеръ.

Иду по знакомому лѣсу.

Я такъ любилъ его, изъ окна подмѣчалъ его
непогодъ.

Лѣсъ давно расцвѣлъ въ моемъ сердцѣ.

Грустно иду...

* * *

Она къ ночи пришла, блѣдная и голодная.

Пристально взглянула въ красный закатъ.

И спутники ея—стальные вихри—пустились съ
визгомъ по рѣкѣ, и по полямъ.

Взрывали рѣку, ломали лѣсъ, топтали траву.

Я слышалъ, какъ Весна, изнемогая, въ окно посту-
чалась.

И тишина настала.

И вой прорѣзалъ небо.

Метель кричала, бросая бѣлымъ снѣгомъ.

На утро выглянуло солнце.

Зима бѣжала быстро-быстро.

А вмѣстѣ съ ней бѣжали ели.

Измученныя волны обдавали берегъ сѣрой пѣной.

Цвѣты черемухи смѣшались съ снѣгомъ.

И свистамъ вторя, ржали кони, на берегу застиг-
нутые снѣгомъ.

Гдѣ были птицы?

И пѣтухи молчали.

Падаетъ снѣгъ, падаетъ тихо.

Не видно береговъ, не видно озими. Смородина
завяла.

Рѣка стальная спитъ, ей льдины грезятся.
Въ тревогѣ птицы—наохлились бѣдняжки.
И комары замерзли.

Падаетъ снѣгъ, падаетъ тихо.

Птицы перелетныя, цвѣты, довѣрчиво распахну-
шіе алыя и бѣлыя грудки, бабочки чистыя, нарядныя
въ недотрогахъ—платицахъ, жуки, гусеницы, червяки
въ атласахъ, шелкахъ, игрушечныхъ панцыряхъ,—
зачѣмъ ожили, зачѣмъ прилетѣли?

Падаетъ снѣгъ, падаетъ тихо.

А гдѣ вы, дѣти?
И только кукушка, тоскуя со мною, кукуетъ.

Вотъ и весна отцвѣла.
Такъ день за днемъ уходитъ...
Ихъ много дней, погребенныхъ подъ пепломъ.
Они—кладбище лѣса.
Кладбище лѣса.

Крестами торчатъ сѣдые стволы посѣдѣвшихъ въ
ужасѣ елей, рядомъ—прогорклые головни, дальше
обезображенный кустарникъ, и эти черные задохнув-
шіеся въ корчахъ пни.

Вотъ и весна отцвѣла.
Мелкія воды въ кружевѣ бѣлыхъ песковъ.
Даль перепѣтаго пѣнья.

Ни зова, ни зорьки.
Кладбище грезъ.

* * *

Прощайте, метели, и ты, лѣсъ и вы, вихри!
Не увижу васъ, не услышу вашего голоса.
Я въ плѣну съ вами прожилъ одинъ.

Блѣдный иней парчею лежалъ на цвѣтахъ.
Августъ шелъ по рѣкѣ, пѣнилъ синюю воду,
листья бросалъ по дорогамъ желтые, красные...
Хлѣбъ не успѣли убрать.
Мчался Сентябрь весь въ пушистыхъ снѣжинкахъ.
Рѣка куталась въ ледъ зимовать.
Бѣлая крышка покрыла мой домъ.
Дразнили метели.
Я спрашивалъ, звалъ...
Въ бѣлыя ночи падалъ снѣгъ тихо.
И раскинулось лѣто по горамъ, по лѣсамъ.
Гнѣзда пустѣютъ, сорятся.
Поляника поспѣла.
Скоро осень, метели.
Прощайте!
Не увижу васъ, не услышу вашего голоса.
Я въ плѣну съ вами прожилъ одинъ.

К о н е ц ъ.

II.

СЪВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ.

СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ.

Цѣпкій плаунъ колючими хищными лапами
ложится на темнозеленую, пышную грудь лишаевъ.
Верескъ суровый, безстрастный, какъ старикъ,
стоитъ въ изголовьѣ.
Сохнетъ оленій мохъ, грустно вздыхая,
когда вся въ изумрудахъ ползетъ зеленица.
Въ мѣдныхъ шлемахъ, алѣя тѣлами,
стройно идутъ тучи войска кукушкина льна.
А кругомъ пухомъ сѣверныхъ птицъ
блѣдно-зеленые мхи къ елямъ бѣгутъ.
Изъ трясины змѣй выползаетъ линнея
и, ласкаясь, гигантовъ лѣсныхъ обнимаетъ,
выше, выше по старымъ стволамъ пробираясь,
отравляя побѣги.
Роскошнымъ ковромъ, блѣдно-пурпурный,
будто забрызганный кровью, по болотамъ раскинулся
мертвый мохъ, желанья будя подойти и уснуть,
уснуть навсегда...
Запахъ прѣли и гнили, какъ вуаль дорогая,
покрываетъ черты ядовитыя, полная смерти.

ОМЕЛЬ и ЕНЪ.

Отъ вѣка темныхъ, безъ значенья дней,
 въ хаосѣ бурь и плавѣ жизней,
 въ какомъ-то дьявольски—запутанномъ вращеніи
 зачаточныхъ свѣтилъ и дикомъ ревѣ вихрей,
 незримо другъ для друга томились божества,
 два голубя, —
 Омель и Енъ.

И даль безгранная, и тьмы безформенныхъ созданій,
 и чары сновидѣнья, и тягота избытка власти,
 тоска невысказанныхъ словъ,
 и силъ невылитыхъ въ созвучья —
 такими адами, такими пытками
 впивались въ душу и рвали сердце,
 что волѣ божества ужъ наступалъ конецъ,
 и смерть была желанной...

Въ отчаяннѣ Енъ бѣшено метнулся
 въ потокъ дымящихся металловъ,—
 и, одинокій вѣчно, одинокаго въ полетѣ встрѣтилъ.
 То былъ Омель...

Весь обликъ полонъ неразгаданной сокрытой тайны;
 глаза печальные, глаза темнѣй временъ грядущихъ;
 движенія странныя, коснувшіяся граней иного міра...

Тогда возжглось у Ена желанье жаркое,
и смерти часть оледенѣлся.

Раскинулась отъ вѣтра и до вѣтра твердь синяя,
и звѣзды тихія затеплили въ своихъ оконцахъ глазки,
и медленно всплыло надъ зашестинившимся лѣсомъ
ухо ночи—кровавая луна,
и серебро свое разлило
по выбившимся изъ горы ключамъ,
по алчно—заструившимся потокамъ,
по глади рѣкъ и рѣчекъ зеркально-ясныхъ.
А бѣлый свѣтъ—сынъ огненного солнца,
засолотившись, осыпалъ землю бѣлыми цвѣтами,
и взоры осѣнилъ у человѣка и птицъ оголосилъ.

Енъ видѣлъ все...

Радостью безмѣрной забилося сердце.

Онъ поднялся на маковку Брусяныхъ горъ
и тамъ любовно почилъ въ величьи.

Усмѣшкой горькой встрѣтилъ Омель творенье Ена,
усмѣшкой, перелившей горечь въ грусть гнетущую.
Онъ вздохомъ тяжкимъ развернулъ болота топкія,
окрасилъ гибельною кровью мертвый мохъ,
забархатилъ, завилъ гнилые лишай,
огни обманно вздулъ средь лѣса,
пустилъ змѣю, червей, уродовъ, гадовъ
и чащи наводнилъ своей мечтой —
созданіемъ причудливымъ и легкимъ,
какъ бредъ у замерзающихъ, но не земнымъ...
И въ гложущей тоскѣ въ туманъ и мракъ забился.

Когда жъ морозы лютые сковали воздухъ,
Енъ разсвѣтилъ полнеба,
и плещущимъ огнемъ своихъ очей
взглянулъ на землю.

ПОЛЕЗНИЦА.

Она изъ золота красныхъ лучей,
овѣяна пыхомъ
полуденныхъ вѣтровъ.
Ея бурное сердце рождаетъ
кровавые знои
и жаждетъ и жаждетъ.

Рыжія дыбныя косы —
растрепанный колось!
пламенны зарницы! —
звѣздныя росы сметають,
грѣють студеность рѣчную,
душную засуху стелють,
кроя пути и дорогу
каменнымъ покровомъ —
упорной коляной корой.

Полднемъ таится во ржи,
наливая колось
янтарно-пѣвучій —
веселую озимь.
Полднемъ таится,
и ждетъ изждалася —
Уфъ! захватило —

Много мелькнуло
 цвѣтистыхъ головокъ,
 — Пойдите! куда вы?
 И тихо померкла
 говорливая тучка.

Она не знаетъ, откуда зашла
 и живетъ въ этомъ мірѣ?
 Кто ей мать
 и отецъ
 въ этомъ мірѣ?
 Она не знаетъ, не помнитъ
 рожденья,
 но съ зари до заката тоскуетъ.
 Затопила очи бездонною синью
 васильковъ своихъ нѣжно-сулящихъ,
 въ василькахъ василькомъ
 изо ржи
 сторожить.
 Ярая тишь наступающихъ грозъ
 ползла по огнистому небу —
 тамъ вѣтры, какъ псы,
 языки разметали отъ жажды.
 Въ испугѣ, пѣплясь рученками,
 въ колосья юркнуло дѣтское тѣлице.
 — Дорогой, снаглядный! —
 Она задышалась, дрожала.
 Обняла и щекочетъ — —
 Кувыркался мальчикъ
 въ объятыхъ,
 обливался кровью

и кричалъ на все поле
отъ боли.

Напрасно!
Нѣтъ утоленья, нѣтъ превращенья.
Такъ съ зари до заката тоскуеть.
И рветъ себѣ груди,
рветъ ихъ огненно-бѣлое тѣло.

О, мрачный Омель!
Туманность, вѣчно вьющая непохожія жизни!

И К Е Т А.

Кто въ морозныя лунныя ночи
 такъ жалобно стонетъ?
 Кто осыпаетъ съ деревьевъ
 иней жемчужный?
 Кто упоеніемъ—нѣгой
 льетъ тихія пѣсни?
 И бѣлыя ночи бѣлится
 и смущаетъ затишье?
 Вы, женщины лѣса,
 вы, плѣнницы Енова царства,
 вы порожденіе загадокъ Омеля,
 съ губама подвижницъ,
 верхъ сладострастья,
 бездна томленья.

Чаруйте жъ, ласкайте
 кличами тысяче-струнныхъ напѣвовъ,
 колышите волнистыя нивы
 волосъ своихъ томныхъ,
 лелѣйте мраморность ликовъ
 и сладкія груди!
 Но отчего мнѣ ясно сказалась въ припѣвѣ
 тоска безысходная,

горечь стѣсненныхъ порывовъ,
звонъ опрокинутыхъ свадебныхъ чашъ?

А Ты,
увитая дикою розой,
ясная,
Ты стоишь и нѣмѣешь...
И рыданье дрожить на устахъ,
и бродятъ потерянно влажно-озерные взоры?
Гдѣ плодъ человѣка?
Икета—плодъ человѣка и женщины лѣса.
Гдѣ твой ребенокъ?
Икета—плодъ человѣка и женщины лѣса.
Гдѣ твоя жатва?

Темно—грустящій припѣвъ.
Одиночество странныхъ.

КУТЯ—ВОЙСЫ.

Въ полночь онѣ пробудились
отъ долгаго сна и проклятыя.
Въ полночь по свѣту помчались
съ визгами, пѣніемъ, свистомъ.
Ихъ зеленые волосы въ тучахъ рассыпались,—
вьются, мячкуютъ мѣсяцъ.
Кто-то дернулъ за колоколъ.
Рвутся глухо унылые звуки.
Собрались въ хороводъ,—взялись за-руки,
и, взлетѣвъ, полетѣли,
колыхая снѣжными грудями.

Хохотъ—рыданіе.
Вой и стenanіе.
Радость побѣды.
Крики безумья.
Скорбь гробовая.
Пѣсни царей...

Идите!—Спѣшите!—
Есть много забывшихъ
кругъ своей жизни замкнуть.
Идите! Врывайтесь! Губите!
Вамъ власти мгновенье.

Полчища идутъ, метутъ.
Стая гнететь, разрушаетъ.
Въ темницѣ разсвѣтъ голубой изнываетъ.
Крестъ золотой погребенъ,
смѣхомъ засыпанъ,
въ косы замотанъ.
Одежда проклятiя сорвана съ бѣлаго тѣла
и брошена въ прорубь.

Б У Б Ы Л Я.

Въ тѣсномъ подпольѣ глухомъ, какъ гробъ, хоронит-
ся сгорбленный скорбью, навѣки безмолвный
Бубыля.

Черви и плѣсень и всякія слизи кишатъ вкругъ него
и мутятся и точатъ жилище.

Закрывайте плотнѣе двери, не говорите громко о
счастьѣ, расточайте удачу, безъ оглядки живите!

Не ровень часъ... ты счастливъ?—А онъ на порогѣ.

Слышишь, скользнуло? кто то мышью загрызся.

Безъ кровинки, какъ сумерки, сѣрый, водянистый
онъ наводитъ стеклянныя очи и смотритъ — —

Забудешь? Припомни! припомни!

Темныя мысли—что не вернется, непоправимо—

какъ черви впиваются въ сердце, тянуть всю
душу, изводятъ... мѣста мнѣ нѣтъ...

Мѣста мнѣ нѣтъ.

К И К И М О Р А.

На пѣтушкѣ воротъ, крутя курносый носомъ, съ гримасою крещенской маски, затѣйливо Кикимора усѣлась и чиститъ бережно свое копытце.

Га! приснулъ тонкій голосокъ, ха! ищи! а шапка вонъ на жерди... Хи—хи!... хи—хи! А тотъ какъ чебурахнулся, споткнувшись на гладкомъ мѣстѣ...

Влюбленнымъ намяла я желудки—Га! хи — хи — хи
Я бабушкѣ за ужиномъ плюнула во щи, а Дѣду въ бороду пчелу пустила. Аукнула—мяукнула
Оде подъ поцѣлуи, а пьяницу завѣяла кричащимъ сномъ и оголила...

Вся затряслась Кикимора, заколебалась, отъ хохота за тощіе животики схватилась.

Тьфу! ты, проклятая!—Га! ха—ха—ха...

И только пятки тонкія сверкнули за поле въ лѣсъ...
Сплетать обманы,—причуды сѣять,—и до умору хохотать.

ЗАКЛИНАНИЕ ВѢТРА.

Что ты, глупый, гудишь, вѣтеръ,
 что ты, буйный, мечешь листья,
 пляшешь, стонешь, воешь, колешь...
 Вѣтеръ, бабушка жива!

Волны въ рѣчкѣ ты взбурляешь,
 ивы долу пригнетаешь,
 ѣдкой пылью воздухъ точишь...
 Вѣтеръ, бабушка жива!

Темный вѣтеръ, ты не слышишь:
 не рыданье, не стenanье,
 пiski, визги, стрекотня...
 Вѣтеръ бабушка жива!

Успокойся, вѣтеръ горькій,
 утиши свой трепетъ звонкій,
 вѣтеръ, страшно!... заклинаю...
 Вѣтеръ, бабушка жива!

ЗАКЛИНАНИЕ ВѢТРА.

Ты скрипишь,
 Ты гудишь,
 Ты въ окошко стучишь—
 Мы окно закрыли.
 Ты въ трубѣ,
 Ты ворчишь—
 Печку затопили.
 Не стучи, ты,
 Не кличь—
 Разбудишь Наташу!
 Крѣпко пальчики сложила,
 Губки алыя раскрыла,
 Тихо, тихо дышитъ.
 Но придетъ твоя пора,
 Позову тогда тебя.
 Ты возьмешь ее на плечи,
 Унесешься съ ней далече.
 Вѣтеръ, ты ей все скажи,
 Всѣ песчинки покажи.
 А потомъ, когда вернешься,
 Свѣчи мы засвѣтимъ —
 Вѣтеръ!
 Вѣтеръ, ты уймешься!

РАЗРѢШЕНІЕ ПУТЬ.

— Иди къ намъ, бабушка, иди, пожалуйста, глянь-ка на дѣвочку: дѣвочка твердо на ножки встаетъ!

Бабушка знаетъ: съ которой веревкой дите на свѣтъ народилось, та крѣпко на крѣпко запутала ноги; надо веревку распутать—и дите побѣжить.

Старая Бойчиха знаетъ: ножъ повострѣе беречь.

Дѣвочка ручками машетъ, смѣется:—Алилей! Алилей!—ротикъ зубатый—зубастая шучка твердитъ—тараторитъ—

— Да стой же, кукушечка, стой!—и тянутся жесткіе пальцы къ рубашкѣ, зацепила старуха за воротъ, разрываетъ тихонько— —

Заискрились дѣтскіе глазки отъ блеска, свѣтится тѣлице.

Бабушка знаетъ, видитъ веревку, шепчетъ заклятье и рѣжетъ— —

— Пунтилей, Пунтилей, путы распутай, чтобъ ходить по землѣ и прыгать и бѣгать, какъ прыгаетъ въ полѣ звѣрь полевое, а въ лѣсѣ лѣсное. Сними человѣчье проклятье съ младенца...

И дѣвочка ножками топъ-топъ топочетъ, вотъ побѣжить... не поспѣтъ и сѣрому волку.

— Бабушка, бабушка, ты и тамъ за плечами распутай, чтобы летала...

Старая Бойчиха шепчетъ, ножикъ горитъ подъ костлявой землистой рукой. Дѣвочка вся задрожала — —

— Будетъ летать.

ПЛАЧЪ ДѢВУШКИ ПЕРЕДЪ ЗАМУЖЕСТВОМЪ.

Высокое солнце, плавающее въ синихъ сумрачныхъ
рѣкахъ небесъ, гдѣ волнистыя поля облаковъ
неизмѣнно бѣгутъ,

И ты, озаряющій землю, сынъ солнца,—бѣлый свѣтъ.

И ты, медленно восходящее надъ землею, ухо ночи,—
красная и блѣдная луна, слѣдящая за страшны-
ми буранами, за ростомъ травъ и мховъ, за шу-
момъ лѣса, за плескомъ рѣкъ, за сномъ людей,

И ты, разноцвѣтная радуга,—быкъ, пасомый луной
на небесныхъ поляхъ и жаждущій рѣчной
воды,—

Молю васъ, увѣйте меня съ головы до ногъ сво-
ими чарами;

Пожелайте счастья мнѣ отъ великаго недоступнаго Ена,
сколько весеннихъ звѣздъ;

Пожелайте счастья мнѣ отъ свѣтлаго востока,
сколько бѣлыхъ цвѣтковъ земляники;

Пожелайте счастья мнѣ отъ синихъ сумерокъ запада,
сколько лепестковъ дикихъ розъ;

Пожелайте счастья мнѣ отъ ледяного сѣвера,
сколько зеленыхъ цвѣтковъ смородины;

Пожелайте счастья мнѣ отъ твердой земли,
сколько есть высокихъ травъ и разноцвѣтныхъ
мховъ;

Пожелайте счастья мнѣ отъ волнистыхъ водъ,
сколько страшныхъ рыбъ на глубокомъ днѣ;

Пожелайте счастья мнѣ отъ дремучихъ лѣсовъ,
 сколько скрыто тамъ свободныхъ птицъ;
Пожелайте счастья мнѣ отъ темнаго бора,
 сколько зрѣетъ ягодъ тамъ:
Пожелайте счастья мнѣ отъ топкихъ болотъ,
 сколько высокихъ сосенъ стоитъ кругомъ —
Я, какъ чайка, бросаюсь съ волны на волну, и плачу
 и зову васъ,
 тайны міра и жизни, скрывающія судьбу мою,
Пожелайте счастья мнѣ!

ЛЕПЕСТОКЪ.

На мой столъ упаль лепестокъ.

Бѣжали тучи, ворчали послѣднія темныя молніи.
Поблѣкшій блѣдный лепестокъ...

Я разсматривалъ его, вспоминалъ цвѣты, но имя
цвѣтка, отъ котораго онъ оторвался, я не зналъ.

— Если бы собрать твоихъ подругъ, такихъ же
унесенныхъ вѣтромъ...

Лепестокъ свертывался, темнѣлъ.

— Завтра тебя не станетъ,—и я ласкалъ и ти-
скалъ его и вдыхалъ угасающій запахъ.

И вдругъ вспомнилъ.

Цѣпкая боль поползла по сердцу и уходила въ
кровь, въ глубь крови.

— Зачѣмъ напоминать? Ты—послѣдній, зачѣмъ
напоминать!

И, цѣлуя поблѣкшій лепестокъ, я разорвалъ его.

КЛАДБИЩЕ.

Пообѣденное лучистое солнце неугомонно-порывисто дышитъ на пробуждающуюся землю.

Надъ головой, въ густой теплой сини, вереницы птицъ.

Подъ ногами ярко-зеленые нетронутые побѣги первыхъ травокъ.

А рѣчное царство — голубое поле, изборожденное золотисто-отливными волнами, растетъ съ часу-на-часъ и осаждаеть берегъ, беретъ острова, подходитъ къ лѣсу и, врѣзаясь въ глубь лѣса, плыветъ тамъ бурливо среди старыхъ, зачерствѣлыхъ елей по хрустящимъ мхамъ и медвѣжьему слѣду. Къ вечеру, на ало-пурпурной зарѣ, рѣка займетъ отъ края и до края всю полосу, залется дальше въ пунцовый теремъ солнца, подъ разноцвѣтно-облачную вырѣзную кровлю.

Такая поднялась повсюду жизнь: и въ темныхъ покосившихся дряхлѣющихъ избушкахъ, и по дорогамъ — еще сырымъ и вязкимъ, и по дворамъ, и въ моемъ сердцѣ...

Кто это музыку разлилъ подъ лазурнымъ сводомъ, звучащую ширь глубокой грусти — кто это глядитъ влюбленно съ каждой земной пяди?

* * *

Миновавъ сѣрый частоколъ острога, поле ласковой озими, я спустился подъ гору и вышелъ къ кладбищенской оградѣ.

Цѣлый цвѣтникъ крестовъ встрѣтилъ меня, весело перемигиваясь.

И мшистые надгробные ящики, какъ старики, загораживаясь ладонями отъ солнца, зацурились.

Поодаль, у свѣже-желтой могилки, гдѣ одиноко стоитъ тесовый крестикъ, копошится живой цвѣтникъ дѣтскихъ глазенковъ, дѣтскихъ рубашечекъ, дѣтскихъ головокъ.

А на зеленой кровлѣ бѣлой церкви старая ворона — нянька чиститъ лапкой свой затупѣлый клювъ.

И высоко, выше церкви, выше колокольни — шумящіе, развѣсистые кедры.

Лѣсъ зеленыхъ хвой разыгрываетъ на своихъ мягкихъ травинкахъ странныя пѣсни: похоронныя въ колеблющихся огняхъ рвущейся бури, порывъ — пѣсни тихаго плача...

По цѣпкимъ корнямъ, завязвающимъ въ гробахъ, всасываясь, ползетъ вверхъ въ стебли кровь и мозгъ мертвецовъ.

Я стою подъ пышными кедами, прислушиваюсь къ ихъ перемѣнчиво-шумящему голосу, залитому зардѣвшимся лучемъ запыхавшагося солнца, а въ золотѣ капелекъ-струекъ рождаются тысячи жизней.

Или это моя пѣсня?

Подгниваютъ кресты, послѣдняя память мѣшается съ пескомъ и щебнемъ, а вѣковѣчные зеленые кедры, не переставая, шумятъ и шумятъ, какъ эти дѣти, кедры зеленые...

Обрывисто-нехотя ударили на колокольнѣ въ малый колоколъ.

И мимо меня, спѣша, прошла краснощекая женщина въ ярко-кумачномъ платьѣ, простоволосая, а на

рукахъ у нея покачивался невыкрашенный гробикъ ребеночка съ восковымъ личикомъ и полураскрытыми желающими губками.

— Христось воскресъ! Христось воскресъ!—выкрикивали тоненькими голосками ребятишки, вприпрыжку догоняя гробикъ.

На колокольнѣ звонили.

Шумѣли кедры.

Пробивался издалека внѣпрепонный гулъ половодья.

ЧАЙКА.

Я стоялъ на берегу шумящей рѣки.

Я глядѣлъ въ даль, гдѣ волны лизали тучи и, выныряя, пробирались по небу изголодавшимся стадомъ.

Посреди рѣки, противъ моихъ глазъ, возвышалась облачная скала, живая, безъ конца, безъ начала.

Вверхъ и внизъ шли по ней вереницы людей, закутанныхъ въ тяжелые саваны.

Люди восходили ясными съ глубокаго дна и сѣрыми спускались въ сѣрия волны.

И съ каждымъ разомъ темнѣла рѣка.

И съ каждымъ разомъ вырѣзалась и подсѣкалась скала.

И вдругъ колыхнулось безшумное облако и съ крикомъ тысячи задавленныхъ желаній разошлось.

И только откуда-то взявшаяся чайка пустилась въ страшную даль.

Вѣще мелькали бѣлыя крылья.

Чайка летѣла... стала тающимъ хлопкомъ мокраго снѣга, стала бѣлой искоркой... пушинкой.

И тогда охватилъ меня страхъ: казалось, отлеталъ вмѣстѣ съ ней послѣдній мигъ моей радости.

РАДУГА.

Въ загустѣвшемъ матово золотомъ воздухѣ съ разсвѣта рѣяла сиреневая капелька-птичка, беззаботно переговаривая свою незатѣйливую пѣсенку.

Толклись безъ устали неугомонные толкачики.

Бѣловатыя балованныя тучки, бродившія дремно по востоку, протянули полднемъ пуховыя руки, схватились и, ластясь другъ къ дружкѣ, поплыли.

И зарычали напряженно-нѣмыя сумерки протяжно и глухо.

И упали душистыя капли... западали быстро и шумно.

Это она шла, трубила въ свой оленій рогъ,—Весна шла во слѣдъ разыгравшемуся нѣжному стаду барашковъ, Весна съ лицомъ Бѣлой Ночи, въ вѣнкѣ бѣлыхъ цвѣтовъ лѣсныхъ ягодъ, увитая съ головы до ногъ пѣнящимся кружевомъ бѣдныхъ мховъ.

Дождикъ, дождикъ, перестань!

Мы поѣдемъ въ Аристанъ;

Богу молиться,

Христу поклониться

—выкрикивали ребятишки, притопывая босыми ножками и вытягивая загорѣлыя рученки подъ улыбающіяся дождевыя капли—цвѣтывесенніе...

Я поднялся на высокій берегъ съ крутымъ спускомъ къ затихающей рѣкѣ.

Грѣетъ омытое яркое солнце.

Сквозь тающую тучу врѣзается въ рѣку широкая радуга—Быкъ-Корова, выгнанный на водопой послѣ долгой зимы, пестрый Быкъ-Корова съ небесныхъ полей.

Внизу, подо мной, у дверей покачнувшейся старой престарой избушки, промокшей подъ пологомъ, стоитъ, прислонившись къ косяку, бѣлый Водяной весь заросшій луневой бородой, стоитъ Водяной въ длинной бѣлой рубахѣ, препоясанный серебряными кольцами, и не спускаетъ глазъ съ юрко-шныряющей черной лодки, гдѣ усьлись два Лѣсныхъ человѣка съ вывороченными пятками.

— Бѣлый!—звонко закричалъ Лѣсной человѣкъ, и надъ его вздрагивающей бронзовой спиной взвилась серебристая рыбища.

— Червей подложи!—взвизгнулъ другой и закурлыкалъ.

— Го-го-го-го-го-го-го...

Въ даль затопленного острова улетаетъ быстрая лодка, тѣсно переполненная женщинами въ бѣлыхъ, раздувающихся платкахъ, а множество взмахивающихся веселъ блестятъ-играютъ, точь-въ-точь забрызганныя крылья чаекъ.

Что это?—и жалобный крикъ-окликъ, и взрывчатый хохотъ, и приплясывающая, топчущая воркотня-пѣсня?

Это—Лѣсныя женщины, одинокія, безутѣшныя чайки ищутъ-летаютъ, это—дѣти бѣгутъ на перегонки по мягко-зеленой тропкѣ въ опаловыхъ росинкахъ,

это—дѣти ползуть и летять подѣ откосѣ къ тихой голубой рѣкѣ, это—бабочки, жуки, муравьи, гусеницы,—въ цвѣтистомѣ нарядѣ, въ шумѣ, жужжаньи стрекотнѣ, птичьемѣ лепетѣ...

Чья то шапка бултыхнулась въ воду.

— Га! ха-ха... ха-ха-ха-ха...—загоготала Кикимора, И! какой гамъ, сколько взъерошенныхъ головокъ. плесковъ, хрустальныхъ брызгъ, мгновенныхъ слезинокъ...

А вотъ и мохнатый Лѣшакъ съ еловымъ лицомъ.

— Здорово!—ухмыляясь, сжимаетъ онъ руку своей смолистой рукой,—и ты пришелъ, то-то, а зимой и ввѣкъ не заглянешь, то-то!—и ковыляетъ Лѣшакъ внизъ къ рѣкѣ.

Рѣка—небо безбрежно-чистое—и плыветъ и покоится.

Уйдутъ забытыя тучки, не успѣвшія разсыпаться по землѣ свои дождинки-лепестки, спадетъ дневная теплынь, и рѣка загустится, и скользящія лодки—остроносые черныя рыбки—станутъ оставлять синеватый слѣдъ, какъ бы движеніемъ своимъ снимая густыя румяныя сливки.

А край неба и востокъ покроются ало-пурпурной шелковистой тканью, и будутъ наливаясь, рдѣть пока не дыхнетъ бѣлая безъ сумрака ночь, и не зарябится голубой островокъ зеркальной воды,—тогда западъ сольется съ востокомъ въ дымящемся густомъ пурпурѣ, и по всему небу раскинутся малиново-золотистые лучи, и червонно-золотое солнце глянетъ на свѣтъ Божій.

— Го-го-го-го-го-го-го-го...

Взадъ и впередъ юрко шныряеть черная узкая лодка.

Лѣсные человѣки наклонились на бортъ и тащуть изъ воды огромную удочку съ полѣномъ вмѣсто поплавка.

Высунула Бабушка изъ низкаго оконца суковатое прокопченное лицо, скалить отъ солнца длинные зубы.

— Бѣгай ты, башмаковъ издерешь, на недѣлю не хватить!—ворчить старая на рыжеватую дѣвчушку съ рѣчными глазенками.

А внучка заливается, и не унять ее.

Одинъ за другимъ, одинъ за другимъ бѣжить дѣтвора и машетъ рученками, и кричить, и дерется.

И среди этой пестрой болтающей мелкоты стою и грѣюсь, дышу—не отдышусь...

И чувствую, вотъ взовьются и у меня крылья, и я полечу высоко, къ ралугѣ — къ Быку-Коровѣ небесныхъ полей.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Весь горизонтъ багровый, опущенный пурпурнымъ покровомъ.

Изъ-за рѣки—въ ней нѣжный свѣтъ рождается влюбленныхъ зорь—кресты маячатъ зеленыхъ елокъ.

Небо—жерло желтаго, густого свѣта.

Темь—скрытница летаетъ гдѣ то далеко за лѣсомъ.. тамъ тоскуетъ.

Распаханы поля.

Взошла ужъ озимь; въ пряталки играютъ васильки.

Островъ, затопленный широкимъ половодьемъ, теперь нарядный, въ цвѣтистыхъ мхахъ и иммортеляхъ.

Тяжелый мѣдный свѣтъ.

Застыло время.

И полночь съ полднемъ шепчутся.

Ночь моя. бѣлая...

Весь горизонтъ багровый, пылаютъ двѣ зари, имъ страха нѣтъ.

На свѣтъ свѣчи летятъ ко мнѣ, ширяются ночные мотыльки. Летятъ и тащутъ: золотисто - румяную тучку, голубую сѣть вешняго воздуха, алмазный слѣдъ

росяныхъ поцѣлуевъ, ворчливую радугу пѣны, лепетъ
малютки, пропавшія думы замерзшихъ...

Скорѣе, скорѣе!

Васъ зной изсушать, измочать дожди, снѣга
поставятъ заставы.

Рдѣются, ширятся безстрашныя зори; колеблется
ненужная свѣча; летятъ на свѣтъ ночныя мотыльки.

Запѣлъ пѣтухъ.

Заря—огонь. Окно горить.

Ночь моя, бѣлая...

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Она приснилась мнѣ, бѣсноватая декабрьская ночь
 Она мчалась мимо окна безконечная, царапала
 стекла, засыпала домъ, и гудѣла.

Собирались непокорные духи, шептались по угламъ,
 тушили свѣтъ.

О чемъ они шептали, бѣлые, непокорные?
 Ихъ много, а я одинъ.

Я бросился къ окну.

А въ окнѣ свѣтъ. Боже мой! такъ много свѣту!

Зори, тысяча зорь обнялись по всѣмъ вѣтрамъ въ
 трепетѣ—дождѣ лепестковъ дикихъ розъ.

Это хлынули изъ береговъ на землю алая моря,
 и наступилъ потопъ безгрѣшной крови.

На островѣ, вчера не видномъ, теперь зеленомъ,
 стояла дѣвушка озябая—снѣжинка на вешней озими.

Задумчиво смотрѣла за лѣсъ, за зори.

Чуть дымная одежда легкая ласкалась къ ея тѣлу,
 а въ взбитыхъ овсяныхъ косахъ роса играла.

Было тихо на землѣ, и тамъ на небѣ неслышно
 вскипало золото и красные лились потоки.

И встрепелулась.

Упали ткани.

И пошла преображенная и яркая по синезаря-
 бившейся рѣкѣ, какъ тигрица, какъ ангель.

И побѣжали съ береговъ туманы, защебетали птицы, и вспыхнули слѣды переливные, и потянуло запахомъ нескошеннаго луга...

Звения бубенцами, мимо окна прошло бѣлое стадо нѣжныхъ барашковъ.

Глухо зазвучалъ за лѣсомъ оленій рогъ.

А на берегу, плескаясь, стоялъ кудластый мальчѣнка Степка и, затарачивъ рубашенку на самые глаза, глядѣлъ на солнце.

Солнечно звонили къ обѣднѣ.

ИВАНЪ-КУПАЛЪ.

— Дядя, цвѣточекъ!

И на разные лады хохотъ: тутъ и щекочуть кого-то, и кто-то, запыхавшись, порывается говорить, и прерывные смѣхи-всхлипы, и серебряныя капельки звенящихъ звуковъ, рвущихся изъ широко-разинутыхъ ротиковъ.

Впереди Костя, кругленькій, въ красной рубашечкѣ.

Онъ остановился, изъ смѣющихся губокъ сверкаетъ единственный молочный зубокъ.

Онъ кричитъ мнѣ, его пухлыя ручки крѣпко сжимаютъ смятый, затасканный василекъ.

— Дядя!—и затоптался—побѣжалъ.

А за нимъ вприпрыжку тоненькая, черномазая Манька въ голубомъ платицѣ съ пучкомъ кашки, коротышка Нюрка, взлохмаченная, въ красной кофточкѣ, съ золотыми одуванчиками, курносенькая Еля въ сиреновой блузкѣ, съ блеклыми фіалками, визгунья Катя, загорѣлая до черноты, съ земляникой, бѣленькая Таня съ вѣткою дикой розы и Ванька и Колька...

Вѣнки, вѣнки цвѣтовъ!

А сзади бабушка Васильевна въ табачномъ, изстиранномъ платкѣ, темная. Обыкновенно такая ворчунья, а теперь добрая. Беззубыя губы къ ушамъ развѣхались, затихло ея вѣчное: «тише, тише, сквер-

ный мальчишка, выдеру, смѣй ты у меня!» Въ рукахъ вѣникъ наполовину изъ желтыхъ цвѣтковь купальницы.

Точно огромный цвѣтной вѣникъ, снуютъ они, подвигаются.

Берегъ загораживаетъ, больше не видно.

Только всплескъ голосовъ долетаетъ.

Ишь! какъ Катя заливается:

Мальчикъ-съ-пальчикъ, а дѣвочка съ мизинчикъ.

Поѣхали съ орѣхами, поскакали съ табаками.

Мальчикъ-съ-пальчикъ...

Въ раскрытое окно влетаютъ-вылетаютъ комары. Они вездѣ: подъ потолкомъ, въ углахъ, надъ головой. Они поютъ однотонно-тонко, безконечно.

И небо и вода—недвижныя: отдыхаютъ, должно быть; а солнце такъ высоко: не то за самымъ за седьмымъ небомъ, не то нырнуло отъ жары куда подъ вербы и сидитъ тамъ, нѣжится въ прохладѣ ласковой.

У кр ыльца, уткнувшись мордой въ сѣно, спитъ—вздрагиваетъ лошадь. Недавно еще дѣти гладили и подползали подъ нее и хватали-теребили хвостъ и холку.

Костя говоритъ: «конь кусается»,—а у этого коня и зубовъ-то нѣтъ...

Въ блѣдно-зеленомъ взбитомъ сѣнѣ выглядываютъ присиженные купальницы, точно прищуренные глазки—маленькія, желтыя птички.

Дуновенье скошенныхъ луговъ.

Плескъ освѣжающей бѣло-голубой волны.

Греза полусоннаго немеркнушаго заплдня, теплаго и такоаго вѣрнаго...

Остроухая, шаршавая собаченка проводила дѣтей, зѣвнула и, свернувшись калачикомъ, задремала у бревенъ: день-то деньской набѣгаешься, да и подъ вечеръ таякать опять же.

* * *

Ни души кругомъ, всѣ теперь на рѣчкѣ.

Вѣнки въ воду закидываютъ.

Вдругъ блѣдное личико мелькнуло предъ глазами, мелькнуло и пропало.

— Паранька, ты что?

Большіе свѣтлые глазки глянули на меня, грустящіе не по дѣтски мучительно, свѣтлые.

Прижавшись подбородкомъ къ подоконнику, застыла дѣвочка въ истертой плисовой кофточкѣ, въ валенкахъ.

На ковылевой головкѣ бѣлый платокъ, и личико болѣзненно бѣлое.

— Что жъ ты съ дѣтьми не пошла?—И цвѣточка у тебя нѣтъ?

Паранька вскарабкалась на окно и, усѣвшись, заболтала ногой.

Я оглянулъ мою комнату запыленную, низкую, темную.

А глаза дѣвочки глядятъ — загадываютъ туда за лѣсъ, за рѣку.

А раньше такая веселая...

— Я тебя, Паренька, съ собой возьму, дай срокъ, возьму на руки и унесу, ни одного человека тамъ

далеко-далеко, и никто не обидитъ тамъ, найду я такое...

— Испугалась! — зашептала вдругъ дѣвочка сухо однѣми губами и вся сжалась, а руки крѣпко впились въ подоконникъ, словно надвигалась послѣдняя минута, и тысяча рукъ со всѣхъ сторонъ колотили ее въ спину, и въ грудь, и тысяча голосовъ съ гиканьемъ, хохотомъ травили ее, и не было на землѣ клочка такого, гдѣ бы схорониться можно.

Отточенными ногтями длинными, лютѣй когтей, кольнули руки мое сердце.

Какая-то птичка, вспорхнувшая на бревна, крутя тревожно головкой, одиноко чирикала-кликала...

— Испугалась!

И вдругъ, какъ кошка, спрыгнула Паранька и канула.

Пахнуло сыростью.

На порогѣ стоялъ гость.

Мутные страдальческіе глаза искали.

— Здравствуй! — сказалъ Иванъ Степановичъ, запахнулся и сѣлъ.

Лицо испитое, изболѣвшееся.

Закурили.

Иванъ Степановичъ пошарилъ въ карманахъ, вытащилъ осколокъ кости, потомъ запустилъ руку поглубже, вытащилъ пузырекъ.

Открылъ пробку, высыпалъ на ладонь горстку сѣровато-блестящаго песку.

— Вотъ,—сказалъ онъ глухо,—амальгамный должно... Ночь напролетъ рылся, въ самую глыбъ нырять, жила розсыпей.

Онъ глядѣлъ пыливо, и таяла страшная тоска, а перепугъ ширилъ зрачки.

— Непромытое, видно,—не глядя, отвѣтилъ я.

Горько и презрительно скривилъ губы:

— Амальгамное, говорю, жила розсыпей самородныхъ, вотъ что!

Онъ поднялъ лоскутокъ бумаги и чуточку ссыпалъ:

— Можетъ, пудъ какой схороненъ непромытаго твоего.

Онъ глядѣлъ теперь гордо и снисходительно:

— А это мамонтъ, клыкъ допотопный.

Ржавая позеленѣвшая кость вертѣлась между пальцевъ.

— Да ты слѣдь-то видишь, видишь пласть отщепился?

И принялся подробно рассказывать о своихъ поискахъ, какъ по ночамъ въ рѣкѣ сидитъ, какъ по берегу роется.

— Сживутъ они меня: вчера вотъ бѣлымъ подходило и какъ комаръ: зу-зуу—зуу-зу...

Я молча разсматривалъ золотой песокъ и кость мамонта.

— Они все знаютъ, — продолжалъ Иванъ Степановичъ, — знаютъ и чувствуютъ. И сила ихъ въ томъ. А мы что? — и знаемъ немного, а того меньше чувствуемъ. Но дай срокъ, нырну я въ самую глубь, найду я такое...

* * *

Въ алую рѣку за золотой, рѣзной берегъ сѣло томно-слѣдящее, густо затканное красными камнями солнце.

Потянулись и столпились по его слѣду полныя раздумья черныя облаки и тучки красныя.

Гдѣ-то за рѣкой у вспыхнувшего огонька затыкала собаченка глухо, безтолково.

Нахмуренный дремный лѣсъ наострилъ несмыкаемый ночной глазъ.

Скорбная луна, покинутая своимъ свѣтомъ, медленно всплывала на крестъ колокольни.

Мы повернули за холмъ и пошли вдоль берега.

По рѣкѣ плыли вѣнки и вѣники на половину изъ желтыхъ цвѣтковъ купальницы, плыли въ холодное море, вѣще-счастливые.

Навстрѣчу намъ топотались—бѣжали дѣти; разгоряченные личики ихъ смѣялись, а впереди, прижимая руку къ груди и наклонивъ голову къ землѣ, бѣжала Паранька.

Дѣти кричали:

— Крыса сѣдая! крыса сѣдая!

И острый камушекъ скользнулъ по моей груди.

Бабушка Васильевна едва плелась, но была такая же добрая, еще добрей: вѣникъ ея не утонулъ.

А мы уходили все дальше.

Отъ дѣтей стоялъ столбикъ пыли, и луна была куда выше креста, съ каждой минутой ликъ ея таялъ и отъ бѣлаго свѣта обнимающихся зорь печалился.

— Вотъ тутъ,—шепнулъ Иванъ Степановичъ, — онъ вытащилъ изъ подъ полы вѣнокъ и, показавъ на темную вздрагивающую всду омота, бросилъ:— на тебя.

И вѣнокъ завертѣлся, запрыгалъ, потомъ глубоко скрылся и снова выплылъ, выплылъ и канулъ.

А изъ кустовъ глянули на меня большіе, свѣтлые

глазки, грустящіе не по дѣтски мучительно, свѣтлые.

И тамъ, гдѣ толпились черныя облаки и красныя тучки, взрывомъ нѣмой нестерпимой обиды полыхали сухія зарницы.

И была тишь кругомъ предгромная.

III.

І У Д А.

І У Д А.

О горе горькое дерзнувшимъ...
поднявшимъ руку
въ недвижности послушной,
разбившимъ сердце
о камни граней,
и плодъ отвѣдавшимъ запретный,
и падшимъ замертво
къ подножью тайны.

О горе горькое...
Пусть лучше бѣ матери остались безъ за-
чатья!

Не стать на стражѣ
думы своевольной,
молчаньемъ разъярить грозу,
улыбкою отвѣтить на обиду,
стереть законъ порывомъ,
убить всей жизни домоганье,
оклеветать видѣнье ясное,
предать, любя...

Непопранной проходить только косность,—
хотящимъ
воздухъ препоны ставить.

Ступай на осмѣянье!
Ступайте на позоръ!
Отточится душа бѣлѣй кинжала,
пронзить вѣковъ твердыню
и въ даль безвѣстности уйдетъ
властительно—чужой, великой,
и тамъ займется пожаромъ молній,
повиснетъ въ тучѣ туманно-тяжкой
стоячаго дыханья клеветъ-навѣтовъ.

О горе, горе!
ѣдность казни.
Костры позоровъ.
Людская слава.

Паутинно-пурпурное небо небесныхъ ве-
черень

теплую тишь овѣвало
звѣздами—
цвѣтами.

По камушкамъ бисерно-розовымъ дороги
полночной

надъ моремъ луна выплывала
покорная—
мáрная.

Тѣни деревьевъ въ шумахъ заснувшихъ,
чернясь, насыщались, какъ трауръ нарядный
души одинокой.

Въ тринадцать одинъ,
всѣхъ ближе къ Первому,
для Перваго толпой затертый,
понуро-сгорбленный,
таясь, какъ самый вѣрный,
Иуда скованно снуетъ свою тоску.
Тѣхъ голоса, какъ ржавыя веревки,
назойливо свистятъ, скрипя
о колотящееся сердце
наполненной груди, гдѣ отзвуки
выбрасываютъ желанья
растерянно,
запуганно,
ревниво...

«И иже аще мене ради
погубить свою душу
обрящетъ ю»,

Обезображенная голова Пророка,
живая, привидѣніемъ вставала.
Потупленные тьмою очи
струили тяжкую кровавую мольбу.

Крикъ проклятыхъ свиней изъ Геркесина
звенѣлъ чугуннымъ звономъ
по упоенью—вздохамъ
нивъ лѣнящихся,
на торжищахъ гнусливыхъ
и въ пѣньѣ Плѣна.

Морскія волны пѣнились,
рвались за ночь, за небо
пучинныя,
безвзорныя...
И бѣлая стопа легка,
какъ пожеланія,
ступала по груди клочущей,
и слѣдъ,
рябься,
сіялъ...

Навзрыдъ рыдали
въ смятенѣ стѣны Іаира,
и тлѣніе ползло, какъ ураганъ...
Но мертвый
только спалъ.

* * *

Грядеть! Грядеть!
Благословенъ Грядущій!
Осанна въ вышнихъ!

Какъ пыль, метется
тупая чернь,
бичами хлещетъ
сіянье тайны.
Безсмысленныхъ головъ киванье
и рукъ простертыхъ привѣтанье—
маякъ на морѣ,
верста въ дорогѣ,
крестъ перекрестный.
Какъ царь ступаетъ,
ногами топчетъ
кричащій камень.

Оно свершится:
предстанутъ сонмы
разяще-красныхъ
мечей порфирныхъ;
на горизонтѣ синемъ
отверзутся ступени
пожаромъ страшнымъ;
прорѣжутъ землю
набатовъ темнымъ.
Оно свершится:
настанетъ царство
надъ царствомъ золотое

неизрѣченной силы,
неслыханныхъ желаній.

Грядетъ! Грядетъ!
Осанна въ вышнихъ!

Темъ буденъ засыпаетъ
по стоптаннымъ дорогамъ,
Исусъ въ одеждѣ смертныхъ
блѣднѣющихъ предчувствій
бросаетъ городъ.

Надъ городомъ мерцанье
скользящей молви;
и шопоть страшный
людского гнѣва,
и рокотанье
грядущей смерти...

Въ лобзаньяхъ тлѣна,
закушенный червями,
съ очами ада,
сегодня Лазарь
въ весельѣ жизни.

Стукъ Рима громче,—
глуше гнеты порабощенья.
Бурлящей смуты гласъ
и гласъ пророковъ.
Безлунныхъ сумерокъ
безгрезная печаль.

* *
* *

Ночь напролетъ,
глазъ не смыкая,
искалъ Іуда
надъ моремъ вѣщимъ
думъ кипящихъ.
Весь содрогался
въ огнѣ мечтаній
и разрушался
полъ гнетомъ пѣннымъ
зловѣщаній.

—осудятъ на смерть—
—въ Іерусалимѣ —
—осудятъ Бога, —
—какъ Адама —

Но голосъ гдѣ-то,
какъ взрыдъ прощальный,
судьбой рыдаетъ:
«Единъ, единъ отъ васъ»...

По утру, возвращаясь въ городъ,
взлалъ Христось.
Смоковница пустая
не пріютила.

Тогда отъ слова
зелень листьевъ,
шурша,
свернулась.

И чернота проклятья
изъѣла сѣмя.

«Аще вѣру имате
и не усумнитесь
не токмо смоковничное сотворите»

Продажнымъ строясь,
какъ предатель,
замкнуто — тупо,
лукавства полный,
и озираясь,
и выглядая,
весь въ ликованьѣ,
клубящемся подъ броней,
и въ бронной вѣрѣ,
нежданнымъ другомъ
Искаріотъ вступаетъ
въ жилище вражье.
И тамъ, торгуясь,
въ шпионской маскѣ
Неоцѣненного цѣною мѣритъ...

* *
*

О. Господи,
я предавалъ Тебя...
Пыталъ терпѣнье
въ исканьяхъ тщетныхъ.
Хотѣлъ встать на судьбу пятою,
расшатать,
поправить что-то...

И столько разъ,
 любя и вѣря,
 тяжелымъ словомъ
 оскорбленье бросалъ за оскорбленьемъ
 и наносилъ любви желанной
 а раной рану.
 И вдругъ очнувшись,
 топталъ поруганное сердце.

* *
 *

Тринадцать тайно
 въ домъ человѣка
 сошлись на праздникъ
 и возлежали.
 И вечеръ вѣщій
 вѣялъ вѣстью
 грядущей муки.
 И омовеніемъ Христосъ готовилъ
 къ раскрытью тайны.

«Аминь, аминь, глаголю вамъ
 единъ отъ васъ
 предастъ меня».

Іоаннъ, прижавшійся
 къ груди Христовой,
 —Кто есть о Господи,—глагола.
 И, обмокнувъ кусокъ,
 Христосъ Іудѣ подалъ...
 «Еже твориши,
 скоро сотвори».

И вышелъ вонъ
тогда Іуда
въ смущеньѣ странномъ
передъ всезнаньемъ
и восхищенный
предъ избраньемъ.

Ночь туманомъ зимнимъ
черной каплей —
слезой холодной
дробила нѣжность аромата
цвѣтовъ поблеклыхъ.
Предпраздничная тишь
и выжиданье
стояли, затаивъ дыханье,
на сторожѣ
часовъ бѣгушихъ.

«Отче! пришелъ часъ,
прославь сына Твоего,
да и Сынъ Твой
прославить Тебя»...

Оружіемъ, толпа, бряцая,
залитая ворчливымъ свѣтомъ
свѣтильниковъ дымящихъ,
ворами крадется
за стынущей Кедронъ
къ аллеямъ никлымъ,
впивающимъ страданье
неотвратимой Чаши...

Съ горящимъ взоромъ ожиданья,
какъ къ сыну мать,
алканье къ звону,
къ Христу подходитъ
Іуда вѣрный.
И, припадая къ устамъ любимымъ,
любви устами
путь открываетъ
къ побѣдѣ горней...

Равви! Равви!

Покорнымъ звѣремъ
и кровожаднымъ
толпа свой кругъ
непроходимый кружить...
Поетъ бряцанье,
чадъ чернится,
тѣла смыкая,
слѣды ровняя
шаговъ спѣшащихъ.

Пѣтухъ трикраты возвѣстилъ
зарю ненастья.
Раздумныя пробрались облака
по сѣти сѣрой
на тронъ разрушенный восхода.
И бѣлый свѣтъ мелькнулъ
и сталъ расцвѣтаться
по небу,
по землѣ,
всѣ тайные углы свѣтя

и раздирая слипшіеся рты
сонливой совѣсти.
Огни костровъ, старѣя, меркнутъ,
и Петръ ушелъ отъ Каіафы,
въ тѣняхъ презрѣнья,
униженно-согбенный,
цѣпляющимъ раскаяньемъ
надрываясь.
Послушная толпа
избитаго Христа
къ Пилату повела.

* *
*

Равви! Равви!

Одинъ Іуда...
Съ тоскою страшной,
страшнѣе пытки.
Бѣлый свѣтъ
точить,
точить
душу.
Разсвѣтъ не посулить,
разсвѣтъ лишь распахнетъ Ничто
на мѣстѣ Рая.
О, этотъ свѣтъ точащій!

Всѣ проглядѣлъ глаза,
искалъ узрѣть сіянье,
ночь разсвѣчалъ
и въ тишинѣ дрожащей,

впивая Пѣсней Пѣснь,
 внималъ своей мечтѣ.
 Распято время.
 Распластаны его движенья..
 Бѣгите! бѣгите мгновенья!
 Завѣсу распахните
 — хоть на каплю, —
 — хоть на песчинку —
 Зажгите солнце новое!

Мозгъ свинцовымъ плавомъ
 повисъ и давить черепъ.
 Змѣиными клубками
 душатъ думы сердце,
 Однѣ...

Распни! Распни!

Іуда задохнулся.
 Подъ вѣрнымъ лезвіемъ
 гремящей правды..
 — умретъ —
 — сгніетъ —
 Христось Іудѣ равенъ —
 въ Немъ человѣкъ посѣянъ —
 И человѣка предалъ человѣкъ.

Распни! Распни!

Дай отвѣтъ мнѣ, Іегова!
 Ты подымалъ меня
 на облака Синая,

и Новую скрижаль
изъ молній высѣкалъ
и путь громами устилалъ
сквозь ады мукъ...
Вель — —

Іуда, какъ дитя больное.
Безпомощно заныли руки:
обмана просятъ.
Унизаны воспоминаньемъ,
гирляндами любви повиты,
любви низвегнутой,
ревнивой о любви...

Я именемъ Твоимъ изгналъ бѣсовъ...
— умретъ —
— сгніетъ —

Тяжелыми комками
распалось сердце.
Непоправимое вползло,
загрызло...
Понурилась душа.
Безумье тихое
неслышно пригвоздило
къ кресту позора.

Ползкомъ проползъ
къ старѣйшинамъ Іуда.
И полумертвыми словами
въ тоскѣ кромѣшной
передъ презрѣнными презрѣнный

раскаялся:
«Согрѣшилъ я,
предавъ кровь Невиннаго»...

И, бросивъ сребренники въ храмъ,
бездомный,
разрушенный до тла,
въ послѣднее убѣжище онъ постучался
къ Тебѣ, о мать покинутыхъ,
Смерть.

Я слышу рыданье
поруганной вѣры.
Внимаю лобзанью
изъ вѣрныхъ вѣрнаго
Іуды.

К О Н Е Ц Ъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

СТР. 252. **Омель и Ень**—названія зырянскія, а описываемые, подъ этими названіями боги, ихъ дѣла и личности, созданныя этими богами, относятся къ зырянской мифологіи. Я не могу утверждать, что представленная мною космогонія и образы существъ, созданныхъ Омелемъ—богомъ печальнаго образа совпадаютъ съ представленіями древняго зыряннина. Живя въ Устьсысольскѣ (Вологодской губерніи), въ этомъ центрѣ зырянскаго населенія, я глазами плѣнника смотрѣлъ на невѣдомое мнѣ нерусское царство и слушалъ рассказы тѣхъ простыхъ людей, съ которыми короталъ долгіе зимніе дни-полуночи. Книги и рассказы просвѣщенныхъ зырянъ: книги К. Θ. Жакова и рассказы В. В. Налимова дали мнѣ ту шапку-невидимку, въ которой я самъ на свой страхъ пошелъ по лѣсамъ, и полямъ странной зырянской земли, какъ странна мѣдноликая бѣлая зырянская ночь.

Омель и Ень—два главныхъ и собезначальныхъ божества, два творца міра зырянской мифологіи. Зырянскому дуалистическому міеу о мірозданіи находятся параллели въ мифологіи сосѣднихъ народностей: у черемисовъ творятъ Юма и Кереметь, у мордвы Чамъ-пасъ и Шайтанъ, у вотяковъ Инмаръ и Шайтанъ; таже двойственность сказывается у вогуловъ, у сибирскихъ маньзовъ (древнихъ югровъ), въ самоѣдскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ сказаніяхъ, восходящихъ къ финско-угрскимъ и урало-алтайскимъ древнимъ повѣрьямъ, къ которымъ близко подходитъ распространенный среди славянъ богомильско-христіанскій міеъ о совокупномъ творествѣ Бога и Дьявола (Сатанаила), возникшій изъ ученія манихеевъ и павликианъ и напоминающій древне-иранскія представленія о совмѣстномъ творествѣ Ормузда и Аримана.

Необходимо отмѣтить особенность въ мотивахъ творчества

зырянскихъ боговъ. Насколько извѣстно, такихъ мотивовъ не встрѣчается. И тотъ и другой, отягченные мощью и не проявившіе своихъ творческихъ возможностей, каждый про себя, рѣшаются покончить съ собой и, оставляя міръ, въ своемъ паденіи встрѣчаютъ другъ друга. Черезъ отчаяніе въ мигъ восторга встрѣчи создаетъ Енъ видимый міръ—весь бѣлый свѣтъ и, успокоенный въ сознаніи своего величія и совершеннаго дѣла, удаляется на вершины Брусняныхъ (Уральскихъ) горъ, гдѣ и до сей поры возсѣдаетъ гордый и недоступный и такъ высоко, что никакая молитва, никакая жалоба не доходитъ и не беспокоитъ его божескаго слуха. Все хорошо и лучше не можетъ быть въ бѣломъ царствѣ Ена. Черезъ отчаяніе въ мигъ горькой мудрости, что безсмертнымъ богамъ нѣтъ даже надежды на смерть, творитъ Омель свой странный міръ, полный мечты и разочарованія. И грусть покрываетъ счастливую землю Ена.

Все созданное Омелемъ тяготится своей жизнью, хочетъ быть обыкновеннымъ, жить отъ весны до зимы, расти и клониться, какъ живетъ и поспѣваетъ. Еново созданіе по какимъ то его строгимъ законамъ непреложно и раздѣленно. Омелевы дѣти, очутившіяся въ плѣну у Ена,—одинокі, какъ чужіе, и всѣ ихъ надежды освободиться или смѣшаться тщетны. Лучше быть чѣмъ угодно, только не самимъ собой въ этомъ бѣломъ суровомъ царствѣ Ена.

Стр. 255. **Полезница**—созданье Омеля, живетъ на поляхъ, хоронясь въ колосьяхъ. «Не забирайтесь въ колосья, тамъ васъ Полезница ухватитъ и все выкуситъ»,—говорятъ старшіе ребятишкамъ, когда тѣ отправляются въ поле.

Не отъ жестокости занимается Полезница такимъ истязаніемъ малолѣтнихъ и тяжкимъ уродованіемъ, она хочетъ превратиться въ женщину-человѣка и надѣется, что это превращеніе наступитъ, когда станетъ она ѣсть живые человѣческіе органы нетронутые и чистые.

Стр. 258 **Икета**—такъ называютъ ребенка-уродца, рожденнаго отъ лѣсной женщины и человѣка-охотника. Лѣсныя женщины, отчаявшись въ собственномъ превращеніи, живутъ надеждой: соединившись съ человѣкомъ, родитъ человѣка, который выведетъ ихъ изъ Енова плѣна—сдѣлаетъ ихъ своими въ Еновомъ царствѣ. И никогда не рождается человѣка, а всегда Икета съ вывернутыми пятками.

Стр. 260. **Кутья-войсы.** — метельные духи, которымъ дается власть надъ землею отъ Постной кутьи—Рождественскаго сочельника до Богоявленія,—двѣнадцать дней въ году. На Богоявленіи по освященіи воды они угоняются въ свое царство и метели не слышно. «Чтобъ тебя кутья-войса взяла!»—говорится въ сердцахъ на обидчика, а ужъ Кутья-войса спуска не дастъ, съ ней не похорохоришься.

Стр. 262. **Бубыля**—олицетвореніе Омелева отчаянія, а можетъ быть, общаго исконнаго богамъ отчаянія, которое заложено въ твореніи міра. Бубыля—домовой, смущающій покой и счастье, которое, выпавъ на долю человѣка, не можетъ длиться вѣчно во временномъ царствѣ Ена.

Стр. 263. **Кикимора**—близкая и родная намъ русскимъ Кикимора,—дѣтище Омеля, нашедшая исходъ отчаянію въ юморѣ и нѣкоторомъ озорствѣ.

Стр. 264 **Заклинаніе вѣтра.** По зырянскому повѣрью Вѣтеръ прежде всего глупъ и, когда онъ дуетъ, его легко можно успокоить, сказавъ, что жива его Бабушка.

Стр. 266. **Разрѣшеніе путь**—сѣверное повѣрье, не зырянское: всякій человѣкъ рождается со связанными ногами и, чтобы ходить, надо эту веревку распутать. Можно думать, что у человѣка и крылья есть и тоже, какъ ноги, запутаны веревкой, одно горе,—забыли люди того Пунтилея, который одинъ имѣетъ власть распутать крылья.

Стр. 268. **Плачь дѣвушки передъ замужествомъ.** Человѣкъ непосредственно не можетъ обращаться съ молитвой къ Ену, да если бы на такое и пошелъ, все равно по-пусту: Брусная гора не болотная кочка, до нея не доскочишь. А вотъ если встанутъ всѣ рѣки, всѣ лѣса, всѣ звѣри и свѣтила небесныя, Енъ, можетъ быть, что-нибудь и услышитъ, хоть и не все,—половинку, а все-таки прокъ будетъ.

С О Д Е Р Ж А Н І Е.

Чортовъ логъ. Разказы.

	I.	СТР.
Чортикъ		9
Слоненокъ.		51
Бибка		75
Барма.		87

	II.	
Въ секретной		95
Музыкантъ.		105
Серебряныя ложки		115
Новый годъ		129

	III.	
Крѣпость		153
Безъ пяти минутъ баринъ		165
Придворный ювелиръ		171
Пожаръ.		181

Полунощное солнце. Поэмы.

	I.	
Бѣлая башня.		201

II.

Сѣверные цвѣты.	251
Омель и Енѣ.	252
Полезница.	255
Икета	258
Кутья-Войсы	260
Бубыля	262
Кикимора	263
Заклинаніе вѣтра	264
Заклинаніе вѣтра	265
Разрѣшеніе путъ	266
Плачь дѣвушки передъ замужествомъ	268
Лепестокъ	270
Кладбище.	271
Чайка.	274
Радуга	275
Бѣлая ночь	279
Воскресенье	281
Иванъ Купаль.	283

III.

Іуда	295
Примѣчанія	313
Содержаніе.	316

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЧОРТОВЪ ЛОГЪ и ПОЛУНОЩНОЕ СОЛНЦЕ. Разказы и поэмы
(1900—1906 г.). Изд. Еос. СПб. 1908. ц. 1 р.

ПРУДЪ. Романъ (1902—1903 г.). Изд. Сириусъ. СПб. 1908. ц. 1 р. 25 к.

ПОСОЛОНЪ. Сказки (1900—1906 г.). Съ рис. Н. П. Крымова. Изд.
Золотое Руно. М. 1907. ц. 1 р.

МОРЩИНКА. Сказка (1906 г.). Съ рис. М. В. Добужинскаго. Изд.
Шиповникъ. СПб. 1907. ц. 50 к.

ЛИМОНАРЬ. Повѣствованія по апокрифамъ (1906—1907 г.). Изд.
Оры. СПб. 1907. ц. 60 к.

ЧАСЫ. Романъ. Изд. Еос. СПб. 1908. (Печатается).

МАКА или ПОХОЖДЕНІЯ МАЛЕНЬКОЙ КОРОЛЕВЫ. Разказъ
для дѣтей. Съ рис. А. Н. Бенуа. (Готовится къ печати).

АННА САКСАГАНСКАЯ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:

1. Безумная. Драма въ 2-хъ дѣйств. и 3-хъ карт.
2. Внѣ закона. Драма въ 3-хъ дѣйств. и 4-хъ карт.
3. Генеральная репетиція. Водевиль въ 1-мъ дѣйств.
4. Герой. Шутка въ 1-мъ дѣйств.
5. Двѣсти тысячъ. Водевиль въ 1-мъ дѣйств.
6. Именины въ деревнѣ. Шутка въ 1-мъ дѣйств.
7. Именины Наташи. Водевиль въ 1-мъ дѣйств.
8. Картинка жизни. Драматическій этюдъ въ 1-мъ д.
9. Коллекція. Фарсъ въ 2-хъ дѣйств.
10. На новую дорогу. Пьеса въ 4-хъ дѣйств.
11. Недугъ времени. Драматическій этюдъ въ 1-мъ д.
12. Не понялъ. Драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйств.
13. Одурачили. Водевиль въ 1-мъ дѣйств.
14. Поздняя правда. Драматическій этюдъ въ 1-мъ д.
15. Самой красивой женщинѣ. Шутка въ 1-мъ дѣйств.
16. Степной цвѣточекъ. Драматическій этюдъ въ 1-мъ д.
17. Сумерки. Драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйств.
18. Сѣти. Фарсъ въ 2-хъ дѣйств.
19. То было ранней весной. Шутка въ 1-мъ дѣйств.
20. Феминистка, или долой мужчинъ! Шутка въ 1-мъ д.
21. Чѣмъ не женихъ! Водевиль въ 1-мъ дѣйств.
22. Чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ли на себя кума обратиться. Водевиль въ 1-мъ д.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО EOS.

ДМ. ЦЕНЗОРЪ.—«Старое гетто». Цѣна 20 к.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ.—«Пляска мертвыхъ» въ переводѣ Потемкина, съ обложкой Л. Бакста. Цѣна 60 к.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. — «Княжна - Русалка», книга разсказовъ въ переводѣ О. Норвежскаго, съ обложкой Троянскаго. Цѣна 1 р.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ.—«Маркизь фонъ-Кайтъ» драма въ пяти дѣйствіяхъ, переводъ О. Норвежскаго. Цѣна 60 к.

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.—«Сказка о трехъ царскихъ дивахъ и объ Ивашкѣ, поповскомъ сынѣ». Цѣна 20 к.

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ. — «Въ башнѣ», стихи, книга первая. Цѣна 1 р.

ВЛ. ЛЕНСКІЙ. — «Утренніе звоны», сборникъ стиховъ. Цѣна 1 р.

МАРІЯ МАДЕЛЕНЪ.—«Три ночи»—пѣснь любви въ переводѣ О. Б. Гольденбергъ. Цѣна 60 к.

СБОРНИКЪ «МОЛОДОЙ ПОЛЬШИ» подъ ред. Евг. Троповскаго. Цѣна 1 р.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.—«Чертовъ Логъ»—разсказы. «Полуночное солнце» — поэмы. Цѣна 1 р.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. — «Часы», романъ (въ печати).

